

Лидия Попкова

Русь моя голубая, да белая

Литературный клуб Исеть

2018

Попкова Лидия Николаевна

р.п. Каргаполье (Курганская область)

Попкова Лидия Николаевна родилась в р.п.Каргаполье. Получив высшее педагогическое образование, преподавала литературу в сельском профтехучилище. В 1982 году семья переехала в р.п. Каргаполье. Работала журналистом в районной газете "Сельская правда". Стихи пишу с детских лет. Являюсь членом районного творческого объединения «Светлые поляны». Выпустила 11 личных сборников: «Две Лидии», «Рябиновые бусы», «Край берёзовый», «След на земле», «Предзимье», «Под созвездием Стрельца», «Заколдую рифмой слова», «Земли моей живые родники», «У деревни русская душа», очерк «Надеждина судьба», «Синеокая Русь моя...». Стихи публиковались в коллективных поэтических сборниках ТО «Светлые поляны»: «Межа», «Созвездие», «Колосьев шум», «Память сердца», «Горькой памяти след», «Закатные зори», «Наедине с собой», «У каждого своя тропа», «Себя находим мы в стихах» и других, а также в областных журналах «Сибирские огни», «Огни Зауралья», в газетах «Новый мир», «Зауральский ветеран».

С августа 2011 года член Российского союза профессиональных литераторов.

Размышления о творчестве

Идея собрать воедино всё то, что написано за творческий период жизни возникла у меня давно. Хотелось оставить тот след памяти, который бы хранился в сердцах земляков, детей и внуков, чтобы взяв в руки книгу, они вспомнили меня сегодняшнюю и вместе со мною прошли тот земной путь, что вольно или невольно отразился в моём творчестве.

Стихи стали для меня чем-то святым и высоким. Они не блистают высоким слогом и мастерством, в них не соблюдены «неписанные законы» стихосложения, те классические требования к истинно высокой поэзии, но написаны они от всей души, они просты и понятны, в них чувства, что испытаны в минуты откровения, когда душа требует излить те чувства на бумагу...

Я никогда не писала стихов «на заказ», потому что считала, что в такие стихи трудно вложить личные переживания. Мои стихи – исключительно рождались в минуты вдохновения. Иногда оно приходило и покоряло своей неудержимостью, будто в душе распаивалась невидимая дверца, и рифмованные строки легко выливались на чистый тетрадный лист. Казалось, они не кончатся, и чувства переполняли грудь, и в стихах переживались волнения и раздумья, переплетались красота звуков и мелодия души...

А иногда не писала годами. И не ставила перед собой никаких творческих целей, и не стремилась что-либо «выжать» из себя. «Не пишется и не пишется. Значит, так надо»... Я воспринимала это, как закономерность. Но наступал момент и приходило вдохновение, что требовало взять в руки перо и лист... И начинался творческий виток. Такой момент возникал неожиданно, он мог настать в любое время суток, среди дня и глубокой ночью... И пропадал сон. Строки текли легко и рифмовались без натяжки и напряжения. Я редко потом изменяла их. Это было просто какой-то, мне самой непонятной, тайной, каким-то даром свыше...

Но я всегда была уверена, знала и теперь осмелюсь утверждать, что стихи должны иметь определённую логическую последовательность, завершённость, цельность. Не приемлю стихов, которые, как говорят, «начинаются «за здравие», кончаются «за упокой»». Такие стихи меня раздражают. Для меня эталоном всегда были стихи каргапольского поэта Анатолия Павловича Предеина. А из классиков люблю стихи Сергея Есенина, Александра Пушкина, Александра Блока.

Я долго думала о том, как назвать сборник, объединяющий моё творчество. Название «Русь моя: голубая да белая» пришло неожиданно. Действительно, всё, что отражает моё творчество – природа, любовь, отчий дом, близкие люди, друзья, православная вера и другие мотивы – всё это моя Родина – Русь. А «голубая да белая» - это два главных цвета, что для меня символизируют её. Русь – голубое небо, васильковое поле, реки и озёра. Смотришь и не насмотришься на этот голубой простор. Помните у Есенина: «Только синь сосёт глаза...»

Русь - белые берёзы, ромашковые поляны, белые лебеди, а зимой белые снега, леса в белом убранстве... Ведь и свет называют белым. Всё самое чистое, светлое – это белое... Моё творчество, объединённое в сборнике, разбито на несколько разделов. Кроме того оно включает две основные части: «Поэтическое творчество (стихи, поэмы)» и «Проза (рассказы, зарисовки, очерки, миниатюры)».

Стихи мои, как души отражение...

*Мои стихи, как души отражение,
В них чувств и мыслей высокий полёт,
В них радость, боль, красота и волнение –
Всё то, чем сердце моём живёт...
Я их пишу, оттого что знаю:
Иначе просто мне не сказать.
В стихах я душу свою обнажаю:
Удел у неё любить и страдать...
Стихи, как рассвет с зарёю алой,
Как солнечный свет и шум белых берёз,
В них мамыны песни и родина малая,
И небо ночное в мерцании звёзд...
В стихах я люблю и грущу, и мечтаю.
Я ими живу, полной грудью дышу,
В поэзии счастье своё обретаю
И рифмой излить свои чувства спешу...*

Вот так мне хочется начать рассказ о своём творчестве. На встречах с читателями мне нередко задают вопрос: Когда начала писать? Истоки уходят в детство. Я храню старенький альбом, исписанный детским почерком. Мне было лет 10. И помню своё первое стихотворение о весне, пробуждении природы, о радости человеческой души и о весенних заботах деревенских тружеников:

*Как всегда шли на завод рабочие,
В поле выходили трактора,
Лёд последний уносила в речке
Голубая талая вода....*

В этом детском альбоме стихи о природе (Весна, Осень, Зима, С Новым годом, Летнее утро) , о родине (Родина, Ночь) , об исторических событиях, (22 съезд КПСС, К коммунизму, О Ленине, Куба –да!) Особое место занимает подборка «К звёздам», в которой посвящения от полёта первого космонавта Юрия Гагарина («Восток»), до полёта космического корабля «Восток – 6» В этом же альбоме стихи о первой любви..... Шли годы. Желание писать стихи не пропадало. И я писала, писала, писала... иногда, отсылала их в районную газету, где они публиковались. Это для меня было огромной радостью.

Более осознанно начала писать в 80-е годы, когда пришла работать в редакцию районной газеты «Сельская правда». В эти годы познакомилась с людьми, увлечёнными поэзией Анатолием Предеиным, Николаем Белоноговым, Лидией Лабарешных, Петром Квашниным, Юрием Колбычевым и другими. Встречи в редакции и чтение стихов обогащало, рождало желание передавать стихотворной строкой чувства. Образование творческого объединения «Голос», а затем «Светлые поляны» стало очередной ступенькой на пути поэтического творчества. В газете начала выходить тематическая страничка «Литературное Каргаполье», а вскоре ежемесячное приложение – литературный альманах «Светлые поляны». Наше творческое объединение пополнялось новыми именами – Анатолий Ботников, Владимир Веселов, Иван Шаляпин, Борис Новиков, Юрий Бугаев, Анатолий Тутынин, Елена Васильева, Людмила Макарова, Людмила Кузнецова, Вероника Хабарова и другие, чьи имена сегодня известны в районе. Сегодня в составе объединения более 40 местных авторов, среди которых немало

поистине талантливых и известных в районе поэтов: Павел Зыков, Нина Чубарова, Надежда Мурзина, Владимир Еланцев. Многие имеют свои поэтические сборники. Возвращаясь к своему творчеству, замечу, что совместно с Лидией Григорьевной Лабарешных вышли сборники «Две Лидии» и «След на земле». Выпустила 9 личных сборников: «Рябиновые бусы», «Край берёзовый», «Предзимье», «Под созвездием Стрельца», «Заколдую рифмой слова», «Земли моей живые родники», «У деревни русская душа», очерк «Надеждина судьба», «Синеокая Русь моя...». Стихи публиковались в коллективных поэтических сборниках ТО «Светлые поляны»: «Межа», «Созвездие», «Колосьев шум», «Память сердца», «Горькой памяти след», «Закатные зори», «Наедине с собой», «У каждого своя тропа», «Себя находим мы в стихах» и других, в областных журналах «Сибирские огни», «Огни Зауралья», в газетах «Новый мир», «Зауральский ветеран».

С августа 2011 года являюсь членом Российского Союза профессиональных литераторов. О чём пишу? Тематика разнообразна. Ведущее место в моём творчестве занимает тема малой родины.

Неразрывно связана с ней тема природы, где с любовью к родному краю тесно переплетаются картины деревенских пейзажей и чувства, волнующие до глубины души. Мне близки деревенские мотивы. Каждый звук, каждая травинка, каждый шорох милы сердцу и живут в моей памяти. От соприкосновения с ними испытываю непередаваемые чувства, что выливаются в поэтические строки:

Из всех времён года более всего люблю раннюю осень. Этому времени посвящено немало моих стихов.

Зима – обновление природы. Чистая и снежная она навевает новые чувства, рождает ощущение свежести и неповторимости, будто расстилагает в душе покой, придаёт чистоту, красоту. Родные просторы кажутся по-особому милыми, бескрайними...

Перелистывая страницы, на второе место следует поставить тему любви и дружбы.

Стихов о любви много и в каждом переплетаются чувства нежности и затаённой грусти, Любовь, будто живое существо, и она рядышком идёт по жизни, наполняя её необыкновенным светом, рождает вдохновение, возвращает в прошлое, заставляет жить в настоящем и мечтать о будущем.

Невозможно тему любви представить без строк, посвящённых матери. С мамой связаны самые светлые и святы чувства, она идеал каждого из нас.

Важной темой своего творчества считаю тему Великой Отечественной войны. Моё поколение было послевоенным. Рядом с нами жили те, кто завоевал мирное небо, тишину, подарил нам счастье жить в свободной стране. Многие стихи посвящены землякам, участникам войны, моему отцу-фронтовику.

Военная тема включает стихи о Герое Советского Союза нашем земляке Александре Варфоломеевиче Исакове, о подвиге сержанта Петра Брагина, о поэте-фронтовике Иване Ивановиче Шаляпине. О наших современниках, участниках локальных войн в Афганистане и Чечне тоже написаны тёплые строки. Увековечена память о погибших земляках Романе Марковских и Дмитрии Ковшове...

Не менее важной в моём творчестве является Православная тема. Стихи имеют оттенок добра, любви, поклонения Господу и веры в святы заповеди Всевышнего. И, конечно, особым теплом наполнены строки Благодарения за ту Благодать, что даёт нам Господь. В стихах находят отражение трагические события, которые не просто потрясают не только Россию, но и весь мир, болью отзываются в наших сердцах: Чернобыль, Афганистан, Чечня и другие.

Детские стихи – ещё одна страница моего творчества. Они несут частичку доброты, душевного тепла, рассказывают о важном, что окружает детей. Выступая в детских садах, читаю стихи, и ребятишки с удовольствием слушают о весёлом дождике, которому

...Радуетя травка
Тёплому дождю,
Опустив головки
Цветы воду пьют...

(«Весёлый дождик»)

О колокольчике на лесной полянке

В летний солнечный денёк,
Ясный и погожий,
Распустился цветок
Голубой пригожий...

(«Колокольчики»)

И таких же милых одуванчиках

На лугу-лужочке
Жёлтые цветочки.
До чего пригожи –
На солнышко похожи...

(«Одуванчики»)

Они «путешествуют» по птичьему двору («Птичий двор»), качаются на каруселях в нашем парке («Карусели»), катаются на санках и лыжах («Зимние забавы») и т.д. Из рассказа для детей «О том, как хлеб на стол пришёл» подробно прослеживают весь его путь от маленького зёрнышка до зрелого колоса и румяного каравая на столе. Таковы основные направления моего творчества, хотя есть и другие стихи, дорогие моему сердцу: стихи-посвящения родным, друзьям, братьям по перу, коллегам по работе, стихи-откровения, стихи-песни и другие. Стихи - плод моего вдохновения. Завершить рассказ о своём творчестве я бы хотела вот такими строками:

Чем я живу? Любовью и Надеждой,
А Верою держусь я на плаву.
Стихами буду воспевать, как прежде,
Тот милый край, что Родиной зову.

Часть первая. Родина моя – Русь раздольная.

Синеокая Русь моя...

Где найти мне слова такие,
Чтобы нежности не тая,
Рассказать про чувства святыые,
Синеокая Русь моя.
Я люблю твои рощи зелёные,
Аромат полевых цветов,
И озёр глубину бездонную.
И бескрайний простор лугов.
О тебе боль моя и тревога,
В том признаться, я не стыжусь.
И прошу в молитве у Бога:
«Защити мою матушку - Русь!»

Гимн России

Есть минуты, что вечно помнятся,
Чем привыкли мы дорожить.
А моё сердце гордостью полнится,
Когда «Гимн России» звучит.
В нём величие, сила, слава,
Торжество высоких идей.
А мелодия, будто оправа
Слов и мыслей, что нет мудрей.
В нём «Отечество наше свободное»,
То, чем свято мы дорожим.
Красота и раздолье природное,
Всё, что любим, то, что храним.
В нём мне видится небо высокое
И лугов зелёный простор,
Вся Россия моя синеокая,
Отражённая в глади озёр.
Деревенские шумные праздники
И размеренный шум городов.
Вольный ветер бродит проказником
В жёлтых нивах спелых хлебов.
И на храмах её православных
Колокольный чарующий звон,
Да победы защитников славных,
Не вернувшихся с разных войн.
К ним я будто душой прикасаюсь,
Сердце громким набатом стучит...
Вновь я гордостью наполняюсь,
Когда «Гимн России» звучит.

Родина

Родина. Мне нет тебя дороже,
И любимей тоже края нет.
Чем-то ты на мать мою похожа:
Излучаешь и тепло, и свет.
В лёгком сарафанчике из ситца,
С русою распущенной косой,
Гордо, величаво, как царица,
Ты идёшь несжатой полосой.
И шумит пшеница золотая,
И не видно полюшку конца.
Ветер-озорник легко играет
Лучиками солнца у лица.
И улыбка светлая, как небо,
Словно родниковая вода.
А ладони сладко пахнут хлебом,
Сдобренным изюминкой труда.

Я - деревенская

Не зови, я к тебе не приеду.
Есть на это причина веская:
Твоему я чужая городу,
Оттого, что душой деревенская.
Здесь рассветы мои и закаты,
Травы шёлковые в росе,
И весеннего грома раскаты,
И леса в осенней красе.
Я впитала здесь запах хлеба,
Аромат цветущих лугов,
Бесконечное синее небо
И пьянящий порыв ветров.
Тут меня за родную считают
Перелески, луга, поля...
По-особому пух осыпают
Деревенские тополя.
Мне деревня до боли близкая:
Сей земли тонкий я колосок,
Каждой клеточкою деревенская,
Жизнь берёт в ней живой исток.
За околицей пахнет мятой,
Свищут в рощице соловьи.
И поют вечерами девчата
О разлуке, о счастье, любви...
А какие цветут ромашки!
Нет их чище, нежней, белей.
Что на свете может быть краше
Этой родины малой моей?

Не приеду к тебе. Не приеду!

Вот такая я. Может странная....
Мне дороже любого города
Деревенька моя деревянная...

Зауралью оду я пою

Зауралье. Светлые края,
Те, что в сердце трепетно ношу.
Зауралье – родина моя,
Я живу тобой, тобой дышу.
Здесь раздолье вольное лугов,
Будто вытканый ковёр из шёлка,
И сосновый рай густых боров,
Белые берёзовые колки.
Здесь глаза бездонные озёр,
Сказочные зори и закаты,
Здесь велик твоих полей простор,
Урожайми хлебов богатый.
Зауралье. Гордый край родной,
Оду славы я тебе пою.
Подвиг ратный, подвиг трудовой
Вписаны в историю твою.
Люди удивительного дара,
Имена их знает целый мир:
Гений медицины Илизаров,
Мальцев – земледелия кумир.
Край родной с любовью и размахом
В творчестве величием воспет.
Виноградов, Куликов и Пляхин –
Поэтической элиты цвет.
Но не только мастерами слога
Вдохновения рождён полёт.
Травников - художник он от Бога,
Дивные полотна создаёт.
В небе синем журавлиный клин,
Провожая осень в отлёт,
Верю, что из солнечных долин
Их земля родная позовёт.
И когда сойдёт последний снег,
Лопнут почки, листья обнажив,
Принесут они весны привет,
Пробуждая пашни чёрных нив.
Верность отдаю тебе сполна
И люблю тебя я всей душой,
Светлая, родная сторона,
Край мой за Уральскою грядой.

Утопаю в небе синем,
Пью прохладную росу.
Я люблю тебя, Россия,
Твою щедрую красу.
Твои алые рассветы,
Радость в солнечных лучах,
Я люблю, как пахнет лето
Разнотравьем на лугах.
Твои белые берёзы,
Полевых цветов букет,
И дождей весенних слёзы,
И волшебных радуг свет.
Величава и красива,
Так, что трудно передать.
Ненаглядная Россия,
Я люблю тебя, как мать.

Посмотри, какое небо:
Синь от края и до края.
И запомни, где б ты ни был,
Этот миг благословляя.
В поле белые берёзки,
Как девчонки, разбежались,
Их зелёные причёски
На ветру порастрепались.
Солнце тёплыми лучами
Нежит шёлковые травы,
Земляникой и цветами
Одаряют нас дубравы.
Край родной, земля святая,
Мне тебя дороже нет:
Синь от края и до края,
Да берёзок русских свет...

Деревенское утро

Утро раннее, погожее,
Петушиный переклик,
Заря – девица пригожая,
Из речушки моет лик.
Голубое небо чистое
Изумрудная роса.
Здравствуй, солнышко лучистое,
Разволшебная краса!
Молодое утро звонкое,
Птиц весёлый пересвист,
У крыльца берёзка тонкая
Заплетаёт в косы лист.
Лёгкий ветерок бессонником
Притаился средь цветов,
Слышно бряцанье подойников,
Да мычание коров.
Кличут бабы кур в ограду,
Точат косы мужики.
Утру солнечному рады
Сонно жмурятся коты...
Над цветами пчёлы выются,
Обвивает прясло хмель,
И скрипит по-над колодцем
Деревянный журавель...
Деревенька просыпается,
Сделав свежести глоток.
День хороший начинается,
Летний будничный денёк...

Каргаполье

Удивляюсь с каждым днём всё более:
Время мчится, годы торопя,
Как ты изменилось, Каргаполье,
С той поры, как знаю я тебя.
Вроде всё по-прежнему, как помнится:
Те же в старом парке тополя,
И по-деревенски за околицей
И луга, и перелески, и поля.
И река Миасс в места заветные
С удочками манит рыбаков,
А в бору сосновом в пору летнюю
Не собрать всех ягод и грибов...
Но над деревянными домами
Встали новых зданий корпуса,
Белыми взметнулись этажами
В синие, как утро, небеса.
По широкой автомагистрали
День и ночь автобусы идут...
Каргаполье, ты моложе стало.
Я тебя совсем не узнаю...
1969 г.

Я зову тебя родиной

Край родной. Голубое раздолье:
Перелески, луга, да поля!
Каргаполье, моё Каргаполье –
Моих светлых полей земля.
Голубое высокое небо
Опрокинулось вглубь озёр,
И качается в были-небыли
Облаков волшебный узор.
Васильков, незабудок, ромашек
Собирать не стану в букет,
Луг бескрайний цветами украшен
И звенит соловьиный рассвет.
Упаду в разнотравье душистое,
О тревогах забыв в тишине.
Солнце ласковое, лучистое
Улыбается мне в вышине...
Я зову тебя родиной малой,
Что от белых берёз светла,
Где над речкой – Миассом устало
Наклонилась седая ветла.
Здесь когда-то резвилось детство,
Отцвела черёмухой юность...
Жизнь дала этот край в наследство
И к нему я сегодня вернулась.
Здесь встречала радость и горе,
И местам этим предана ныне...
В тихой роще на светлом взгорье
Вечным сном спят мои родные.
Здесь я рада моим рассветам,
В мире нет стороны милей.
Я дала эту Родину детям,
Чтобы жить и любить на земле.
Может есть места и привольней,
Только мне по-прежнему дорог
Каргаполье моё, Каргаполье –
Сердцу близкий, родной посёлок!

Я Россию мою люблю...

Ах, Россия моя, Россия!
Синеглазая Родина – мать.
Я любовь к тебе с детства носила.
Как же мне за тебя не страдать?
Я люблю твою светлость берёзовую,
Неба грусть на глади озёр,
Зиму русскую, да с морозами,
А весной – половодья простор.
Земляничных полей раздолье –
Лета знойного терпкий дурман,
Васильков голубое приволье,
Колокольчиков звон по утрам.
Я подслушаю утром рано
Соловьиную трель в тихой роще.
Когда утро в объятьях тумана
Алый плащ для зари полощет.
Мне кукушка года считает
Одиноким и грустным «ку-ку»,
Когда росный рассвет встречаю
На миасском крутом берегу...
Дорога ты мне Русь осенняя:
Убран хлеб с золотых полей.
Полыхают огнём осины,
Тает в небе клин журавлей...
Деревенской моей России
Вновь и вновь в любви признаюсь...
Есть в тебе великая сила
Есть в тебе глубокая грусть.
Мне судьбой навеки завещано,
Чтобы в счастье жить, да добре.
Родила меня русская женщина
В снежном месяце – декабре.
Называю себя россиянкой
И делю с тобой радость и грусть.
Под мелодию русской тальянки
Я и плачу, я и смеюсь.
Ах, Россия моя, Россия,
Ты одна мне Родина – мать.
И молюсь и прошу я силы,
Чтоб с тобою жить и страдать.

Край родной

Я бреду по зелёной траве,
Солнце нежит землю теплом.
И в безоблачной синеве
Машет голубь белым крылом.
Я встречаю тихий рассвет,
И душа молодеет опять.
Здравствуй, лето, ромашек цвет,
Земляничных полей аромат!
Я люблю этот край родной.
Вновь в зелёный наряд одет
Старый парк над Миасс-рекой,
Где летит тополиный «снег».

Люблю тебя, родное Каргаполье!

Родной посёлок, наше Каргаполье,
Стоит на берегу Миасс-реки.
Любимый край, бескрайнее раздолье,
Земли моей живые родники.
Лугов зелёных вольные просторы,
Лесов прохлада, широта полей,
И неба синь... Вокруг открыта взору
Частица малой родины моей.
В кудрявых колках белые берёзы,
И по колено трав ковёр густой.
А по утрам росы хрустальной россыпь
Сверкает, словно жемчуг дорогой.
Здесь летом пахнет донником и мятой,
А осень – хлебной нивы аромат.
И нет другой мне для души отрады,
Чем луговой ромашковый наряд.
Посёлок наш заботливо ухожен.
Он будто город. Улицей идёшь:
Кварталы городские. Только всё же
По-деревенски прост он и хорош.
Нам есть чем дорожить и чем гордиться:
В асфальте улицы, в цветах сады и скверы,
Есть школы, детские сады, больница
И Храм Покровский – пристань нашей Веры.
Мне дорого родное Каргаполье,
Пусть в мире есть красивее места,
Но этот край люблю до слёз, до боли.
Достоин он и кисти, и холста.

Свидание с юностью

Тамакулье. Знакомая улица.
На свиданье пришла к тебе вновь.
Деревенские избы сутулятся
Среди новых больших домов.
Неужель ты меня не услышала?
Неужель не узнала меня?
Что грустишь под ветхими крышами,
Низко голову наклоня?
И глазами подслеповатыми
Избы вслед виновато глядят,
Через годы, что стали датами,
Будто вспомнить меня хотят.
Нет, теперь я тоже другая:
Седина серебром в волосах,
Уж улыбка светло не играет,
Нет былого задора в глазах.
Вновь иду я родною улицей,
Той, где память моя живёт.
И опять сердце бьётся-волнуется,
Словно встречи с юностью ждёт.
На пригорке – начальная школа,
Та, что снится мне до сих пор.
За окрайной – овражки весёлые,
Да холмы Тамакульских гор.
Сельский клуб в тополином парке,
Танцплощадка и обелиск...
Всё так в памяти близко и ярко.
А прошла уже целая жизнь...
Только мне всё верить не хочется,
Что букетом сирени вновь
Никогда ко мне не воротится
Та весна, та моя любовь.
И сегодня с душевною болью,
Мне свиданье пора оборвать...
И скажу я «Прощай» Тамакулью,
Чтоб уже не вернуться назад.

Три моих коня

Чем я живу? Любовью и Надеждой,
А Верою держусь я на плаву.
Стихами буду воспевать , как прежде,
Тот милый край, что Родиной зову.

Когда в душе бывало очень больно,
Когда теряла в жизни ориентир,
Мой отчий край ромашковым привольем
Минуты вдохновения дарил.

Через года в круговороте снежном,
Иль в зелени лугов, на склоне дня,
Как добрых три коня – Любовь, Надежда
И Вера – вновь вперёд несут меня!

Признание

Я люблю тебя, Родина милая!
И не ради высоких слов,
Посвящаю тебе, любимая,
Эти строки своих стихов.
В небе облачко тает белое,
Птицы, крылья раскинув, летят.
А мне хочется дерзко и смело
Это небо руками обнять.
В травах пряных чистые росы
Дорогими камнями лежат,
И поят молоком берёзы
Своих детушек – березят.
Распустивши косы зелёные,
Молодые осинки грустят.
А над ними высокие, стройные
Вековые сосны шумят.
А в лугах сладко пахнет кашкой,
Мягко трав луговых ковёр.
Ничего нет на свете краше,
Чем чарующий этот простор.
На рассвете в кустах сирени
Я замру, почти не дыша.
Соловиною трелью-звенью
Очарована вновь душа.
За грехи наши Божьей волею,
Жизнь любя, суждено отболеть.
Нам совсем немного позволено
Погостить на этой земле.
Оттого, красоту вбирая,
Каждый день, как святыню, храню.
И рябиной в саду отгорая,
Вдруг однажды кисть оброню.
Но любовь к тебе, Родина милая,
До конца во мне будет жить.
Ты прости, если вдруг не успела я
Что-то в жизни тебе посвятить.

У нас одна земля

*Откуда мы пошли? Известна
ли наша прародина? Наше
Каргаполье от Каргополя.
Каргополь – наша прародина
(П.Квашинин)*

Каргополь и Каргаполье – побратимы,
Архангельская область и Курганская.
И узы этой дружбы неделимы:
У нас одна земля родная – русская.
Среди лугов, лесов, озёр и пашен
На вольном берегу Миасс-реки,
То поселенье основали предки наши
И Каргаполовой – деревней нарекли.
Их трудный путь лежал сюда далече,
Из стороны, что соснами шумит,
От озера, что называлось Лача,
Где город Каргополь до сей поры стоит.
А здесь в краю любимом Зауральском
Историю свою мы бережём,
Сей уголок заветный, каргапольский,
Мы нашей малой родиной зовём.
У нас такие светлые просторы,
Леса, луга, да неба высота.
Куда б свои ни обратили взоры –
Повсюду сердцу близкие места.
Ромашек белопенное приволье,
И земляники спелой аромат,
Полей широких вольное раздолье,
Лесов сосновых царственный наряд.
Наш щедрый край, родной и благодатный
Стоит на берегу Миасс-реки.
Живут здесь люди добрые и знатные,
Трудолюбивые сельчане – земляки.
И в памяти хранят свои истоки,
Хоть время – сединою на виски.
Какие бы ни миновали сроки –
Миасс с рекой Онегою близки.
И Каргополь – прародина святая,
Тот город на Онежском берегу,
Живёт, растёт и силу набирает,
И там друзья – каргопольцы живут.
Каргополь и Каргаполье – побратимы,
Архангельская область и Курганская.
И узы нашей дружбы неделимы:
У нас одна земля родная – русская.

Кагаполье юбилейное

(К 335-летию посёлка)

У Каргаполья нынче юбилей.
И мы по-праву можем им гордиться.
И перевёрнута в круговороте дней
Истории ещё одна страница.

С тех пор минуло больше трёх веков,
Когда возникло поселенье новое.
У речки, среди зелени лугов,
Была основана деревня Каргаполова.

Из Олонецкой волости пришли
Те выходцы, из города Каргополя.
И оттого сей уголок земли,
Посёлок наш, зовётся Каргаполье.

В душе храним события и даты.
Трудом своим мы славим край родной,
Традициями добрыми богатый
И этой величавой красотой.

Он год от года краше и моложе.
Воспет в стихах, и славен песней звонкой.
Ведь нет на свете ближе и дороже,
Чем наша каргапольская сторонка.

К нам приезжайте в гости в Каргаполье,
Здесь встретите приветливых людей.
Понравится вам сельское приволье
И улочки в убранстве тополей.

И не захочется вам уезжать отсюда,
И всё здесь по душе придётся вам:
Уютный парк, фонтан, цветы повсюду,
И обновлённый Православный Храм.

Простор лугов, ширь золотого поля,
В саду над речкой звонкий соловей.
Мы чтим и любим наше Каргаполье,
Гордимся малой Родиной своей.

Боль о деревне

Ты, сторонка милая, славная,
Навсегда в моём сердце одна.
Деревенька моя деревянная,
Что грустишь на закате дня?
Что, родная, с тобой случилось?
Опустели поля хлебородные,
Молодёжь с деревней простилась –
Не нужны стали ей хлеборобы.
Поросла лебедой, да крапивою,
Окна накрест забиты досками...
А была такая красивая.
И о том помнят клёны с берёзками.
По весне одевалась невестою
В белый яблоневый наряд.
Привозили девчата местные
В женихи городских ребят.
По – над речкой звенели песни
Сенокосной июльской порой.
И страдания деревенские
Выводил гармонист молодой.
И игрались по осени свадьбы,
Когда лишь кончалась страда.
И почти у каждой усадьбы
Вырастали сенные стога...
Тут дома навек, крепко рубились,
Детский смех во дворах звенел...
Что ж с тобой, деревенька, случилось?
Кто порушить тебя посмел?
Оказалась ты не у дела.
Стала попросту не нужна.
Плачут, плачут берёзоньки белые,
Да рябины грустят у плетня.
Здесь друзья не встретят радушно,
Не пожмут от души руки.
Ведь остались в деревне – матушке
Доживать век одни старики.
И пустыми глазницами окон
Смотрит в речку деревня моя.
А над нею в небе высоком
Так печален крик журавля.

Песни

Песня о родном крае

(к юбилею Каргапольского района)

Сл. Лидии Попковой, муз. Владимира Веселова

Край любимый под мирным небом
Средь лесов, озёр и полей,
Одаряет нас щедро хлебом,
Да поёт в саду соловей.

Припев:

Край берёзовый, небо синее,
Луговой травы аромат,
Уголок зауральской России
Красотой неброской богат.
Ах, Миасс-река, да простор полей,
И огонь рябин под окном,
Нет тебя светлей, нет тебя милей,
Наша Родина, отчий дом.

Здесь живут работающие люди,
Пашут, сеют и ждут урожай,
Трудовой романтикой буден
Славят наш каргапольский край.

Припев:

Солнце нового дня поднимается
И плывёт малиновый звон.
Пусть в веках живёт и не старится
Наш родной Каргапольский район!

Припев:

О моей России

(Слова Лидии Попковой, музыка Владимира Веселова)

Вечер тает в бархате синем
Над родной сторонкой моей.
Деревенская мать – Россия
Величава в красе своей.

Как звенят на берёзках серёжки
И поёт о любви соловей,
Где-то плачет – грустит гармошка,
Как душа России моей

Припев:

У моей России – косы золотые,
У моей России – синие глаза,
Ясные рассветы, зори молодые,
На зелёных травах чистая роса.

Сколько бурь над ней пролетело.
Опалила огнём война.
Май Победный в цветении белом
Свято в сердце хранит она.
Пусть не все вернулись солдаты:
Где-то вечный нашли покой.
Над курганами в час заката
Шелестят берёзы листвою.

Припев:

Уголок России

Мой отчий край, моё родное Зауралье.
Твои луга, поля, леса не позабуду.
Восходит ясная заря над Каргаполем
И дарит добрый свет на радость людям.

Как велика моя Россия дорогая,
И мест красивых много есть —я это знаю,
Но нет прекрасней и милей родного края,
Его я в жизни ни на что не променяю.

Припев:

*Святая, светлая земля
Под вольным небом,
Шумят, волнуются в полях
Колосья хлеба.
Перепелась моя судьба
С твоею тесно.
Люблю и славлю я тебя
Стихом и песней.
Стихом и песней!*

Здесь в Зауральской стороне мои истоки,
О ней тоскую и пою я в дни разлуки.
И в Каргаполье вновь ведут пути-дороги,
Здесь дети выросли, растут сегодня внуки.

Здесь воздух чище, даль светлей, природа краше,
Простор лугов и ширь полей ласкают душу,
Поёт здесь звонче соловей в зелёной чаще.
И этот мир моей мечты я не разрушу.

Припев:

Белые снежинки

Сл. Лидии Попковой, муз. Алексея Вахнина

Белым полушалком принакрылась
Под окошком скромница-сирень.
Солнышко к закату покатилося:
Угасает тихий зимний день.

Припев:

*Падают и падают снежинки,
Устилают землю всё теплей.
Чудится мне: белые пушинки
Сыплет ветер с белых лебедей.*

Вот и я тихонько угасаю,
Дни проходят, им возврата нет.
Улетели с лебединой стаей
Много-много моих светлых лет.

Припев:

И из дальнего из-под небесья
Льют на землю-матушку свой свет.
И звенит прощальной грустной песней
Лебединый вольный крик-привет.

Припев:

И грустится об ушедшем лете,
и ведёт-колдует тишина.
Кажется мне, что на целом свете
Я осталась вновь совсем одна.

Припев:

Бабье лето

(сл. Лидии Попковой, муз. Геннадия Стрелкова)

Осыпают золото берёзы,
К югу улетают журавли.
По утрам цветы роняют слёзы
На остывшую ладонь земли.

Припев:

*Осень ранняя и плачет, и смеётся,
Утопая в ярких красках света.
Знаешь, а твоя весна вернётся,
Обернувшись тёплым бабьим летом...*

Трепетные тонкие осинки
Догорают в медленном огне.
Бабье лето тонкой паутинкой
Украшает ветви в тишине.

Припев:

Ты напрасно нынче загрустила,
Что твоей весне возврата нет.
Журавлей печально проводила
Долго-долго глядя им во след ...

Припев:

Май голубой

(сл. Л. Попковой, муз. В. Веселова)

Догорает закат весенний,
Тихий сад листвою шумит,
Я огромный букет сирени
Прижимаю к своей груди

Рук твоих и неплоть, и нежность,
Глаз любимых ласковый взгляд...
Расставанья ждёт неизбежность:
Нет дороги у нас назад.

Припев:

*Знаю время то не воротится,
Не придёт мой май голубой.
Но как хочется,
Ах, как хочется
Быть, как в мае том молодой.*

Звёзды ясные с неба падали,
Пахли терпко травы в лугах,
А твои поцелуи таяли
На моих горячих губах.

Семицветная чудо – радуга,
Трель соловушки на заре...
Я опять, как девчонка, радуюсь
И тоскую по той поре.

Припев:

Песня о селе Усть – Миасском

Там, где Миасс встречается с Исетью,
Где за рекой шумит сосновый лес,
Стоит село старинное столетья
Под ясным синим куполом небес.

Тот край, богатый лесом и водою,
Лежал в сторонке от больших дорог,
И предки, восхищаясь красотой,
Построили здесь в древности острог.

Припев:

*Усть-Миасс – сторона хлебосольная,
Отдаём тебе сердце в полон,
Берег озера Караульного,
Колокольный на храме звон.
Усть – Миасс – село деревянное
Поле, степь и озёрный плёс,
Наша Родина благодатная,
Ты светла от русских берёз.*

Село родное строилось и крепло,
Растило хлеб, лелеяло детей,
И в трудную годину лихолетья
На битву проводило сыновей.
Они свой край родной не посрамили,
За то, чтоб солнце мирное взошло,
Врага в жестокой схватке победили
И воротились в отчее село.

Припев:

Там, где Миасс встречается с Исетью,
Где за рекой шумит сосновый лес,
Стоит село старинное столетья
Под ясным синим куполом небес.
В полях у нас пшеница колосится,
И плещет в озере зеркальная вода.
Как, Родина, тобою не гордиться,
Как не любить и не беречь тебя.

Припев:

Усталая любовь

(сл. Л.Попкова, муз. П. Митрофанов)

Ты сегодня струн души не трогай
И не говори мне лишних слов.
Что присела сиротинкой у порога, {2 раза....
Ты, моя усталая Любовь?}

Я тебя не прогоню в отчаяньи,
Выслушаю исповедь твою.
И вернусь нежданно – нечаянно {...2 раза
В юность отшумевшую мою. }

Вновь уйдёшь – шаги в ночи растают,
И не скажешь мне прощальных слов.
Чистая, красивая, святая, {...2 раза
Ты, моя усталая, Любовь...}

Обидные слова

(сл. Л.Попкова, муз. Г.Стрелков)

Ты на нервах, как на струнах играешь –
Говоришь, что не твоя я судьба.
Обижаешь ты меня, обижаешь,
Точно зная, что люблю я тебя.

Припев:

Не обижусь, не обижусь

На обидные слова.

Я заранее предвижу:

Ты не прав, а я права.

Я для ссоры не вижу причины,
И меня, умоляю, не зли.
Ты моя, а я твоя половина:
Это повод для нашей любви.

Припев:

Понапрасну ты себя напрягаешь:
Будь уверен – твоя я судьба.
Я прощу тебе обиду, ты знаешь,
Потому что люблю я тебя.

Припев:

Часть вторая. Такие разные наряды у природы.

Осенние деньки

Улетают журавли. Улетают...
И, прощаясь, в синем небе курлычут.
Листья землю ковром устилают –
Осень шествует с царским величием.

Золочёная корона с брильянтами,
Вся в одеждах из золота да серебра,
Драгоценными украшена фантами,
И того не собрать в сундуки добра.

Нет прекраснее бус рябиновых,
Наливных, светом солнца пронизанных,
Что рассыпаны вокруг рубинами
И на нити-паутинки нанизаны.

А деньки стоят чудно-синие
Уходящим теплом сквозь пропитаны,
В тишине лесной запах осени,
Тут ядрёных грибов не считано.

Я опять той красой околдована,
Журавлей провожаю в даль синюю,
Чтоб весной молодой очарованно
Вновь услышать их песнь счастливую....

Какая осень! Просто чудо!
Как много красок у природы!
На миг художником побуду
И я в такое время года.

Побольше ярко-жёлтой краски
Я на берёзы разбросаю,
Их разрисую без опаски,
Как будто в солнце искупаю.

А красной краской разрумяню
Осинки в роще за рекою,
А неба высь не затуманю-
Раскрашу бледно-голубою.

Среди осенних красок ярких
Оставляю я кусочек лета:
Зелёным будут пусть подарком
Сосёнки в бархат разодеты.

На разноцветные куртины
Я вылью остальные краски...
И ранней осени картину
Я людям подарю, как сказку.

Куртина – гряда для цветов или других растений, клумба (устар.)

Осень

Отзвенело лето песней звонкой,
Отгорело, отцвело оно.
Осень- желтоглазая девчонка,
Постучала вновь в моё окно.
Тихий день до упоенья ясен,
Дивная краса ласкает взгляд.
Как богат и царственно прекрасен
Золотой берёзовый наряд.
Вспыхнувшие пламенем осинки,
Будто свечки тонкие стоят.
Осени примета – паутинки
Шелковыми нитями летят.
А в садах красавица – рябина
В гроздьях, будто в бусах дорогих,
Спелых ягод сочные рубины
Терпко на губах горчат моих.
В небе журавли кричат гортанно,
Улетают в тёплые края.
Из прохладной речки утром рано
Грустно умывается заря.
Солнышку теперь уж дольше спится,
Скупое отдаёт тепло оно.
Осень – желтоглазая девица,
Постучала вновь в моё окно.

Шепчет роща

Шепчет роща берёзовая,
Вся, как утро, светла,
И заря ленту розовую
В её косы вплела.
По траве по некошенной
Босиком я хожу
В детство, что пахнет росами
Там тропинку ищу...
Только из звонкой рощи
Птицы кричат мне вслед:
«Зря ты ищешь дорожку –
В детство возврата нет...»

Красота

В белых сарафанчиках берёзы
На поляне водят хоровод.
И опять лесная чудо-сказка
В царстве Берендеевом живёт.
Дальний колокол утопает в дымке,
Упираясь в синий неба край.
В расчудесной шапке-невидимке
Ходит-бродит добрый месяц-май.
Трепетную тонкую осинку
Он ласкает на своей груди.
Ей, накинув на плечи косынку,
Шепчет о весне и о любви...
Красоту берёзки величавой
Покорить желая, ей к ногам
Расстелил зелёный полушалонок
С жёлтою каймою по краям.

Мир земли моей

Край ты мой любимый каргапольский,
Неба синь, простор твоих лугов,
В перелесках тонкие берёзки
Шелестят листвою про любовь.
На лесных опушках незабудки
Смотрят ввысь глазами голубыми,
А ромашки лепестками чуткими
Скажут мне : любима – нелюбима.
В старом парке россыпи сирени,
Да пьянящий аромат черёмух.
Соловей мелодией весенней
Очаровывает всех влюблённых.
Я люблю спокойный бег Миасса,
Ширь полей и красоту лесов.
Мир земли моей, ты так прекрасен,
Что не нахожу я нужных слов.

Распускается первый подснежник,
И берёзка серёжки развесила.
Вновь весна. Первой зелени нежной
Улыбается солнышко весело
И распахнуто небо вешнее,
И, проснувшись, звенит ручей.
Как прекрасны Весна и Женщина
В первозданной красе своей...
Запоздалая весна
Что-то нынче весна затянулась,
Хоть настал уж её черёд.
До сих пор река не проснулась
И по-зимнему снег идёт.
И позёмка метёт по дороге,
Ветер северный в окна стучит...
А уже апрель на пороге
И вернулись домой грачи.
Светит солнышко в небе теплее,
Воробьи на ветках галдят,
Дни становятся всё длиннее –
У весны нет пути назад.
Где же ты, весна, заплутала?
Холода прогони скорей.
Долгожданная, пусть запоздалая,
Наши души теплом согрей.

Картинки

Нарисую солнышко:
Лучики, как стрелы,
Озерочко – стёклышко
Да берёзку белую.
И по всей картинке
Алые цветы.
Прямо в серединке
Рядом – Я и ТЫ.

На ромашке погадаю,
Обрывая лепестки.
Обязательно узнаю
Любишь иль не любишь ты.
Желтоглазая ромашка
Всё расскажет о тебе:
Иль удача, иль промашка,
Кто ты есть в моей судьбе?

Голубой цветок – незабудка,
Ясный, будто весенний рассвет.
Я тебя никогда не забуду –
Ты любовью нежной согрет.
В незабудках лесная поляна
Отражает синь небосвода.
И купается утром рано
Заря алая в тихих водах.

Пахнут руки мои земляникой,
Лес зелёный пронизан зноем.
На поляну вокруг взгляни-ка:
Россыпь ягод – чудо земное!
Под напевы берёзок белых
Я душою здесь отдыхаю.
Земляники ягоды спелые
Прямо в пригоршни собираю...

Август

Ещё не размокли дороги,
Ещё холода далеко.
Но август стоит на пороге,
Рябиной стучится в стекло.
В отлёт собираются птицы,
На травах роса студена,
А белой берёзоньке снится
Её молодая весна.
Ещё тёплый ветер ласкает,
Играя зелёной листвою,
Но август упрямо вплетает
В причёску ей лист золотой.
В дубраве грустит кукушка,
И тёплое солнце встаёт.
Но осень уже по дорожкам
Нет-нет да сторонкой пройдёт.
Пройдёт, мимоходом коснётся
Берёзки, осинки ль рукой...
И кисточкой яркой зажжётся
Осенняя прядь красотой.

Чем пахнет лето

Пахнет лето огурцами
И укропом в огороде,
Да подсолнухом цветущим
С жёлтой шляпой набекрень.
С солнечными бубенцами
Между грядок лето бродит.
В полдень жаркий, в полдень душный
Пёс Артос улёгся в тень.

Пахнет клевером и мятой,
Пахнет донником медовым,
Да, подвяленной на солнце,
Свежескошенной травой.
Да полынью горьковатой...
И мне чудится, что снова,
Будто в детстве, пью до донца
Сей целительный настой...

Земляникой пахнет лето,
Да клубникою лесною.
Их в плетёные лукошки
Набираю до краёв.
Щедрым солнышком согреты,
Под раскидистой сосною,
Сыроежки, как матрёшки,
Разбежались средь цветов.

Пахнет лето тёплым ветром
И малиновым рассветом,
Яблоками наливными,
Вишней спелою в саду.
И при всём, при всём при этом
Лето пахнет просто летом.
Аромат вот этот дивный
В своём сердце берегу.

Рябиновые бусы

Осень разрешения не просит:
Подошла, ступила на порог.
Золотыми листьями заносит
Ленточки тропинок и дорог.
И горят рябиновые бусы,
Как заря, умытая дождём.
Лёгкий ветер паутинки носит:
Бабье лето балует теплом.
Тянет сладким дымом с огородов,
В небе тает журавлиный клин...
Очарованные красотой природы
По – осеннему и мы грустим.

Первый снег

Над землёй, как и тысячи лет,
Кружит – падает первый снег.
Как невесты, берёзки несмелые
В кружева наряжены белые.
В дорогие меха одеты,
Засыпая, грустят о лете
Тополя и кусты сирени,
И черёмуха в снежном цветении.
Первый снег на солнце искрится,
На усталую землю ложится.
Он пушистыми хлопьями падает,
Чистотой первозданною радует.
Я ловлю в ладони снежинки,
Невесомые, будто пушинки.
Их теплом моих рук согреваю,
И они, удивлённые тают.
Мягкий, сказочный первый снег
Осыпает весь белый свет.
Молодая краса – зима
В гости жалует к нам сама.

Новогоднее

Новый год. Пушистая пороша.
Украшение ёлочных огней.
И, конечно, будет он хорошим,
И удачней будет и добрей.
В сказки я давно уже не верю,
Но хочу, чтоб Дедушка Мороз,
Распахнув навстречу вьюге двери,
Счастье настоящее принёс.
Снег волшебной круговертью кружит,
Щедро осыпая эту ночь.
В Новгороде жизнь свою итожим,
Худшее отбрасывая прочь.
И мечтаем о святом и светлом,
Чтоб любовь не обошла наш дом,
Чтоб душа не покрывалась пеплом,
А горела в нас живым огнём.
В полночь, под знакомый бой курантов,
Новогодний поднимаем тост:
За любовь! За счастье! За таланты!
Чтоб загаданное всё сбылось!

Снегопад

Ах, какой идёт снегопад!
Будто в сказке падает снег.
Как прекрасен и тих наш сад
В белоснежный наряд одет.
Собери снежинки в букет:
Как похожи они на цветы.
В них зимы аромат и свет
Небывалой земной красоты.
Подари мне счастье сполна
И скажи такие слова,
Чтоб от них, будто бы от вина
Закружилась вдруг голова.

Ночь

Как светла эта лунная ночь!
Сколько в небе далёких звёзд!
И уходят сомнения прочь,
Утопая в лавине грёз.
Хорошо в тишине мечтать,
Уносясь в бесконечность миров.
И такая в душе благодать,
Что дороже любых даров.
Неотрывно смотреть на Луну
Почему-то до боли хочется,
Слушать чуткую тишину
И не чувствовать одиночества.
Полнолуние. Россыпь звёзд.
Снег лежит голубой-голубой...
И крепчает в полночь мороз,
И царит в природе покой.
Уж к рассвету близится ночь.
Знаю, знаю, что спать пора.
Но себя побороть невмочь:
В тишине сижу до утра.

Ковёр

Из снежинок вытку ковёр,
Кружевной, мягкий, тонкий-тонкий.
Я сама воссоздам узор,
И наполню мелодией звонкой.
Пораскину его на поля,
На луга, словно бы покрывало.
Отдыхай, родная земля.
Ты, кормилица наша, устала.
Слушай, матушка, песни ветров,
Завывание вьюги капризной,
Чтоб весной молодою вновь
Возродилась ты новой жизнью.
Из снежинок ковёр кружевной
Пусть надёжно тебя хранит.
А пока над спящей землёй
Белой сказкою снег кружит.

Цыганские костры

Я люблю цыганские песни,
Их напев душевный и вольный.
Сердцу станет в груди вдруг тесно
И тревожно, и чуточку больно.
Я люблю цыганские пляски
У костра, под гитары звон,
Когда в вихре огня, как в сказке,
Небо кружится в унисон!
Над костром – прямо в небо искры,
Там, наверно, становятся звёздами,
Чтоб потом изумрудные брызги
Разбросать щедро в травы росами.
Словно отсвет степного пожара,
Те огни цыганских костров.
До зари будет плакать гитара
В чистом поле среди шатров.
Таково оно, счастье цыганское:
Воля в жизни дороже всего.
Мне бы вслед за бродячей повозкою
Убежать далеко-далеко...
Затеряться безвестно в таборе
И о прошлом своём забыть,
Чтобы в песнях, как будто в море,
Все печали свои утопить...

Осеннее

Я осенней свежести напьюсь,
Соберу букет из жёлтых листьев,
Поутру в прохладу окунусь,
Как в святой родник водицы чистой.
Обниму румяную зарю,
На осинки искрами упавшую,
И в пожаре этом догорю
Веточкой багряною вдруг ставшая.
Милая осенняя пора,
Ты на краски вновь не поскупилась.
Мне почудилось, что лишь вчера
С юностью своею я простилась.

Свиристели

Снег пушистый – чудо из чудес-
Падая тихо с высоты небес.
А сегодня утром свиристели
На рябину под окошком прилетели.
Куст осыпан гроздьями, как в сказке,
Собирай богатство без опаски.
Ягоды клевали терпко-сладкие
Шумные проказницы-хохлатки.
А закончив утреннюю трапезу,
Дружной стайкой улетели сразу,
На снегу оставив под рябиной,
Как кровинки ягоды-рубины.

Заболела весной

Отмели, отшумели метели.
Что-то снова случилось со мной:
Знать под музыку звонкой капли
Я опять «заболела» весной!
Пляшет в лужах весёлое солнце,
И вернулись в скворечник скворцы,
И душа моя радостью полнится,
Будто слышу в ней бубенцы.
Знаю, все желанья исполнятся,
Что загаданы тайно мной.
Ведь недаром под ласковым солнцем
«Заболела» я вновь весной!

Первый снег
(14 октября 2016 года – Покров)

Первый снег легко и красиво
Падал хлопьями с высоты,
И ложился, ну просто диво!
На цветущие в парке цветы...
Холодов ещё не бывало,
И не всяк поверить готов:
Из снежинок легло покрывало
На ковёр из живых цветов!
Ах, природа! Нас будто сказкой
Удивляешь ты вновь и вновь!
А ведь раньше белою краской
Украшала мир на Покров!
А сегодня! Ну, разве не диво?
Как виденье волшебных снов –
На цветущие клумбы игриво
Богородицы лёг Покров!...

Листопад

Умирает природа красиво:
Заметает сад листопад,
В тихой роще за речкой бурливой
Золотые берёзки грустят,
Молодые осинки, как свечи
Пламенеют в осеннем костре,
Уж прохладой наполнен вечер,
И туманы встают на заре.
Чуть поодаль стоит на пригорке
Куст рябиновый весь в огне,
И горят кисти ягод горьких
Среди листьев из медных монет...
Полегли зелёные травы,
Уж не слышно пение птиц.
И притихли сонно дубравы,
Отряхая наряд свой ниц.
На жнивье за лесной опушкой
Вольный ветер песню поёт,
Журавли вновь тревожат душу,
Собираясь в дальний отлёт.
Вдаль по синему небосводу
Белой стаей плывут облака...
Умирает, прощаясь, природа,
Но какая в том красота!
Я люблю увяданье природы,
Разноцветный её наряд.
Ведь мои золотые годы
Это осени листопад...

Осень

Плачет осень дождём унылым,
Мокнет листьев жёлтый ковёр.
До чего же всё опостылело,
И ничто не радует взор...
Отчего же тяжесть на сердце,
И ненужная эта хандра?
Мне сегодня в удачу не верится,
Будто не было счастья вчера.
Облаками закрыто небо.
Только ветер, холодный дождь.
Как бы мне одиноко не было,
Никогда ты меня не поймёшь.
В тишине затаюсь я в комнате,
Яркий свет в темноте не включу.
И в отчаяньи, прошлое вспомнив,
Не заплачу, не закричу.
Пусть стучат по стеклу дождевики,
Память прошлое ворошит:
Жизнь ломает меня, как былинку,
А мне всё-таки хочется жить.
Знаю, завтра мне будет легче,
Станет день и теплей, и светлей.
Время боль и тревогу лечит –
Утро вечера мудреней.

Плакала берёзка на заре

Солнце в небе отражали лужи,
Будто бы качая на весу.
Три берёзки после зимней стужи
Вновь встречали звонкую весну.
Ведь ещё вчера темнели почки,
А сегодня рано поутру
Выбросили первые листочки,
Зеленью играя на ветру.
И казалось, в этом мире радость
Никогда не обернётся злом.
А в их жизни красота и младость
Будут вечным светом и теплом.
Только вдруг одна берёзка-девочка,
В голубых своих мечтах паря,
Вздрыгнула в испуге каждой веточкой
Под тупым ударом топора.
И упала, удивлённо в небо
Глядя и не веря тишине...
«Может и удара вовсе не было?
Или только показалось мне?»
Ах, кому и что плохого сделала?
Ты ведь так любила эту жизнь.
У кого срубить берёзку белую
Равнодушно руки поднялись?
День усталый на закат клонился,
И ещё ласкал её листву.
Сок прохладный из ствола струился
И как слёзы падал на траву...
Вдруг подумалось, что в жизни нашей
Каждый день последним может стать.
Пусть же будет жизнь светлей и краше,
Чтоб любить и о весне мечтать.
Чтоб на миг не усомниться в вере,
И уметь, как свет, добро дарить.
А за всё, отпущенное в мире
Бога и Судьбу благодарить.
И испив её до дна однажды,
Удивлённо глянув на закат.
Вдруг упасть в траву, на землю влажную
Звёздочкой потухшей в звездопад.

За деревней, в роще берёзовой
Поутру поют соловьи,
Расстиляется пеной розовой
Покрывало нежной зари,
Пахнет пряно травой некошеной,
Ключ прохладный в низинке журчит.
В тишине, будто гостьей непрошенной,
Моя молодость в душу стучит....
Ну, зачем? Ведь прошли безвозвратно
Золотые, далёкие дни.
И уже не вернутся обратно,
Не согреют сердце они...
Но грустится светло о прошлом.
Как минуты те хороши!
Знать в берёзовой этой роще
Есть частичка моей души....

Я люблю, когда сирень цветёт,
Выбросив соцветья, словно свечи.
А в душе по-прежнему живёт
Вот такой же тёплый майский вечер.
Лунный свет и звёздный хоровод,
Да тропинка узкая в саду,
Где сирень душистая цветёт,
Я с любимым рядышком иду...
Кружится от счастья голова
И пьянит сирени аромат,
А твои красивые слова,
Будто заклинание звучат...
Где вы, годы юные мои?
Где души серебряная звень?...
Для других поют уж соловьи
И бушует по весне сирень.

Посчитай мне, кукушка, года,
Что осталось на свете прожить.
Время, как сквозь пальцы вода,
Торопливо вперёд бежит.
В сны всё чаще приходят ко мне
В мир иной ушедшие люди....
Уж не радуюсь звонкой весне,
И ничто вдохновенья не будит.
Ещё светит моя звезда,
Но всё чаще приходит усталость...
Посчитай мне, кукушка, года,
Что прожить на свете осталось...

Снегири

Снегири качаются на ветках,
Снег пушистый осыпая вниз.
А морозец молодой и крепкий –
Озорницы – зимушки каприз.

На рябине россыпь ягод спелых –
Полное лукошко набери!
И гарцуют весело и смело
На кустах красавцы - снегири.

В чудо-иней сад успел одеться,
Стал он и нарядней и светлей....
Я опять, как и когда-то в детстве
Радуюсь прилёту снегирей.

Весенняя рапсодия

Заступает весна на вахту:
Снег сошёл, почернели поля.
Ощущали ли вы, как пахнет
Отогретая солнцем земля?
На берёзках набухли почки:
День-другой и лопнут они,
Молодые зелень-листочки
Будут нежной красы полны.
Воробьи разгалделись весело –
Как давно денёк тёплым не был!
И сушить Веснянка развесила
Синий шёлковый купол неба.
Ручейки шумят шаловливо,
И друг друга спешат обогнать,
Ветерок озорной игриво
Дальний луг мечтает обнять
И смеётся лучистое солнышко,
Дарит щедро земле тепло.
А земля его пьёт до доньшка –
Оттого так кругом светло.

Жаркое лето

Забрело в речку лето красное,
Расшалилось, играя брызгами.
Зноем с неба солнышко ясное
Сыплет, как раскалёнными искрами
Жарко! Весело! И задорные
Ребятишки плещутся в речке!
И мелькают в воде озорные
«шоколадные» лица и плечи.
Отгорели на солнце чёлки,
И глазёнки стали светлей.
На рыбалку сходить бы на рёлку,
Потаскать глупцов-пескарей.
Да какая же тут рыбалка!?
Ведь в такой нестерпимый зной
Рыбе тоже, конечно, жарко –
Затаилась в тине речной.
Ах. Какое жаркое лето!
Не спасает от зноя тень.
Вся земля, как пепел прогрета,
Только в речке спасенье всем.

Ода молодости

Где-то там за синей-синей далью,
Нежности грустинку затая,
Принакинулась ажурною вуалью
Молодость красивая моя.

Там ромашек белые поляны,
Да берёзок шумный хоровод,
И в саду весеннем утром рано
Соловей мелодию ведёт.

Там цветёт сирень до одурения
И акаций стройные ряды,
Там души прекрасные мгновения
И мечты наивной чистоты...

Убегает тропка неприметная,
Та, что за околицу ведёт...
И моя любовь там безответная
В доме на окраине живёт...

Мне судьба нелёгкая досталась,
Только после жизненных утрат,
Навсегда нетронутой осталась
Молодость, как дивный звездопад.
И в груди, порой, бывает тесно
Сердцу. В том признаться не стыжусь.
Будто льётся лебединой песней
В небо улетающая грусть...

Встану с зоренькой, встану с алою,
Босиком пройду по росе.
Ты, любовь моя запоздалая,
Будто осень во всей красе.

Ничего тобой не обещано,
Не завещано ничего...
И совсем не твоя я женщина,
Хоть люблю тебя одного.

Сколько лет прошло, вёсен минуло —
Утекли года, как в реке вода...
Жаль не стала я тебе милою
И не буду уж никогда.

Встречу зореньку, встречу алую,
В себе силы я отыщу:
И любовь мою запоздалую
Белым лебедем отпущу...

Чем я богата? Золотом берёз,
Багряным заревом усталого заката,
И яркой молнией весенних гроз,
И облаками, что белее ваты.
Богата ранней алою зарёй,
Ромашек белопенною поляной,
Да неба солнечного синевой,
Травой зелёной, пахнущею пряно.
Моё богатство в чистоте души,
В друзьях моих и в материнском счастье.
И я богаче не желаю жить:
Что мне дано – то в Божьей власти!

Мне опять приснилась деревня:
Наш уютный, маленький дом,
Рыжий кот на крылечке дремлет,
Клён раскидистый под окном.
Во дворе копошатся куры,
Пёс старательно прячет кость.
А отец самокрутку курит,
Забывая под стрехою гвоздь.
Мама чистит в кастрюлю картошку,
Чтоб семье приготовить обед.
А за домом, в саду, на дорожку
Осыпают яблони цвет...

Ночь рассыпала звёзды,
Будто в поле цветы:
Изумрудные гроздья
Неземной красоты.
Вот бы мне осторожно
Букет звёздный собрать,
Да с земли невозможно
Это чудо достать.
Меня ночь зачарует
Своей красотой,
Тишиной околдует
И небес высотой.
Вдруг почувствую крылья
У себя за спиной.
Станет сказочной былью
Мой полёт над землёй...
Соберу звёзды в небе
Я в огромный букет...
Кто мечтателем не был,
У того крыльев нет.

Осенняя грусть

Осень листопадом разбросалась,
И туманы на луга легли.
А сегодня, до весны прощаясь,
Потянулись к югу журавли.

И курлычут громко, улетаю,
Покидая милые края.
В небе клин печальный провожая,
Вслед душою улетаю я.

Ярким пламенем горят осинки,
И искрится золото берёз,
Да летят над полем паутинки-
Шёлковые нити дивных грёз.

Я люблю осеннюю прохладу
И природы царственный наряд.
Осень – для души моей отрада,
Многоцветья праздничный парад.

Скоро – скоро первые морозцы
Унесут остатки красоты.
И на землю молоком прольётся
Белый снег с небесной высоты.

Коротки июльские ночи,
Пахнут мятою и цветами.
Да кузнечики громко стрекочут
И зарницы горят над лугами.

Звёзды падают за околицу,
Впору жемчуг тот собирать.
Верю я: желание исполнится,
Коль загадано в звездопад.

И по-прежнему хочется счастья
Настоящего. Хоть чуть-чуть...
У июльских ночей во власти
До зари не могу уснуть.

Месяц май отмечен грозами,
Зелень трав ковром легла.
Цветом нежным бело-розовым
Буйно вишня зацвела.
И черёмуха душистая
Обновила свой наряд.
Гроздьа белые, пушистые,
Как дурман-трава пьянят.
Я опять в весну влюблённая,
Каждой клеточкой дышу.
И со счастьем обручённая,
В светлый мир мечты спешу.
В тот, где юность беззаботная,
Где обитель сладких снов,
Где от мелочей свободная
Живёт чистая любовь

Подари мне ромашек букет,
Белый – белый, как снег в январе.
Подари соловьиный рассвет,
Терпкий запах трав на заре.
Подари мне тепло своих губ,
И желанную нежность рук.
Радость ту, что Любовью зовут,
Подари этот мир вокруг.

В осеннем лесу

Октябрь. В лесу такая свежесть,
Что я дышу – не надышусь.
И наполняет душу нежность,
Да тихая приходит грусть.
Щедра осенняя природа,
Лес залит солнышком насквозь.
Люблю я в это время года
Убранство золотых берёз.
Как пахнет хвоей и грибами!
Играет в кронах ветерок.
Во мху под самыми ногами
Ядрёный спрятался груздок.
И дальше целая семейка
Ему подобных «бугорков».
В корзину их собрать сумеи-ка –
Богатство из лесных даров.
Ещё рубины костяники
В траве густой кой-где видны.
А на росинках – солнца блики,
Переливаются они.
Уж в муравейниках огромных
Не суетятся муравьи.
Лишь на поверхности их «дома»
Остатки веток и травы.
Лесное эхо стало громче,
И громче вторит в тишине.
Прохладней и длиннее ночи:
Знать время катится к зиме.
Последние деньки природа
Нам дарит солнце и тепло.
Октябрь. И скоро непогода
Дождями постучит в стекло.

Часть третья. У любви немало ярких граней...

Письмо Любви...

Я напишу письмо как откровение
Из самых нежных и красивых слов,
Открою чувств прекрасное мгновение.
Мой адресат – Любовь!

Я напишу письмо – души мелодию,
Как солнца свет и аромат цветов.
Как звонкую и лёгкую рапсодию.
Мой адресат – Любовь!

И в каждой строчке высота звучания,
Да тайна дивных неземных миров...
Полёт души в иные мироздания.
Мой адресат – Любовь!

Его я вензелем причудливым украшу,
Получишь и поймёшь без лишних слов...
В нём продолженье молодости нашей.
Мой адресат – Любовь!

Я опущу письмо в почтовый ящик,
С надеждой буду ждать ответа вновь.
Ведь о тебе я думаю всё чаще,
Мой адресат – Любовь....

Нас молила Любовь...

Мы на жизненном перевале
Где-то нашу Любовь потеряли.
А она вслед брела по дороге,
Разбивая о камни ноги...
Нас молила: «Остановитесь!
На мгновение оглянитесь!»
Но, не слыша отчаянья зов,
Забывали мы про Любовь.
А была она нашим счастьем,
Согревала теплом в ненастье,
И дарила нам лунный свет,
Соловьиный алый рассвет,
Белопенных ромашек раздолье,
Неба синь, золотое поле
И июльских ночей звездопад,
Щедрой осени чудный наряд,
Нежность рук и слиянье губ
И судьбою очерченный круг...
Но однажды с болью узнали,
Что Любовь в пути потеряли...
Знать метели её замели
В незнакомой снежной дали.
Не сумели Любовь сохранить...
Так кого же в этом винить?

Усталая любовь

Ты сегодня струн души не трогай
И не говори мне лишних слов.
Что присела сиротинкой у порога
Ты, моя усталая Любовь?

Я тебя не прогоню в отчаянье,
Выслушаю исповедь твою.
И вернусь нежданно - нечаянно
В юность отшумевшую мою...

Вновь уйдёшь – шаги в ночи растают,
И не скажешь мне прощальных слов,
Чистая, красивая, святая,
Ты, моя усталая Любовь...

Прошла любовь

Давай с тобой расстанемся шутя,
Ведь нет любви: она дотла сгорела.
Я до порога провожу тебя,
И пусть осудят нас: кому какое дело.
За холодность не упрекай меня.
Когда-то я тебя, поверь, любила...
Да только снова не разжечь огня –
Душа покрылась пеплом и остыла.
Наверное, мы оба виноваты,
Что не сумели наших чувств сберечь.
Но будь, что будет. нет назад возврата...
И не ищи со мной случайных встреч.

Он сказал мне: «Ты – чудо-женщина!
Я б тебе подарил все цветы!»
И ещё говорил: «Ты божественна!»
Почему он сказал, а не ты?
Говорил: «Ты обворожительна.
Как не видеть твоей красоты?
И глаза твои выразительны...»
Почему он сказал, а не ты?
И хочу я услышать снова
Те слова, что очень просты.
И хотя они вовсе не новы,
Почему их сказал не ты?
Я ему не давала повода.
А слова, как родник, чисты.
Те слова, как былого проводы,
Но сказал их другой. Не ты.

Наши встречи – боль и сомнение,
Не таи надежды на лучшее.
Просто мы живём в разном времени:
Я – в прошедшем, а ты – в будущем.
Ты о чувствах моих не спрашивай,
Не скажу я о том, что люблю тебя...
Для меня любовь – цвет ромашковый,
Для тебя – вычисление компьютера...
Ничего у нас не получится:
Мы – двух разных звёзд излучение.
Мне с тобою быть – только мучиться,
А тебе со мной – развлечение...

А любовь ворвалась непрошено:
Закружила в водовороте.
Осторожно, прошу, хороший мой,
На крутом судьбы повороте.
Нашу лодку несёт по течению,
Мы не видим обрыв берегов...
Отчего же в душе сомнения,
Когда ты говоришь про любовь?
Я поверю, что любишь по-прежнему,
Нам ведь так хорошо вдвоём...
Но боюсь я, что чувства нежные
Захлестнёт набежавшей волной.

Не ревнуй меня к прошлому
И упрёков не надо.
Замело – запорошило,
Всё, что было когда-то.
Безоглядно любила,
Безответно страдала.
И весна приходила,
Вновь сирень расцветала.
Осыпала черёмуха
Белый цвет на дорожки.
Я украдкой вздыхала:
Был он самым хорошим...
Память след запорошила.
Мир любовью окрашен.
ОН – останется в прошлом,
А ведь ТЫ – в настоящем.

Целовал меня в глаза – к разлуке.
Говорил, что лучше меня нет.
Ты в мороз отогревал мне руки,
Заслонял собой весь белый свет...
Были счастливы. Я это знаю.
Счастье мы делили пополам.
Только что теперь? Не понимаю.
Что же нынче помешало нам?
Слышишь: не целуй меня к разлуке,
И скажи, что лучше меня нет.
Отогрей своим дыханьем руки,
Заслони собой весь белый свет.

Утонули мечты о счастье
Где-то в тёплых грибных дождях.
И в душе, как в природе, ненастье:
Дождь. Да ветра шум в тополях.
Ложь посеешь – пожнёшь обман.
Счастье рядом прошло, как сон.
Я не верю твоим словам:
Все слова твои – пустозвон.

В Новогоднюю ночь

Новогодняя ночь. Звёзд мерцанье.
Голубой серебрится снег.
Я иду к тебе на свиданье
Самый лучший мой человек.
А вокруг чужое гулянье:
Шутки, смех и бокалов звон,
Да счастливые пожелания,
Да биенье сердец в унисон.
И я снова наивно верю:
В новогоднюю дивную ночь
Мой порог, за заснеженной дверью,
Обойдут все печали прочь.
И исполнятся все желания,
Ведь в мечтах уже много лет
Я спешу к тебе на свидание
Самый мой дорогой человек.

Встреча...

(Г. Ч.)

Падал снег. Зима колдовала,
Застилая даль пеленой.
Дочку я в Курган провожала,
Ну а ты уезжал домой...
На вокзале в сумрак одетом,
Как судьбы случайный привет,
Мы друг друга с тобою встретили
Через столько минувших лет...
- Здравствуй... (Слышу, как сердце бьётся,
Так, что слышен каждый удар).
- Здравствуй... (Прошлое не вернётся.
Отчего же в груди пожвр?)
Мы молчим и смотрим взволнованно...
Будто в юность шагнув напрямик.
Нашей памятью околдовано
Растворилось время на миг.
...Скорым поездом годы мчались.
Как же так получилось странно:
Вместе в дальний путь отправлялись,
Да на разных сошли полустанках.
Не для нас величальной песней
Мендельсона марш прозвучал...
В этом мире большом и тесном
Не нашли мы общий причал...
Были в жизни удачи и трудности.
Только что-то забыть нельзя:
Вновь глядят на меня из юности
Моей первой любви глаза...
Снег пушистый летит – кружится,
Укрывает землю порошею...
И красивою сказкой ложится
На тебя. На меня. На прошлое.

О любви

Если б жизнь свою, как киноленту,
Мне назад сегодня прокрутить,
Я оставила бы те моменты,
Где любовь бы продолжала жить.
У любви немало ярких граней,
И у каждой свой особый свет:
С детства мы любовь питаем к маме,
И храним её до зрелых лет.
Юности заря приходит ясная,
И под звон капли по весне
Первая любовь – пора прекрасная,
Окрыляет каждого вдвойне.
Первый поцелуй и цвет сирени,
Память юности приходит вновь.
И всю жизнь мы помним день весенний
И святую первую любовь.
Отчий край и дом, родной до боли.
В нашем сердце вечно будут жить.
Ведь завещано нам божьей волей
Родину свою, как мать, любить.
Любим мы своих детей и внуков.
Жизнь свою мы повторяем в них.
И в гармонии цветов и звуков –
Отраженье наших чувств былых.
Если б жизнь свою, как киноленту,
Мне назад сегодня прокрутить,
Я бы сохранила те моменты,
Где могла бы жить, мечтать, любить.

Невозвращённая любовь

Я уже ни о чём не мечтаю,
Успокоилось всё. Улеглось.
Но как часто тебя вспоминаю,
И о том, что в судьбе не сбылось.
Звёзды падали в травы росные,
И был юности первый рассвет.
Хоть считала себя я взрослою,
Было мне лишь шестнадцать лет.
Жить спешила, тревог не зная,
Всё понятно и даль ясна.
Непорочная и молодая
Бушевала вокруг весна.
Дорогим, желанным подарком
Был сирени пьянящий букет,
Да твои поцелуи жаркие,
Да луны ласкающий свет.
Поняла, что навек полюбила,
В мире самой счастливой была,
Каждый взгляд твой боготворила
И тобою одним жила.
Мне хотелось кричать от счастья,
Улететь в невесомую высь...
Но пришло за теплом ненастье.
И мечты, увы, не сбылись.
Лето жаркое отгорело,
Потянулись на юг журавли,
Так печально и так несмело,
Окликая друг друга вдали.
Отряхнули листву берёзы,
И отпел соловей на заре.
А дожди, как девичьи слёзы,
Пролились в золотом сентябре.
А потом замели метели,
И зима кружева сплела...
Мы сберечь любовь не сумели,
А она возвращенья ждала...
Сколько вёсен с тех пор пролетело:
Нам сегодня за пятьдесят...
Снова май в цветении белом.
Только нет дороги назад.
И уже ни о чём не мечтаю:
Успокоилось всё – улеглось.
С тихой грустью тот май вспоминаю
И жалею, что не сбылось.

Ночной звонок

Телефон проснулся в ночи
И тревожно ворвался в сон.
Только кто-то упорно молчит
На ответ растерянный мой.
По другую сторону провода
Кто-то слушает голос мой.
Может не было даже и повода,
Чтобы сделать звонок ночной.
Может кто-то ошибся вдруг,
Набирая номер другой?
Или недруг, а может друг,
Пошутить решил надо мной?
Отчего же сердце стучит, разрывая на части грудь?
Телефон упрямо молчит,
Только я всё ответа жду.
«Я Вас слушаю! Да! Алло!
Говорите! Кто нужен Вам?»
Но молчание, как назло
Делит эту ночь пополам.
Надо б трубку повесить мне.
«Вы ошиблись...», - тихо сказать.
Только я её, как во сне
Продолжаю в руке сжимать.
Мне упрямо сердце твердит:
Неслучаен звонок ночной.
Не ошибка это, а ты
Молча слушаешь голос мой.

Разные судьбы

(Г. Ч.)

Я, наверное, придумала любовь:
Захотелось тёплых чувств и нежных слов.
Вот поэтому под перезвон весны
Та любовь приходит в сладостные сны...
И опять цветёт до одури сирень,
И приносит радость жизни светлый день.
Тают, тают в синем небе облака,
И лежит в твоей руке моя рука.
Мы молчим и по тропиночке идём,
В целом мире мы сейчас с тобой вдвоём.
И ничто не потревожит тишину
В эту нашу, нашу первую весну.
Время звёздами упало в никуда,
Развело нас, разлучило навсегда.
И у каждого теперь своя судьба,
Но я помню ту весну, любовь, тебя.

Ты снишься мне

(Г. Ч.)

Ты мне, как раньше, снишься молодым.
И я тебя другим не представляю.
Прошли года, растаяли, как дым,
Теперь всё чаще юность вспоминаю.

Весёлая, счастливая пора,
И лунный свет, и аромат цветов,
И деревенские гулянья до утра,
Незабываемая первая любовь.

Избушка – на дорогу два окна,
Раскидистые клёны над скамьёй,
Та молодая, как и мы, весна,
И у калитки первый поцелуй.

Густой пьянящий яблоневый цвет,
Кипящая до одури сирень,
Луны чуть-чуть голубоватый свет,
Да от берёз отброшенная тень.

Грустит гармошка где-то за рекой,
И за душу страдания берут.
И хороводят звёзды над землёй,
И свет такой волшебный льют.

С тобой мы счёта не ведём часам:

Мы наше счастье делим на двоих.
Уж спит деревня, стихли голоса,
И свежий ветерок в кустах притих.

В тиши ночная птаха прокричит,
И кажется, что позднею порой,
Опять в окошко мама постучит,
И скажет строго: «Дочь, пора домой»!

Я рада, что ты снишься молодым,
Ведь я тебя другим не представляю.
И пусть года растаяли, как дым,
Ты помнишь обо мне, я точно знаю.

Жду тебя

Уезжаешь. Я тебе в дорогу
Талисман удачи положу.
Обниму, прощаясь, у порога
И слова хорошие скажу.
Пусть тебя хранит моя забота,
Бережёт от бед моя любовь.
Чтобы ни в веселье, ни в работе
Не забыл моих прощальных слов.
Буду сниться я тебе ночами,
Буду письма тёплые писать.
В доме стол накрою со свечами:
Каждый день тебя я буду ждать...
Ты войдёшь усталый от дороги.
Ах! Как закружится голова!
Обниму, встречая у порога,
И скажу хорошие слова.

Откровение

Кружит белая вьюга
Круговертью сплошной,
Сколько лет мы, подруга,
Не видались с тобой?

На виски, будто иней,
Нам легла седина.
Там, за далью за синей,
Где-то наша весна.

Там цветущей сирени
Нас пьянит аромат.
Только в день тот весенний
Нет дороги назад.

Вспоминая бывшее,
Будет нам не до сна.
Мы на кухне с тобою
Просидим допоздна.

Вспомним школьные годы,
Наших общих друзей.
Потолкуем, подруга,
О судьбе о своей.

Стынет чай в твоей кружке.
Что нахмурила бровь?
Ты скажи мне, подружка,
Есть на свете любовь?

Помолчишь в тишине,
Улыбнёшься устало:
- Исповедаться мне
Видно время настало.

Нелюбимой жила я,
И сама не любила.
Я к другому, вздыхая,
Свои чувства хранила.

Его ранней весной
Повстречала девчонкой,
Целовал под луной
Под рябиною тонкой.

До рассвета гуляли
По тропинкам росистым,
О любви нам шептали
На берёзоньках листья.

А когда в звездопад
С неба звёзды скользили,
Обещал их собрать –
Принести мне в корзине...

И смеялись всё чаще
Мы над шуткою этой.
Вместо звёзд из ромашек
Он дарил мне букеты.

И в него я влюбилась
На всю жизнь. Навсегда.
Только видно скатилась
С неба наша звезда...

И однажды шутя
Он сказал мне: «Дурёха,
Не люблю я тебя».
А мне было так плохо.

Жизнь дорогой легла,
Пролетели года,
Но его я ждала
И любила всегда.

Дом, семья и работа –
Всё путём у меня...
Но потеряно что-то.
Я не знаю сама.

Было счастье, да сплыло.
И не спрашивай вновь...
Ты сама делай вывод –
Есть ль на свете любовь...

Успокоится вьюга.
Встанет день над землёй.
Сколько лет нам, подруга,
Не видаться с тобой?

Алые паруса

В синем-синем море
Белый пароход,
Чайки на просторе,
Ясный небосвод.
Там Ассоль, простая
Девушка жила,
И под алым парусом
Пароход ждала.
Верила наивно
В эту сказку вновь,
Всё ждала невинно
Там свою любовь.
Мне же так хотелось
Ей подругой стать.
Чтобы, как умелось,
Вместе помечтать.
К речке в летний вечер
Шла тропинкой той,
Думала там встречу
Девушку Ассоль...
Как легко мечтала
Я на берегу.
Весело играли
Волны на бегу.
Солнце на закате
Дарило красоту.
Верила я свято
В детскую мечту.
И плескались рыбы
Где-то в глубине,
И казалась небыль
Чистой правдой мне.
Чудилось, что скоро
Счастье приплывёт,
Грэй прибудет с моря,
На берег сойдёт.
Зорко вдаль смотрела:
Чуда всё ждала.
Сказку, как умела,
В сердце берегла.
И кричали птицы
В синей вышине...
По сей день всё снится
Эта сказка мне.
Годы пролетели
Стаей лебедей,
Но не позабыла
О мечте своей.
Снова в час заката
Вижу чудеса:

Белые фрегаты,
Чудо – паруса.

Под Новый Год

Я Новый Год встречаю без тебя,
Но о тебе с любовью вспоминаю.
Такая вот разлучница – судьба.
И я её, отнюдь, не понимаю.

А вечером в наш дом нагрянут гости:
С тобою наши общие друзья.
Но одного лишь буду ждать я гостя –
Родного и любимого тебя.

Под бой курантов, поднимая тост,
Мне пожелают крепкого здоровья,
Любви огромной и счастливых звёзд,
И долгих лет, наполненных любовью.

Смеяться буду, петь и танцевать.
А после...Плакать горько и с печалью.
Тебя я буду с болью вспоминать.
И праздники, что вместе мы встречали.

На кухню выйду ночью новогодней
И на двоих шампанское налью...
Тост подниму и улыбнусь свободно,
Скажу, как сильно я тебя люблю.

И улетят лова те белой птицей
К тебе, любимому, в заснеженную даль
И пусть тебе припомнится – приснится
Моя любовь и горькая печаль.

Часть четвёртая. У очага семейного я грею душу...

Отчий дом

Отчий дом: рябина под окошком,
Во дворе зелёная трава,
Да к калитке узкая дорожка,
Над крылечком – хмеля кружева.
Зим и лет немало миновало,
Как ушла я за родной порог.
Только в снах я снова вижу маму,
Что меня встречает у ворот.
Спросит ласково: «Да что ж ты, дочка,
Долго – долго дома не была?
Аль душа на родину не хочет?
Аль не в пору отложить дела?»
Обниму, прижмусь к плечу, как прежде,
Что-то глупо буду объяснять...
Мама – моё счастье и надежда –
И простить сумеет и понять.
...В горнице запахнет пирогами,
Чай с вареньем долго будем пить...
Вдруг проснусь... Нет в этом мире мамы –
Жизнь не повернуть, не повторить.
Только память – верная подруга,
В книге лет перевернув листы,
В сердце вновь врывается без стука,
Возвращая в дом моей мечты.
Я хочу, чтоб был он чист и светел,
Чтоб в нём без забот и без тревог,
Подрастали и резвились дети.
И как я шагнули за порог.
Осень жизни
Жизнь моя, словно реченька быстрая,
Утекла. И возврата ей нет.
Уж дороги назад не выстроить,
И на поезд не взять билет...
Отцвели луговые ромашки,
И отплакали журавли,
Только с тихой печалью машет
Моя молодость в синей дали.
Не тревожь понапрасну душу,
Не буди весенний напев...
Песню осени дай дослушать,
Золотою листвою облетев...

Под созвездием Стрельца

Я живу под созвездьем Стрельца,
Мой характер – характер Огня.
К совершенству, что нет конца,
Знак Судьбы уносит меня.
Во Вселенной – миллиарды звёзд.
Только я нахожу легко
Знак Стрельца. Он меня унёс
В новь в моих мечтах далеко.
Я на крыльях порой лечу,
Не касаясь тверди Земли.
Мне любая цель по плечу,
Мой Стрелец – маяком вдали.
И мечте не знаю конца,
Выбираю сама путь свой.
И горит созвездье Стрельца
Высоко над моей головой.
Я живу под Знаком Огня
В мимолётном мгновении дней.
И хранит от беды меня
Знак Стрельца – Знак Судьбы моей.

Мамины песни

Снова в памяти детство воскреснет,
И как старые, добрые сны,
Мне вдруг вспомнятся мамыны песни
Про дорожку, про три сосны.
И про тонкую ту рябину,
Что печально одна стоит,
Головою склонилась к тыну
И о милом своём грустит.
А ещё про калину белую,
Что весной у ручья цветёт,
Про любовь большую, несмелую,
Ту, что сердце девичье ждёт.
Колыбельных мама не пела,
На коленях дочку качая.
Толь не знала, толь не умела –
Я о том ничего не знаю...
А когда я матерью стала,
Детям, мир открывая чудесный,
Колыбельных тоже не знала –
Дочкам пела мамыны песни.
Вот уж внучка моя подрастает,
Я любовь ей сполна отдаю.
А когда на руках засыпает,
Те же добрые песни пою...

Дети мои

Я всё ещё храню игрушки ваши
И книжки детские. Рисунки и тетрадки.
И по традиции, привычкой ставшей,
С полочки покупаю шоколадки.
Я вас жалела, чувствовала тонко,
Когда вы плакали, я слёзы утирала,
Вам прижигала ссадины зелёной
И бережно занозки убирала.
Я всё тогда могла и всё умела,
Была волшебницей из доброй сказки:
Учила азбуке и песни пела,
Играла в куклы, красила раскраски.
И новогодние костюмы шила,
Торты для школьных праздников пекла,
Секреты ваши детские хранила,
Советом помогала, как могла.
Те годы-птицы с детством улетели,
И не вернутся давние рассветы.
Вы как-то незаметно повзрослели,
Но для меня по-прежнему вы – дети.
Вас люблю по-матерински нежно,
За вас молюсь бессонными ночами,
Пусть будет ваше счастье безмятежно,
Пока живёт на свете ваша мама.

Дюймовочка

(Лерочке)

Маленькая девочка –
Синие глаза.
И тебя, Дюймовочка,
Не любить нельзя:
Розовые щёчки,
Волосы – ленок
Губки – лепесточки,
Звонкий голосок.
Целый день в движении
Быть не устаёшь:
Танцуешь с наслаждением,
Песенки поёшь,
Прыгаешь, как мячик,
Бегаешь – стрелой...
Где шалунья прячет
Ключик заводной?
Непоседа – Лерочка,
Зайка – егоза.
Маленькая девочка –
Синие глаза.

В день рождения

(Насте)

Настюша! С праздником тебя!
В осенний день мы вновь
Тебе в подарок, как всегда
Несём свою любовь,
И поздравляем от души:
Ты – лучшая для нас!
Мы пожелать тебе спешим
Всех благ в сей день и час!
14 счастливых лет –
Ты взрослая почти!
А впереди весь белый свет
И добрые пути!
Расти, учись, здоровой будь,
Успехов достигай!
Друзей своих не позабуди,
Родных не обижай!
Пусть улыбается тебе
Счастливая звезда.
И будет всё в твоей судьбе
Исполненным всегда!

Не пороге юности

(Насте)

Где же грань между детством и юностью,
Та невидимая черта,
Когда мир наполняется нежностью,
А душа кристально чиста?
Когда верится только в хорошее,
Не решаемых нет проблем,
И ещё недалёкое прошлое
Где-то рядышком бродит совсем...
С беззаботным прощаясь детством,
Сохрани в душе навсегда,
Как огромнейшее наследство
Незабвенные эти года.
Ты вступаешь в прекрасную юность,
Так смелее вперёд иди!
Ненароком чтоб не споткнулась,
Я молюсь за удачу в пути.
Пусть счастливой будет дорога,
И звезда твоя к цели ведёт.
И прошу о тебе я у Бога:
«Сохрани и спаси, Господь!...»

Продолжение

Мы все кого-то в жизни продолжаем:
Отца иль мать, фамилию и род.
Когда-нибудь (мы это знаем)
То понимание продолжения придёт.
Я в мир пришла не для пустой забавы,
Чтоб на земле оставить добрый след.
Мне не пророчили величия и славы,
На всё искала я сама ответ.
Душой отзывчива, характером упряма,
Упорно познавала бытие.
И помнится сказала как-то мама:
«Ты, дочка, продолжение моё».
Уж с грустью дни рождения встречаю:
Минувшего уже не воротить.
И я с годами чаще замечаю,
Что я на маму стала походить.
Лицом, характером, привычками, походкой,
Уменьем видеть ложь и доброту.
Я, как она, не стала в жизни хваткой,
Живу по правде. Вся я на виду.
И откликаюсь на чужие боли,
И разделяю радости друзей,
И не кляню своей нелёгкой доли,
Душой болею за судьбу детей.
Продолжат дети начатое нами
В немеркнущем круговороте дней:
Открытым сердцем, добрыми делами.
И нас не посрамят среди людей.
Своей судьбы испив однажды чашу,
Расстанусь с ними, также их любя.
Но в дочке младшей (не в обиду старшей)
Я вижу продолжение себя...

С мамою бы мне поговорить

Всё куда-то в суете спешила,
В этой вечной круговерти дней.
Очень редко с мамой говорила
О моей любви дочерней к ней.
Душу ей свою не раскрывала,
Если больно было иногда.
Огорчения свои скрывала,
Что преподносила мне судьба.
Всё казалось, что мои проблемы,
Маме никогда не надо знать.
Что самой нелёгкие дилеммы
Надо взрослой дочери решать.
А она порою сядет ближе
И заглянет вдруг в глаза любя:
«Что с тобою, дочка? Я же вижу,
Что-то не в порядке у тебя»?
И ждала ответа – откровенья,
Исповедью душу облегчить.
Ах, как мне хотелось в те мгновенья
Маме наболевшее излить!
Но опять себя я убеждала,
Что не надо маму волновать.
Я тогда, наивная, не знала:
Сердце матери не может лгать.
А когда вдруг радость приходила,
Я спешила маме рассказать.
С ней ту радость пополам делила,
Лишь она могла меня понять.
Но когда ушла и не простилась
В мир иной, оставив горе нам,
Две слезинки медленно скатились
По остывшим маминым щекам...
Надо мной зима уж закружила,
И теперь жалею лишь о том,
Что так редко с мамой говорила,
Часто оставляя на «потом»...
И сейчас мне хочется порою,
Плотно двери в комнату закрыть,
Обо всём, что мне дано судьбою,
С мамой по душам поговорить.

А я всё жду
Памяти сестры Фаины

Вновь памяти перевернув страницу,
Я вспоминаю старшую сестру.
Она ночами стала часто сниться:
Рукой мне машет, стоя на ветру...
Слепая пуля пьяного убийцы
В июльский день ей жизнь оборвала...
Душа рванулась ввысь подбитой птицей,
Ты мало в этом мире пожила.
Мне без тебя порой бывает плохо,
И некому печаль и боль излить.
Коль редкой радости бывают крохи,
То и её мне не с кем поделить.
Я по тебе отчаянно скучаю,
Не дашь ты мне, как раньше, свой совет.
Я без тебя который год встречаю,
Но ты мне дальний путеводный свет.
Как жизнь спешит, её не остановишь,
Уж седина мне на виски легла.
А я всё жду, что позвонишь и спросишь:
«Привет, сестрёнка! Как твои дела?»

На закате
Мужу Леониду
(30 лет – Жемчужная свадьба)

Догорает заката зарево,
Облака, будто замок в огне.
Положи на колени мне голову,
Помолчим давай в тишине.
В жизни было много хорошего,
Время годы итожит за нас:
Сединой виски запорошены,
И морщинки у милых глаз.
Но душой остаёмся молоды,
И любовь согревает сердца.
Пусть судьба не остудит холодом
Наших светлых чувств до конца.
Оглянись: тридцать лет миновало,
Как жемчужинки ясных дней.
И дорог за плечами немало,
И мы в жизни стали мудрей.
Повторились удачно в детях,
В них любви не угаснет свет.
И не зря мы жили на свете:
На земле оставили след.
Были счастливы – это здорово!
Пусть текут наши светлые дни.
Положи на колени мне голову,
И в глаза мои загляни.

В день флота

*Мужу Леониду – бывшему моряку
Тихоокеанского флота.*

Порой о чём-то забываешь все,
Только свято помнишь об одном:
И в последний выходной июля
Открываешь свой фотоальбом.

Парни в бескозырках и тельняшках
С фотографий смотрят на тебя.
Те, с кем крепко-накрепко однажды,
Флотской жизни вас свела судьба.

Где, в семье для моряков единой,
Привыкали вы к большим волнам.
И три года там считали домом
Неспокойный Тихий океан.

Там, законы моря познавая,
И техникой владея всё смелей,
Проводили, волю закаляя,
Испытанья новых кораблей.

Пусть не довелось, как полагалось,
Испытать шальной девятый балл,
Но навечно в памяти осталось,
Как балл седьмой отчаянно качал.

И в кубрике таком родном и тесном,
От дома отчего и от земли вдали,
Ребята пели под гитару песни
О флотской дружбе, верности, любви.

Писали письма мамам и любимым,
И счёт денькам до дембеля вели...
Ах, как давным-давно всё это было.
Но годы эти даром не прошли.

Ты вновь в последний выходной июля,
В душе воспоминания храня,
За всех за тех, кто в море, выпьешь стоя
Чарку крепкого пьянящего вина.

Дочерям

Наташе и Наде

Вот и выросли дочери,
Выбрав в жизни свой путь.
Дай же, Бог, на обочину
Вам с него не свернуть.
И пусть только удачу
Вам судьба принесёт,
Пусть душа не заплачет,
И беда обойдёт.
Я жила без оглядки,
Вас храня и любя.
Вам всегда без остатка
Отдавала себя.
Чтоб счастливо сбывались
Все надежды, мечты,
Чтобы шли не сбивались
Вы с прямого пути.
Я горжусь вами, дети,
Средь знакомых, родни,
Что вы стали на свете
Неплохими людьми.
Что по имени-отчеству
Вас коллеги зовут,
Что достойно и с честью
Выполняете труд.
Я в звезду вашу верю,
Что по жизни ведёт.
Стройте смело карьеру,
Остальное придёт.
Все желанья исполнятся
(Хоть гадать не берусь),
Жизнь лишь счастьем наполнится —
Я за вас помолюсь.

Насте

Ты пришла в этот мир для счастья
В листопадный день сентября.
Ясноглазая девочка Настя –
Ангел светлой любви и добра.
Первый вздох и взгляд – всё впервые,
Нежных маминых рук тепло.
Ты - желанная и красивая,
Нам с тобою рядом светло.
Будут годы лететь, как птицы,
И немало дорог впереди.
А сегодня пусть сладко спится
У родной материнской груди.
Твоё имя красивое – Настя!
В нём осенняя прелесть и свет.
Дай же, Бог, тебе только счастья
В этой жизни на много лет.

Я дарю тебе

(Наташе)

Половодье белое ромашек,
Словно море света разлилось.
Не грусти, не плачь, моя Наташа,
Если что-то в жизни не сбылось.
Если что-то вдруг не так сложилось,
Как мечталось в девичьи года.
Есть на всё святая Божья милость:
Не сложилось – ну и не беда.
Видно где-то счастье заблудилось,
Не по той тропинке побрело...
Солнце ясное за тучку скрылось,
А проглянет – будет вновь светло.
У тебя малышка подрастает,
Тянет ручки к солнцу и теплу.
Ты согрей её заботой, лаской,
И люби, как я тебя люблю.
Желтоглазый хоровод ромашек –
Праздник нежной, чистой красоты.
Я дарю тебе, моя Наташа,
Эту Жизнь! И Солнце! И Цветы!

Вербное воскресенье

(Наде)

С праздником! С первой вербочкой!
И с погожим апрельским днём.
Непослушная моя девочка,
Пуская солнце заглянет в твой дом.
Верь – придут и любовь, и счастье,
И пусть сердце твоё не тревожится.
Обойдёт стороной ненастье,
А счастливые дни умножатся.
Ненаглядная моя девочка,
В этот ласковый день весенний
Подарю пушистую вербочку –
Радость Вербного Воскресенья.

Хлеб

Терпкий запах хлеба горячего
На губах ощущаю опять.
- Относись к нему бережно, доченька»!-
Говорила мне часто мать.
Мать меня уводила в поле,
Где напевно шумела рожь.
Меж колосьев, солнцем наполненных,
Равнодушною не пройдёшь.
И сегодня как прежде, я знаю,
В том далёком родном селе
Мать в ладошку крошки сметает
С белой скатерти на столе...

Будь хранима и Судьбой, и Богом!
Сватья моей Пузырёвой Т.А. на 55-летие.
В день погожий, нежностью овеянный,
В этот праздничный и добрый час,
Милая Тамара Алексеевна, с
С Юбилеем поздравляем Вас!

Он прекрасен, как весны цветенье,
Как венок из солнечных лучей.
Каждый год бывает День Рождения,
Только ведь не каждый Юбилей.

Радости, удачи и здоровья.
И везенья вечного в судьбе.
От души желаем и с любовью
Счастья бесконечного тебе!

Каждый день пусть будет самым ярким,
Дольше у судьбы в седле держись!
Посмотри: какие две пятёрки
Тебе щедро выставила жизнь!

Возраст твой, отнюдь, вопрос не праздный.
Сколько лет? Пора бы и узнать.
Юбилей. А он бывает разный.
Две пятёрки рядышком стоят.

Пусть года летят неумолимо,
Ведь на то они и есть года.
Молодой, красивой и любимой
Оставайся в жизни навсегда.

Не печалься, коли станет туго,
Будем рядом мы всегда с тобой.
Для семьи ты нашей стала другом,
А для дочки – мамою второй.

Будь хранима и Судьбой, и Богом,
Блиzkих согревая добротой.
И живи, родная, долго – долго
Под счастливою твоей звездой!

С Днём Рождения, доченька!
(Надюше)
С Днём Рождения, доченька моя!
Милая, любимая, родная.
Звёздочка ты ясная моя,
Солнышко, что душу согревает.
Я тобой живу, тобой дышу,
И молюсь, чтоб ты была счастливой.
Об одном я Господа прошу,
Чтоб Он дал тебе терпение и силы

Часть пятая. Пред святой иконою встану на колени...

Благодарение

Пред святой иконою встану на колени,
Ничего у Господа я не попрошу...
Лишь слова хвалебные, да благодарения
Белой птицей-мыслью в небо отпущу.
Благодарна Господу за зарю вечернюю,
И за утро раннее в сонной тишине.
Отдаю Всевышнему я любовь дочернюю,
И не в силах высказать, что даёт Он мне:
Силу и Терпение, Благодать небесную,
Веру Православную и души тепло,
Житие духовное, здоровье телесное.
Мне от воли Господа на душе светло.
Слава Тебе, Господи, что не оставляешь
Дочь свою Ты грешную на пути святом,
В трудные минуты молча помогаешь
И спасаешь душу в вираже крутом.
Благодарна Господу за травинку каждую,
Что в лугах зелёных радует мой взор,
И за ниву хлебную, от росы чуть влажную,
И за неба чистого голубой простор.
Говорю спасибо за детей и внуков,
За радость материнства, что Господь дал мне,
За аккорды нежные мелодичных звуков,
Что рождает в поле ветер в тишине...
Аллилуия, Господи! Славлю Твоё Имя
И слова молитвы к небу возношу!
Благодарна Господу, что я им любима...
Ничего поэтому я не попрошу.

Матронушке

Матушка Матронушка- старица блаженная,
На краю отчаянья вновь к тебе спешу,
Душу изболевшую, мысли откровенные
В пресвятой молитве тихо приношу.
Помоги, Матронушка, дай совет, хорошая,
Знаю я, ты слышишь исповедь мою.
И прошу прощения за грехи я прошлые,
Ничего сегодня я не утаю...
Оттого, наверное, на душе смятение,
Что живу неправильно ныне на земле.
Не найду я выхода и успокоения,
Научи, Матронушка, не блуждать во мгле.
Пред престолом Господа испроси защиты
И замолви слово, чудо сотвори.
А меня, родная, строго не суди ты,
Верного решения дверцу отвори...
Благодатью Божью жизнь мою наполни,
Просто быть счастливою меня научи.
Я твои советы добрые исполню,
Подберу к деяниям правильно ключи.
Верю тебе, Матушка, верю, чудотворица,
Не оставишь, милая, ты меня в беде...
И душа молитвою доброй успокоится,
Будет облегчение и в моей судьбе.

Радоница

Светлый праздник святой – Радоница.
Я иду знакомой тропой
На погост, чтоб главою склониться
У могил, что хранят ваш покой.
Я несу вам цветы, угощение
И хочу попросить в этот час
Моей грешной душе прощения
Что так редко бываю у вас...
Есть у жизни своя граница,
В отведённый Господом срок
В светлый день святой Радоницы
И ко мне кто-то также придёт...

В храме

В летний день на Святую Троицу
Прихожу в Православный Храм:
Сердце робким волнением полнится
И теряю я счёт часам.

Пахнет ладаном и берёзою,
В листьях Храм величав и тих,
И глядят в мою душу серьёзные
С образов лики добрых святых.

Плывёт с клироса песнопение,
Да молитвы святой слова.
Чудодейственные мгновения,
И кружится чуть-чуть голова...

Сколько зла на земле юродствует,
Люди к горю чужому глухи.
И шепчу я: «Прости меня, Господи,
За земные мои грехи».

Я ведь тоже их совершаю:
Злюсь и долю свою кляню,
Ближних грубостью обижаю,
Без причины, порой, виню.

А бывает, сужу – итожу,
И в чужую влезаю душу
Нарушаю заповедь Божью:
«Не суди – не судим да будешь».

Дай же, Господи, силу и веру,
Помоги мне найти свой путь.
Даже в самое трудное время
Научи с него не свернуть.

Я на мир посмотрю по-новому.
(Как молитвы слова тихи)...
Осенья крестом себя снова,
Я прошу отпустить грехи.

Жизнь свою я заново взвешу,
И как часто бывало встарь:
Очищаю молитвою душу,
Чтоб потом возложить на алтарь.

Здесь душа моя успокоится,
И поверю я светлым словам.
Нет, не зря на Святую Троицу
Я пришла в Православный Храм.

Рождение Христа

Как веры православной торжество,
Проникнув в души истинной Любовью,
Приходит к нам Христово Рождество,
Жизнь, наполняя радостью и новью.
Над Вифлеемом яркая звезда
Зажглась, затмив собой сиянье звёзд,
И ангел весть счастливую издал,
Что родился Спаситель наш – Христос!
И пастухи гурьбой пришли в овин
И видели: младенец есть в яслях.
И знали: Он- Мессия, Божий Сын,
Он мир спасёт и сохранит в веках.
Мы признаём рождение Христа,
Молитвой славим Божью Благодать!
Всю силу животворного Креста
Стремимся в души грешные вобрать...

Крещенское утро

(в Богоявленском Храме с. Усть-Миасского)

Зима. Мороз за тридцать.

Деревья в куржаке.

И солнце в рукавицах,

В стежёном пиджаке.

Наохлились синицы,

Притихли воробьи,

Туман дымком струится

Над гладью полыньи.

И слышен колокольный

На храме перезвон,

О празднике престольном

Оповещает он.

Всяк попросить сегодня

Прощения спешу,

Крещение Господне –

Спасение души...

Прощёное Воскресение

Все обиды сегодня прощу:
Этот день - для души спасение.
И у вас прощенья прошу
Я в Прощёное Воскресение.
Если где-то обидела вас
Словом грубым, непониманьем,
Если в трудный жизненный час
Не дала своего вниманья,
Вы за всё простите меня,
Отпустите грехи, любя,
Ведь средь ночи и ясного дня
Отдавала вам всю себя.
Я люблю вас, родные мои,
В мире нет никого родней.
Выбирая дороги свои,
Оставайтесь опорой моей.
Будьте чище душой, добрей,
И умейте обиды простить.
Ничего нет в мире мудрей,
Чем Любовь и Веру хранить.
Важно истину ту понять,
И придёт оно – Божье прощенье.
Я прощаю. Простите меня
Вы в Прощёное Воскресенье.

Молитва

От свечи зажигаю свечу,
И слова молитвы шепчу:
«Боже Праведный, помоги,
Даруй мне счастливые дни...»
Я молюсь за здоровье детей,
За удачу на их пути.
Огради их любовью своей,
Светом мудрости просвети.
В Храм вхожу под купола свод,
И с надеждой и верой молю:
«Помоги Всемогущий Господь!
Я всем сердцем тебя люблю...
Помоги. Спаси. Сохрани.
Даруй мне счастливые дни.
Вновь слова молитвы шепчу,
От свечи зажигая свечу...

Верю.

Жизнь такой принимаю, как есть.
Трудный путь свой ищу во мгле.
И считаю за счастье и честь,
Что живу на этой земле.
Мне немало в мире дано:
Неба синь и простор полей.
Только мне познать суждено
Бесконечность жизни моей.
Я ценю этой жизни миг.
Пусть порою и непростой.
Где однажды, след прочертив,
Упаду одинокой звездой.
И покинув земную плоть.
Вознесётся душа скорбя.
Знаю. Верую. Есть Господь!
Есть Великое Царство Добра!

Крещение господне

В день январский, как обновление,
Как явление Божества,
К нам приходит Господне Крещение –
Праздник Веры и Торжества!
После Всенощной в каждом Храме,
Вновь в молитве главу преклонив,
Православные христиане
Просят Бога помиловать их.
И с иконами утром ранним
Крестный ход, как живой поток...
И парит вода в иордани,
Словно налит в неё кипяток...
Сотворивши молитву, смело
Будут люди в купель входить...
И мне чудится : голубь белый
Благодатью их озарит...
Русь святая – душ просветление!
Со смиреньем, с любовью большой
Принимает в Господне Крещение
Очищенье живою водой!

Исповедь души

Господи, Великий, Всемогущий!
Умоляю: Ты меня прости.
И, забрав однажды мою душу,
Ей грехи земные отпусти.
Вечный ей покой определяя,
То, что заслужила, то и дай.
Знаю я, что не достойна рая,
Но и в ад её не помещай.
В мире, где добра и правды мало,
Я ведь злой и алчной не была.
Пусть не всё, как надо соблюдала,
Пусть порой неправильно жила,
По необходимости молилась,
Редко приходила к алтарю...
За ниспосланную свыше милость,
Господи, Тебя благодарю.
Я в душе несла святую Веру
В силу справедливую Твою.
И всегда желаньям знала меру,
Облачая в слово мысль свою.
Может, к сожаленью, очень поздно
Приношу я исповедь души:
За грехи мои возмездьем грозным,
Господи, меня не накажи.

У святого источника

Зачерпну водицы чистой из источника святого,
Помолюсь благословенно Животворному Кресту.
Без утайки я раскрою свои боли и тревоги,
Изолью души обиды Всемогущему Христу.
Только Он меня услышит и поймёт – я это знаю:
Не накажет, не осудит, ниспошлёт свою Любовь.
Головою, будто сердцем, я к иконе припадаю –
За грехи мои земные испрошу прощенья вновь...
Господи, прости, помилуй, не суди меня ты строго,
Помоги и дай мне силы... А родник звенит, журча.
На колени, молча, встану я у Божьего порога,
Той водицею умоюсь из холодного ключа...

Часть шестая. Среди друзей мне так легко и просто.

Юбилейное

(Людмиле Кузнецовой)

Ах, как быстро время пролетело,
Отшумела не одна весна.
Миновали белые метели,
Вновь земля проснулась ото сна.
Небо голубое и бездонное,
Солнце ярче, ласковей, добрей,
Первых вербочек комочки скромные,
Свист скворцов, да шумный гвалт грачей!
Снова по земле апрель шагает:
С каждым днём становится теплей.
И весною этой наступает
У тебя, подруга, юбилей!
Юбилей! Он чуточку с грустинкой.
Ведь остались лучшие года
Где-то позади, где песней звонкой
Отгорела юность навсегда.
Оглянись сегодня на былое:
Деревенской улочки уют,
Яблонь по весне убранство белое,
Да сирень пьянящая в цвету.
Здесь мы дружно по-соседству жили,
Верили и в счастье, и в удачу,
И на зависть всем вокруг дружили –
Не умели, не могли иначе.
Нашу дружбу мы хранили свято,
Сквозь года её мы пронесли.
Этой дружбой и сейчас богаты,
И гордимся ей и дорожим.
Так уж вышло, так уж получилось –
Нашей дружбы нам забыть нельзя!
Что бы в этой жизни не случилось,
Рядом есть надёжные друзья!
Жизнь легла дорогой полосатой,
Были в ней и радость, и беда.
Но светила и звала куда-то
Путеводная твоя звезда.
Ты для нас была, как символ света,
И опорой, и авторитетом,
Доверяли все свои секреты,
Шли за помощью и за советом.
В этот день погожий и весенний
От друзей, что преданны всегда,
Ты прими, подруга, поздравленье:
С ЮБИЛЕЕМ! С праздником тебя!
Мы тебе желаем только счастья!
Радости, здоровья, долгих лет!
Пусть миную холод и ненастье,
Дорогой наш, славный человек!

День рождения у подружки

(Людмиле Шабановой на 65-летие)

В этот первый день февраля
Заметает позёмка дорожки.
Вновь от снега бела земля
В День Рождения у подружки.
Дорогая подруга моя,
С Юбилеем тебя поздравляю!
И всем сердцем тебя любя,
От души здоровья желаю!
А ещё много светлых дней,
Будь на свете самой счастливой,
В годы осени жизни твоей
Как теперь оставайся красивой!
Твоё имя прекрасно – Людмила!
Нет звучнее его и добрей.
Это значит - ты людям милая,
Но ещё милей для друзей!
Нашей дружбы вернее нет,
Хоть года всё быстрее бегут,
Но горит её яркий свет,
Маячком освещая путь.
В День Рождения за столом
Мы поздравить тебя собрались,
И поднимем бокал с вином:
Продолжается наша жизнь!

... У тебя красивый юбилей...

Владимиру Веселову

в день 70-летия

Вновь тропинки февраль замечает,
Стал от снега весь мир белей.
И сегодня мой друг отмечает
День Рождения – Юбилей!
Жизнь легла полосатой дорогой,
Были радости, боль и утраты,
Но способен достигнуть многое
Человек с душою крылатой.
Ты такой! Ты не можешь иначе!
Когда миг вдохновенья придёт,
А душа то поёт, то плачет,
И стихами на лист течёт.
А какие красивые песни
Пишешь ты и поёшь под гармонь!
Сердцу станет в груди вдруг тесно,
Запылает в душе огонь.
В них просторов родимых шири,
И земная любовь, и разлука,
И мне чудится Мать Мария
Простирает с иконы руку...

Нити памяти

Харловой Л.А.

Мы со временем другими стали.
И уже, как раньше, не на «ТЫ».
И у каждой лишь свои печали,
И у каждой лишь свои пути.
Помнится, мы по-соседству жили
(кажется, недавно было это),
Не сказать, что крепко мы дружили,
Но делились тем, что «по секрету».
По судьбе уверенно шагали,
Были молоды, и била жизнь ключом.
Я к тебе, бывало, прибегала,
Поболтать так просто, ни о чём.
Чувствовала родственную душу
(интуицию не обойдёшь!)
Верила, что твой совет услышу,
Просто знала – ты меня поймёшь.
Где-то на незримом перевале
Попрощались дружески с тобой:
Ты отважно в «гору» зашагала,
Ну а я осталась... «под горой».
Знаю, ты меня не предавала,
Нити памяти с годами не рвала:
В трудный час поддержкой помогала,
Знала, чем живу и как дела...
Я тебя, как прежде, уважаю,
И твою отзывчивость ценю...
Только «свой шесток» я твёрдо знаю,
И ни в чём я время не виню...
Только жаль, что мы другими стали,
И уже, как раньше, не на «ТЫ».
Что не можем мы свои печали
Запросто друг другу принести...

Память

Н.Д. Костылевой

Не за синими морями
Та родная сторона,
Меж лесами, да полями
Затерялась она.

Плещет речка неглубокая,
В небе тают облака.
Деревенька синеокая,
Ты ещё живёшь пока.

Ещё улочка знакомая
Помнит каждого из вас,
Кто однажды с отчим домом
Распрощался в добрый час.

Та тропинка за околицу
Муравою поросла,
Только через годы помнится
Деревенская краса.

Память добрую в наследство
Без остатка отдала:
Где-то там осталось детство,
Юность буйно отцвела,

Отзвенело песней звонкой,
И шагнула за порог,
Шляпниковская девчонка –
Той деревни колосок.

И нашла свою дорогу,
Обрела свою судьбу.
Только память недотрогой
Всё грустит на берегу.

И стоит деревня Шляпина
Меж лесов, среди лугов –
Изначальная отметина,
Как дочерняя любовь.

След

(Л.Г. Лабарешных)

Каждый в жизни оставляет след,
И у каждого свои высоты.
Человек, что излучает свет,
Создан, будто птица, для полёта.
И людские чистые сердца,
Для него, распахнутые настежь,
Впитывают доброту Творца,
Красоту души, любовь и счастье.
Вот такой в несчастье не предаст.
Над чужой бедой не поглумится.
Хлеб последний ближнему отдаст.
Жаждущему - даст воды напиться.
Тот же, у кого душа черна,
Хитрый, злой, завистливый и лживый:
Речь слащавая, складная, хороша,
А на самом деле жжёт крапивой.
Вот такой вползёт гадюкой в дом,
И лже-другом влезет в твою душу.
А потом оплатит чёрным злом
За твоё доверие и дружбу.
Чтоб дела твои, как яркий свет,
Для людей всегда тепло хранили,
В жизни ты оставь лишь добрый след,
Чтобы помнили, ценили и любили.

Верность

Моим верным подругам на жизненном пути:

*Людмиле Кузнецовой (Будрис),
Галине Черепановой (Теплоуховой),
Людмиле Шабановой (Селивановой),
Валентине Каргаполовой (Панасенко),
Зое Шляпниковой (Пичуговой)*

Когда бывает в жизни туго
В бурливой суматохе дней,
Я вспоминаю вас, подруги,
Ушедшей юности моей.
Встречаюсь с вами я всё реже,
Но дружбу искренне ценю.
Среди друзей мне нет вас ближе,
И свято это я храню.
Валюша, Галя, две Людмилы,
Да Лида с Зоей – вот наш круг.
Мы по-соседски дружно жили
На зависть всем другим вокруг.
Мы в игры детские играли,
И шили куколок смешных,
Зимой – высоты покоряли,
Из снежных глыб соорудив.
Овраги дружно штурмовали,
Что за околицей легли,
В реке купались, загорали,
В лес по грибы сходить могли...
И мчалось наше детство звонко.
Огромный мир лежал вокруг.
Мы – тамакульские девчонки –
Союз незыблемый подруг!
Враз в юность светлую шагнули
Из детских безмятежных снов.
И спутницу сердечной боли
Познали первую любовь.
Пусть безответно мы любили
Своих избранников порой.
И втайне ту любовь хранили,
Делясь секретом меж собой.
На танцплощадке в клубе сельском
Мы были «не разлей водой»,
А после танцев снова вместе
Шли дружно улицей родной.
Звенела песня над деревней
Про тополя и в поле рожь,
Плыла мелодией напевной:
Не хочешь петь, да подпоёшь.
Завидовали дружбе нашей,
И уважали все вокруг.
А жизнь была счастливой чашей

Для верных шестерых подруг.
Жизнь развела нас, разбросала,
У всех теперь своя судьба.
Но дружбы крепкое начало
Мы сохранили навсегда.
Не часто вместе собирались,
Но встреч тех не было теплей.
Тогда мы рассказать старались
И про мужей, и про детей.
Уже , отметив юбилей,
Мы все «на пенсии» живём,
Враз незаметно постарели,
Но дружбу нашу бережём.
На добрых встречах, как и раньше,
Стареть душою не спешим.
Но только мы теперь всё чаще
Уже о внуках говорим...
Уже не так смеёмся звонко.
И не скрываем седины.
Мы – тамакульские девчонки -
Той нашей памяти верны.

О друге

*Моим бывшим коллегам Р.Г.Бабихиной,
Г.Л. Пустуевой, Л.Г. Жилиной*

Друг – это тот, кто в горе не предаст,
Друг – это тот, кто сохранит секрет.
А коль настанет в жизни трудный час,
Лишь друг тебе даст правильный совет.
Друг успокоит, если тяжело,
И радость друг разделит пополам.
Не причинит тебе он боль и зло,
И руку помощи протянет сам.
Лишь позови его, и друг придёт,
Услышит сердцем твой далёкий зов.
Себя, коль надо, в жертву принесёт,
Закрыв надёжно грудью от врагов.
Цените дружбу и своих друзей,
В ней сила ваша, верность и оплот.
А друг, порой, на свете всех родней,
Он дружбу через годы пронесёт.
С тобою будет рядом друг везде.
Но лже-друзей коварных берегись!
Ведь познаётся верный друг в беде –
Об этом помни и не ошибись!

А жизнь продолжается...

(Фролову А.М)

Жизнь листает годы, как страницы,
И они в бессмертие летят,
Как раскинувшие крылья птицы.
Их уже не вернуть назад.
Пусть, отнюдь, богатства не скопили,
Жилы не открыли золотой,
Мы другие ценности ценили,
Измеряли мерою иной.
Сколько пройдено дорог нелёгких!
Сколько верных встречено друзей!
Чувств испытано высоких, робких,
И великих познано идей!
Беззаветно край родной любили,
Тот, что гордо Родиной зовём.
Ей души порывы посвятили,
Оттого мы счастливо живём.
И нам рано жизнь свою итожить,
Ведь ещё мы твёрдо на крыле.
Поживём. И пусть нам Бог поможет
Обрести бессмертье на Земле.
Жизнь всегда имеет продолженье,
Так восславим её вечный бег.
Жизнь всегда в полёте и в движенье,
Как её творенье – человек!
Не отчаивайся, коль однажды,
Боль ударит, будто шквал большой.
Ты запомни: в жизни очень важно –
Никогда не оскудеть душой!

Подарок

(Попову М.И.)

Отмечая свои юбилеи,
Мы ещё не подводим итог.
Мы не всё ещё сделать успели:
Впереди немало дорог.
Вновь рассыпано золото осени,
Улетели к теплу журавли,
А в пруду небесные сини
На остывшую гладь легли.
Осень мягкой шагает поступью,
Вся красавица на виду.
И рубины рябиновой россыпи
Пламенеют в тихом саду.
Я из листьев букет соберу,
Ведь в один из осенних дней
Добрый друг мой, собрат по перу,
Отмечает свой юбилей.
Я дарю, как поэт поэту,
По-осеннему светлую грусть,
Тишину кристальную эту,
Ожерелье рябиновых бус.
В золотом наряде берёзку,
Неба звонкую синету,
Эту царственную и броскую –
Всю осеннюю красоту.
Пусть живёт он долгие лета,
Свои добрые песни поёт.
Дарит людям тепло. И за это
Даст здоровья ему Господь!

Быть собою

(А.П.Предеину)

Мне стихов Ваших строки заветные
Греют душу, волнуют кровь.
В них живёт большая и светлая,
Неземная к жизни любовь.
Ведь каким надо быть поэтом,
Чтоб дотронуться до мечты!
Где возможно под белым снегом
Находить живые цветы.
Облаков пушинки бегут,
Ветерок раскрывает объятия,
И грустит на весеннем лугу
Ваша женщина в ситцевом платье.
В жизни важно быть просто собой!
Утверждать себя, верить в чудо.
Ведь один только путь земной:
Повторенья ему не будет.
Зря предчувствие Вас терзает,
Будто бы не оставлен след.
Ведь признание обретает
Воспевающий жизнь поэт!
В тех стихах души чистота,
Они каждому сердцу близки,
Сила в них, высота, красота,
Что дают живые ростки.
А в садах – до кипенья сирень!
Сплошь залил её звёздный свет.
«Завтра будет хороший день»!-
Обещает влюблённый поэт.

На юбилей дарю земные радости
(А. П. Предеину)

Опять апрель объятья раскрывает,
И небо стало выше и светлей.
Сегодня друг мой добрый отмечает
Не просто день рожденья - ЮБИЛЕЙ!
Что подарить? Быть может небо это?
Его апрельскую голубизну весеннюю?
А может бледно-алый свет рассвета?
Иль просто праздничное настроение?
Проснулась рощица в апрель влюблённая,
Пусть нет пока пернатых в ней певцов.
Но будоражит чувства обновлённые
Грачиный гвалт и пересвист скворцов.
Ласкает солнце землю каждым лучиком,
И травка зеленеть спешит опять.
И хочется нам верить только в лучшее,
С надеждою о будущем мечтать.
Я соберу в букет земные радости,
В день юбилейный другу подарю.
Пусть никогда не знает он усталости,
Встречает жизни новую зарю.
Пусть годы календарь спеша листает,
И не один ещё ждёт юбилей.
Ему сегодня от души желаю:
Добра, удачи, много светлых дней!

Примета
(Л.Г. Лабарешных)

В жаркий день, на исходе июля,
Над двором вашим, будто шая,
Друг за другом, словно танцуя,
Закружили три журавля.
И кричали они в поднебесье,
Будто звали с собой в высоту.
И была непонятна их песня,
Чудный танец их на лету.
А потом вдруг застыли на месте,
И гортанный их крик затих...
Два из них полетели вместе,
Ну а третий – отдельно от них.
Вы с любимым рядом стояли,
Наблюдая волнующий миг.
И не думали – не гадали,
Что судьба поворот сулит.
Взглядом птиц полёт провожая,
Ещё долго слыша их крик,
Ты, о страшной примете не зная,
Записала это в дневник...

В зимний день, на исходе года,
Ворвалась без стука беда:
Мужа милого – верного друга
Отняла у тебя навсегда.
И душа твоя опустела,
И покинул её покой...
Будто к милому вслед улетела
В неизведанный мир иной.
И припомнился день погожий,
В небе ясном три журавля.
Танец птиц на прощанье похожий,
Плач разлуки под взмах крыла.

Август

(Елене Васильевой)

Снова август. Холодные росы
По утрам на зелёной траве.
Это значит, что скоро осень
Побредёт по опавшей листве.
Журавли улетят на чужбину,
И дождями сентябрь прольёт слёзы,
Загорят не сгорая осины,
Загрустят золотые берёзы.
А душа твоя встрепетается,
Вдохновенья придёт пора.
Осень сказкою обернётся.
И стихи потекут с пера...
Ещё лучшая песня не спета,
Ясных дней ещё много ждёт.
Запоздалое бабье лето
Непременно к тебе придёт.
Ах, как хочется жить и верить,
Что всё лучшее впереди.
Распахни же смелее двери
И навстречу счастью иди!
Видишь осень – твоя отрада,
Ранним утром идёт по кругу.
Этой встрече ты, знаю, рада,
Будто самому верному другу!

Прощальное

(Памяти Б.И. Новикова)

Ещё в лугах не отцвели ромашки,
И не отпели в рощах соловьи,
И ветер тёплый в разнотравье пляшет,
И пьёт заря водицу из реки.
Но плачет сердце горечью утраты:
Ушёл из жизни добрый человек,
Талантом по-особому богатый.
Он землякам запомнится навек.
Он был одним из нас – светлополянцев,
Гордился тем, что рядом с нами жил.
Что навсегда оставил каргапольцам
Всё, что любил, и всё, чем дорожил.
Его стихи – живая нить эпохи:
Любовь высокая, сыновий долг,
Боль за страну, распятую на плахе,
И светлых чувств стремительный полёт.
Не все ещё исхожены тропинки,
И дом родной в Ключах ещё стоит...
Но нет его... Берёзка сиротинкой
Над свежеею могилою грустит.
Но верим мы: покуда сердце бьётся,
Покуда в нас течёт живая кровь,
Он к нам ещё не раз вернётся
Святою памятью и книгами стихов.

С юбилеем, подруга моя!

(Валентине Панасенко)

С юбилеем сегодня поздравить
Я тебя от души спешу.
И на долгую память оставить
Все слова, что здесь напишу.
Пусть всегда тебе солнце светит,
Одаряет теплом природа,
Чтоб была всех счастливей на свете
Ты всегда, в каждом времени года.
Чтоб в порядке здоровье было,
И в семье были лад, да любовь.
Чтобы дети и внуки любили –
С ними жизнь повторялась бы вновь.
Чтоб друзья и подруги чаще
Приходили тебя навестить,
Гости в доме бывали бы вашим,
И чтоб было их чем угостить.
Чтоб всегда оставалась красивой,
Молодой оставалась всегда.
И была бы самой счастливой
В золотые твои года!

Светлополянцам

*(К 20-летию творческого объединения
«Светлые поляны»)*

Время кружит нас, как в лёгком танце,
И у каждого свой звёздный час!
Здравствуйте, друзья – светлополянцы!
С Юбилеем поздравляю вас!
Нам не много лет, но и не мало,
Двадцать – это веха на пути.
И стихов мы столько написали,
Что в огромный сборник не вместить.
Год от года зрело наше творчество,
И всё больше становилось нас.
А Поэзия – её Высочество,
В судьбы наши навсегда впелась.
Край родной свой гордо воспеваем,
О фронтовиках ведём рассказ,
Любим мы в стихах, грустим, мечтаем,
И нет тем, чтоб не касались нас.
Начиналось всё когда-то с «Голоса»:
Первые несмелые шаги.
Пусть сегодня поседели волосы,
Но немало планов впереди.
Новые поэты – наша смена.
Учатся они, как мы творить.
Это значит «Светлые поляны»
Будут в нашем Каргаполье жить!
Годы. Годы мчатся, словно птицы.
Жизнь, она у каждого одна.
Верю, станут яркою страницей
В летописи ваши имена.
Не забудут земляки Шаляпина-
Славного поэта из Локтей.
Сколько им дорог военных пройдено,
И в боях потеряно друзей!
Будут жить всегда под небом здешним
Те, кто край родной воспел любя:
Веселов, Предеин, Лабарешных,
Ботников и даже может я.
Новый день. Заря горит ркмянцем.
И дорог ещё немало ждёт.
Что ж вперёд, друзья – светлополянцы!
Нас Страна Поэзия зовёт!

Бенефис

*Творческому дуэту супругов
Геннадия и Зинаиды Стрелковых*

Под волшебный звон гитары
Льются песни от души.
В исполнение этой пары
Они очень хороши.
То весёлые, то грустные:
Про минувшую войну,
Про берёзку нашу русскую,
Про сирень и про весну
Про любовь большую, нежную,
Ту, что окрыляет нас.
Манит красота по-прежнему,
Оживающая враз.
И плывёт – плывёт мелодией,
Будит чувства неспроста.
Песня немудрёна вроде бы,
Но прекрасна и чиста.
Мы стихи напишем сами,
Вам – на ноты положить.
Много лет мы дружим с вами,
И давайте впредь дружить!
В этот день погожий, снежный,
В творческий ваш бенефис,
Мы желаем, как и прежде,
Песни б музыкой лились.
Чтоб у вас здоровье было,
И на много-много лет
Оптимизма вам хватило,
Славный друг наш – бард-дуэт.
Пожелаем вам удачи
В ваш высокий звёздный час.
Быть добру! А это значит,
Вас мы любим, верим в вас!

В День Рождения

(Л.Г. Лабарешных)

Сегодня День Рождения у тебя.
И от души тебя я поздравляю!
Как старшую сестру , тебя любя,
Стихи свои с любовью посвящаю.
Хочу тебе так много пожелать,
И вложить в то тепло души мечтаю.
С чего бы пожелания начать?
Я, откровенно говоря, не знаю.
Что ж по порядку: главное- **здоровья!**
Коль есть здоровье, будет и успех.
И пусть же для тебя е будет новью:
Твоё здоровье радует нас всех.
Ещё тебе желаю много **счастья!**
Огромного и светлого, как солнце
Пусть стороною обойдут напасти,
Ты чашу счастья испей до донца!
В семье и **понимания**, и **лада!**
Любви большой твоих детей и внуков.
И пусть в душе звучат земной отрадой
Мелодии таинственные звуки.
Таланту твоему расти и крепнуть!
И каждому стиху красы и силы.
Чтоб добрым словом зло навек повергнуть,
И этой доброты навек хватило.
Пусть сбудутся заветные мечты!
Тебя я с Днём Рождения поздравляю
Живи здравствуй долго-долго ты!
Я этого всей души желаю!

Часть седьмая. У войны нет срока давности.

Обелиски.

Мы историю надвое делим:
До войны и после войны.
А война – период отдельный,
то особая память страны.
Эти годы – другая вежа:
Сорок первый и сорок пятый.
И о ней помнят больше полвека
Той жестокой войны солдаты.
Вёрст немало с боями пройдено
По большим и малым дорогам.
Но великое слово «РОДИНА»
Было каждому свято и дорого.
За неё поднимались в атаку,
Защищая свой край и дом.
И под красным советским стягом
Шли на смертную схватку с врагом.
Стиснув зубы, врага крушили.
И теряли в боях друзей.
С болью в сердце могилы рыли
В перелесках и средь полей.
И склонялись печально берёзы
Над крестами и тут, и там...
Вы из кружек солёные слёзы
Пили с терпким вином пополам.
Майский день из солнца и света,
И повержен старый рейхстаг!
Долгожданная наша ПОБЕДА!
Над Берлином советский флаг!
Этот праздник каждому близкий,
Сколько бы ни минуло лет.
И повсюду стоят обелиски,
Как священной памяти след.
Кто не встретил весну сорок пятого,
Имена обелиски хранят...
К ним приходят седые солдаты,
И стоят в тишине, и молчат.
К непогоде тревожат раны,
И приходит война в ваши сны...
Низко кланяюсь вам, ветераны,
За Победу. За праздник весны.

*Светлой памяти моих односельчан –
ветеранов Великой Отечественной войны
Михаила Дмитриевича Колчеданцева,
Александра Ивановича Манакова,
Антоня Ивановича Черепанова,
Анастасии Алексеевны Петровой
ПОСВЯЩАЮ*

Баллада о ветеранах

Мы войну учили по книжкам:
Родились мы после войны.
И казались нам, ребятишкам,
Далеки те страшные дни.
В каждом доме деревни нашей
Непременно жил фронтовик –
Дяди Ваня, Антон, Миша, Саша,
Кто кичиться собой не привык.
И награды начистив до блеска,
В майский день шли, как на парад,
В сельском парке, у обелиска,
Встрече с ними каждый был рад.
Вспоминали войны дороги
И погибших своих друзей,
Не пришедших к родному порогу,
Не обнявших жён и детей...
Жизнь историю памяти пишет:
Путь их пламенем опалён.
И рассказывал дядя Миша,
Как дошёл до Берлина он.
Люд притихший с восторгом слушал
Фронтовой нехитрый рассказ:
Склад немецкий взорвал дядя Саша,
Где хранился снарядов запас.
Вкруг земля на клочья рвалась,
Вслед кричал ей :«Назад!» комбат:
Санинструктор – девушка Ася
Выносила из боя солдат...
Гармонист не попросит слова:
А возьмёт лишь гармошку он,
Знают все наперёд, что снова
Про войну будет петь Антон.
Пальцы тронут лады тальянки,
Словно грусть-печаль обронив,
Душу, вывернув наизнанку,
Поплывёт знакомый мотив:

*«На позиции девушка
Провожала бойца,
Тёмной ночью простилася
На ступеньках крыльца....»*

И подхватят песню напевную
Фронтовые друзья его,
И она полетит над деревнею
И раздольно и широко.
Но лишь только последняя нотка,
Как закат догоревший, замрёт,
И мелодия новая, кроткая
Будто в снежную даль поведёт:

*«Тёмная ночь
Разделяет, любимая, нас,
И морозная снежная мгла
Пролегла между нами...»*

А потом вдруг молодо, хватко,
Бросит пальцы он сверху вниз,
Встрепенётся гармонь-однорядка,
Чёрным чубом тряхнёт гармонист.
Гордо выправит он осанку,
Запоёт как он встрече рад
С той смуглянкою-молдаванкой,
Что собирает в саду виноград:

*«Раскудрявый клён зелёный, лист резной,
Здесь у клёна мы расстанемся с тобой,
Клён зелёный, да клён кудрявый,
Да раскудрявый резной...»*

Под родную душе однорядочку
Зазвенят ордена на груди,
Кто-то лихо запляшет вприсядочку:
Шире круг! Да в круг выходи!
По домам разойдутся затемно.
Над деревней напевен и тих
Будет таять памятью томной
Тех военных песен мотив.
...Опустела деревня наша –
Нет в ней старых фронтовиков...
Но в Победный день мая украшен
Обелиск из венков и цветов.
В годы разные тихо и скорбно
Приютил ветеранов погост...
Но за них по традиции доброй
В майский день поднимаем тост.
И грустим, и поём их песни...
И навечно в памяти нашей
Непременно останутся вместе
Дяди Ваня, Антон, Миша, Саша....

Он был солдатом на войне

Памяти Ивана Ивановича

Шалыпина –солдата, учителя, поэта

Была война. Он был на ней солдатом,
И путь солдатский тот нелёгко был.
Домой пришёл в победном сорок пятом:
Врага в кровавой схватке победил.

Был ранен, был контужен, но не сломлен.
Он больше жизни Родину любил.
И жив остался. Не был похоронен,
Хотя в бою солдат погибшим слыл.

Через года, живой, у обелиска
С главою поседевшею стоял.
Свою фамилию, среди погибших, в списке
Он перечитывал и вновь читал...

И в памяти события и даты
Крутились будто в киноленте страшной:
Тот жуткий бой, атака за атакой,
И боль, и кровь, и смерть друзей вчерашних.

Ни разумом он, ни умом не ведал
Каким же чудом выжил на войне?
И оттого Великая Победа
Ему, солдату, дорога вдвойне.

Он жил в краю , где ясные рассветы,
В полях шумела-колосилась рожь,
В лугах раздольных- ароматы лета,
А ягод всех в лесах не соберёшь.

В высоких травах тёплый ветер пляшет,
Кузнечики стрекочут на закате,
Пьяняще пахнет клевером и кашкой,
Порхают бабочки в цветном наряде...

Он эту красоту родного края
В стихах, лаская душу, воспевал.
Ведь за неё, порой изнемогая,
Четыре долгих года воевал.

Писал он о войне, друзьях, Победе –
О всём, что в жизни испытал и пережил.
И Родиной, единственной на свете,
Он по-сыновьи свято дорожил.

Учил детей любить, ценить Россию,
И в чистом небе видеть лебедей.
В час испытаний оставаться сильным
И сжечь, как Данко, сердце для людей!

Жил рядом фронтовик, поэт, учитель,
Прошёл он жизни добрый, светлый путь.
Отдайте памяти минуту. Помолчите.
И пусть всегда стихи его живут!

Дорога домой

Памяти И.И. Шаляпина

Фронтовика, учителя, поэта
За деревней солнце молодое
Обнимает сочный травостой,
А мне чудится дорогой луговой
Возвращается солдат домой...

Он идёт неспешно и устало,
А вокруг такая тишина.
Как давно о ней душа мечтала:
Нет боёв, окончена война!

Сколько горя, боли, испытаний
Довелось солдату пережить,
Чтобы с родиной в час свидания
Тишиною этой дорожить...

Вьётся полем узкая дорожка,
Ветерок лицо тепло ласкает,
Локти – небольшая деревушка -
С фронта сына славного встречает.

Он вернулся в край, где долго не был,
Чтобы счастливо и мирно жить...
Радоваться солнцу, птицам, хлебу,
Чтоб стихи слагать, детей учить...

Время быстротечно и упрямо,
Только сердце памятью согрето:
Помним мы Шаляпина Ивана -
Земляка, учителя, поэта!

И когда стихи его читаю -
Строки, опалённые войной,
Почему-то ясно представляю:
Идёт солдат дорогой луговой....

Оберег

*«С родной землёю узелок
Пронёс с собою пол-Европы...»
(И.Шляпин. «Мой узелок»)*

В день печальный, в суровый год,
Уходя из родного села,
Горсть земли положил в узелок,
Чтобы грела в пути земля.
Шёл солдат по дорогам войны,
И с земелькой той нёс узелок.
В уголке гимнастёрки она,
Как живого тепла уголёк.
И когда он в атаку шагал,
И в окопе от пуль укрывался,
Был уверен, он твёрдо знал,
Что за землю эту сражался.
А однажды в жестоком бою,
Когда чудом остался живой,
И земли, где пролил кровь свою
Он добавил к земле родной.
И с победой вернулся домой,
В отчий край, где родился и рос.
Узелочек с землицею той,
Как святыню с войны принёс.
На нелёгких дорогах войны
Жизнь солдату она сохранила.
В узелке том- песчинка страны,
В той земле – великая сила.

Победители

Если вы хоть однажды видели,
То нельзя передать словами,
Как стоят в строю Победители
С поседевшими головами.
Год от года редеем строй,
Оттого нам дороже вдвойне,
Тот нелёгкий путь фронтовой
И рассказы о той войне.
Вы мальчишки – дети войны,
Стали взрослыми не по годам,
И в суровые трудные дни
Шли на фронт, на помощь отцам.
Вы под Курском и Сталинградом
Насмерть бились в боях за Отчизну.
И к блокадному Ленинграду
Проложили Дорогу Жизни!
Вы в подбитых танках горели,
Мессершмидты таранили в небе,
В рост подняться с гранатой умели,
И отваге предела не было!
Выходили из окружений,
Пол-Европы шагами измерили,
Но в огне жестоких сражений
Свято в нашу Победу верили.
Сколько верных друзей полегло,
Сколько трудных дорог позади.
До Берлина ещё далеко,
И Победа была впереди...
Но сумели вы победить,
Как бы ни был коварен враг!
И Победу провозгласить,
Над рейхстагом подняв наш флаг!
В майский день по доброй традиции
Вновь и вновь становятся в строй,
На груди с орденами в петлицах
Ветераны второй мировой.
Отложились в морщинах годы,
Стали волосы снега белее,
Ноют раны войны к непогоде,
Только память хранит бывшее.
В День Победы под небом России
Благодарно мы смотрим на вас,
Дай же, Бог, вам здоровье и силы,
Чтоб пожить на земле средь нас.
Чтобы дети и внуки увидели:
Мир и Счастье подарены вами!
И ещё в строю ПОБЕДИТЕЛИ
С поседевшими головами!

Бессмертный полк

Великий праздник – День Победы:
Весна и Мир! И небо синее.
Спасибо вам, отцы и деды
За этот день в судьбе России!
Какою трудною дорогой
Вы до Берлина прошагали,
Чтоб у родимого порога
Смогли обнять вас те, кто ждали...
Но не у всех вернулись близкие,
В сраженьях полегли они...
Их имена на обелисках,
Как память горькая войны.
И в майский день, то стало свято,
Под марш оркестров, флагов шёлк
Идут погибшие солдаты –
Моей страны Бессмертный полк!
Замрите, люди, на мгновение!
Полощет ветер флагов шёлк...
Войны минувшей поколение
идёт. Живой Бессмертный полк!

Нет, я не видела войну...

Нет, я не видела войну,
Но я о ней так много знаю.
Победы светлую весну
Великим праздником считаю.
Фронтовиком был мой отец,
И он ушёл из жизни рано.
Я на его груди рубец
Запомнила, как след от раны.
Я без отца росла, жила,
И мир огромный познавала,
Свои хорошие дела
Я с памятью о нём сверяла.
Он был во всём моим судьёй,
Я верила: он где-то рядом,
Что мы живём одной судьбой,
И счастья большего не надо.
Я знаю: мой отец – герой.
Он был хорошим человеком.
Орловско – Курскою дугой
Помечен был солдат навеки.
Он выжил, он вернулся в строй,
И встретил светлый День Победы.
Цветущей, звонкою весной
Пришёл домой, где долго не был.
Вновь солнце в небе, тишину,
Весну, Победу воспеваю.
Нет, я не видела войну,
Но я о ней так много знаю!

Мы каждый год всё дальше от войны:
Зарубцевались фронтовые раны.
Но, не дожив до следующей весны.
В небытие уходят ветераны.
Их в праздничный, погожий майский день
У обелисков вспомнят добрым словом.
И памяти отдав мгновенья дань,
Чтобы на целый год забыть их снова...
Редет строй солдат, кто воевал.
Хоть годы лихолетья не согнули,
А жизнь их бьёт с размаху, наповал,
Страшнее и больнее фашисткой пули.
Людское равнодушие, как спрут,
Святые чувства отравляет ядом.
А рядышком фронтовики живут,
И как святыню, берегут награды...
Кого-то миновал шальной свинец,
Но память их хранит сороковые...
Из детства помню, как страдал отец,
Когда болели раны фронтовые.
Пусть каждый год мы дальше от войны –
Не все ещё зарубцевались раны.
И с болью в сердце за развал страны
Живут и умирают ветераны.

Афганцы

Память болью в сердце стучится:
Не даёт покоя она.
И ночами солдатам снится
Бестолковая эта война.
Там под знойным афганским небом,
Где песок забивает рот,
Никакой гарантии не было
Кто вернётся, а кто умрёт.
И когда вдруг после атаки
Лучший друг не вернулся в строй,
Ты, уткнувшись в ладони, плакал,
Что убит он. А ты – живой.
Улетит на «Чёрном тюльпане»
Этот груз, что под кодом «200»...
И заплачет отчаянно мама,
И придёт вся в чёрном невеста...
Лишь солдаты Афгана помнят
Мясорубку кровавых лет...
Только очень жаль, что сегодня
В той войне виноватых нет.

Мать

*Моей подруге Галине Вольсковой,
потерявшей без вести в первой
Чеченской войне сына Дмитрия*

1

Сон идёт стороной. Давит грудь тишина.
Ночь светла. Небо ясно и звёздно.
Но тревожит опять твоё сердце Чечня,
И кровавый рассвет над Грозным.
Материнского сердца слышен стук в тишине:
То замрёт, то от боли занает.
Будто чувствует: где-то в чужой стороне
Твой сынок, умирая, стонет.
Нет, не видела мать того ужаса миг,
Страшный миг, пронизанный болью,
Когда танки ревущие шли напрямик,
Грязь мешая со снегом и кровью...
Дым, огонь, грохот, лязг и вой,
Да завеса угарного чада...
И кровинка твоя, сын – солдат молодой –
В эпицентре крошечного ада...

2

Горем горьким пришла беда.
Постучала тревожной вестью:
Не вернётся твой сын никогда,
Не погиб он, пропал безвестно.
Не поверила ты в злой рок,
Не могла, не умела понять.
И, оставив родной порог,
В край чужой поспешила. Искать.
По аулам ходила, по хатам,
День за днём – много долгих лет.
И искала сына – солдата.
Но нигде его следа нет...

3

Постучалась в чужую дверь
В том далёком горном ауле.
И старик очень долго смотрел
На то фото, что мать протянула.
И качал головой, как мел:
- Вроде был. Мы его видали.
Точно также упрямо смотрел.
Но они его «Аликом» звали.
Он в цепях тяжёлых шагал...
Дальше их куда-то погнали.
Двое было их... И замолчал,
Будто что-то припоминая...
А когда мать наутро пришла,
Буркнул он, дверь не открывая:
- Уходи. Не мои то дела.
Ничего не скажу. Не знаю...

А однажды под горной скалой
Буквы крупные увидала:
«Мама, мамочка, я живой».
И короткая подпись: «Алик».
Сердце дрогнуло: «Это он»!
И земля поплыла из-под ног.
И в отчаянии вырвался стон,
Прошептала чуть слышно: «Сынок»...
Шла вперёд, искала его,
И опять ни следа, ни надежды.
Неизвестно о нём ничего.
Только сердце не верит, как прежде.

4

Десять лет прожила в Чечне,
Обошла немало дорог.
Но пропал в той чужой войне
Дима, Димочка – твой сынок.
На рассвете в усталый сон
Вновь придёт любимый, родной.
К тебе руки протянет он:
«Мама. Мамочка. Я – живой»...

Два героя

*Светлой памяти двух земляков,
двух героев двух войн: ПЕТРА БРАГИНА –
героя Великой Отечественной войны
и РОМАНА МАРКОВСКИХ –
героя Чеченской войны
ПОСВЯЩАЮ.*

Четырежды солдат в боях был ранен,
Но таковы уж русские сыны:
Вновь возвращался в строй, на поле брани.
И шёл четвёртый год большой войны.

Был прост приказ: освободить селение.
И с автоматами наперевес
Пошли бойцы вперёд, в контрнаступление,
Чтоб с фрицев сбить величие и спесь...

Но вражий пулемёт в скирде соломы
Остановил движение вперёд:
В пространство беспрерывно и по-злому
Строчит, строчит проклятый пулемёт.

И залегли в укрытие ребята.
Враг продолжал отчаянно стрелять.
Команды в бой напрасно ждут солдаты:
Им даже головы нельзя поднять...

И с фланга командир, к скирде зашедши,
По этой вражьей точке огневой
Открыл огонь прямой и сумасшедший,
Свой автомат сжимая боевой.

Но всё равно орудье из засады
Вслепую прямо и бесцельно бьёт.
Замаскировано в соломе (вот досада!) –
Оно бойцам подняться не даёт!

В критический момент та мысль созрела:
Расчёт сержанта Брагина был прост –
Закрыть орудие врага солдатским телом.
И смело он поднялся в полный рост!

Вмиг «захлебнулась» огневая точка.
Вперёд подразделение пошло!
И с криками «УРА!» в атаке точной
Врага погнавши, заняли село.

Тот подвиг земляка мы помним свято.
Навечно эту память не отнять!
Но о другом, сегодняшнем солдате
Мы тоже гордо будем вспоминать.

Он жил среди нас, он в школе здесь учился.
Грустил, смеялся и светло мечтал...
Пришла пора, с родными он простился
И в строй солдатский по призыву встал.

Он стал сапёром, и имел сноровку,
Всю технику надёжно изучил.
А год спустя, он в спецкомандировку
В республику Чечню направлен был.

И каждый день он уходил в разведку –
Товарищей в пути сопровождал.
Взрывчатку, мины, что заложены нередко,
Сапёр миноискателем искал.

Был светлый, тёплый день в начале мая.
Не знал Роман, как близок страшный час.
Он, как всегда, отряд сопровождая,
Вдруг обнаружил вражеский фугас.

Взрывное самодельное устройство,
Поблизости бандиты жертву ждут...
Без сожаления и без беспокойства
Его в секунду к взрыву приведут.

И знал сапёр, что жизнью он рискует,
Что в этот миг расслабиться нельзя...

А там, в краю родимом мать тоскует....
Там ждут отец...и брат... и все друзья...

В селе цветёт черёмуха пьяняще,
И россыпь одуванчиков сполна...
А за селом опять чернеет пашня,
В тепло земли ложатся семена...

Но стоп! Бегут, бегут, летят секунды!
«Тук – так»...Стук сердца иль часы?
И в ситуации понять нетрудно,
Что каждый миг поставлен на весы...

Условленным сигналом он мгновенно
Успел своих друзей предупредить...
Боевики ж смекнули непременно,
Что их коварный замысел раскрыт...

Взрыв прямо в небо. Огненный и чёрный.
Был страшен, по-особому жесток.
Но спас отряд солдат, присяге верный,
Наш зауральский скромный паренёк.

В родном селе его похоронили.
Венкам здесь тесно и живым цветам.
На школе памятную доску укрепили,
Что здесь учился Марковских Роман...

Два земляка, два сына, два героя,
Других спасая, сами не спаслись.
Нам эта память гордая, святая –
Пример на всю оставшуюся жизнь!

Сын земли

*Памяти Героя Советского Союза
Александра Варфоломеевича Исакова*

Я, по счастью, не знала минувшей войны,
И стою у могилы чужого отца.
Но хранит наша память жестокие дни,
И героев, навечно вошедших в сердца.

Жизнь по разным дорогам уводит нас.
Звёздный час в жизни есть не у всякого.
Я сегодня хочу посвятить свой рассказ
Памяти Александра Исакова.

Этот смелый солдат был Героем войны,
Жизнь свою прожил честно, достойно.
Хлеб растил на просторах родной стороны,
На полях хлебородных и вольных.

Он любил эту землю, край берёзовый свой,
Вечеров деревенских закаты,
Дорожил мирным небом и святой тишиной,
Завоёванной в том сорок пятом.

Сын крестьянина, хлебушку цену он знал,
В поле с детства с любовью трудился,
Где пахал, сеял хлеб, урожай убирал,
И трудом земледельца гордился.

День июньский принёс весть о страшной войне –
Поднялась народная рать.
Мужиков не осталось в родной стороне:
Мать-Отчизну ушли защищать.

И ему бы на фронт, да врага победить,
Уничтожить, побить проклятого!
Но для фронта в тылу надо хлеб растить:
И «на бронь» Александра Исакова...

Дни и ночи военные были трудны:
Тракторами учил женщин он управлять,
Чтобы в самые страшные дни для страны
Быть на фронте ему и страну защищать.

Сорок третий – нелёгкий для Родины год
завершался. И час долгожданный пробил:
Наконец-то Исаков был призван на фронт!
Обученье прошёл он и танк получил.

Боевое крещение в Польше прошло,
Где плацдарм штурмовал экипаж боевой.

Через Вислу – реку по мосту под водой
Первым танк переправил на берег другой.

Орден славы за мужество то получил.
Экипаж боевой шёл вперёд и вперёд.
В сорок пятом Исаков свой подвиг свершил.
Помнит Равич о том – небольшой городок.

Этот бой был жесток, был последним тот бой.
Будто зверь танк по улицам города мчал.
Уничтожил шесть точек тот танк боевой,
Да на площади враз его враг подорвал.

Весь погиб экипаж, лишь водитель живой,
Без сознания в машине остался один.
Но у танка нет башни над его головой,
Взрыв сорвал её напрочь под скрежет и дым.

Нет, не ведал танкист, время он не считал,
Сколько был без сознания, точно не знал.
Только вновь, как очнулся, педали нажал,
И безбашенный танк в бой кровавый помчал!

На врага наводил ужас – страх этот танк!
Как же так: пулемёта нет на танке чумном?!
А он мчится вперёд, всё сметая подряд,
Неуёмный! Отчаянный! Всё нипочём!

А Победа пришла! Радостью ворвалась!
Стал Героем Союза за подвиг танкист...
И вернулся домой, где земля заждалась,
Да и руки работы давно заждались.

Четверть века трудился Герой на земле.
Был всегда впереди он в работе любой.
И любил своё поле в предутренней мгле,
Когда вновь выводил свой комбайн боевой.

Золотое зерно плавно в бункер текло.
На войне был Герой и в труде он Герой.
От зерна золотого на сердце тепло,
И струится рекой урожай молодой...

Жил Герой на земле. Нам его не забыть!
Он оставил свой след, что дороже всего.
Дети, внуки приходят сюда навестить,
На погост, навсегда приютивший его...

Исповедь солдата
«За что мой ученик в Чечне убит»...
(А, Ботников)

А он вот не погиб, живой остался.
И о Чечне не любит вспоминать.
О том, какой ценою жизнь досталась,
Его прошу сегодня рассказать.

«Что вспоминать? Я просто был солдатом,
И призван был на службу по весне.
Такой же молодой, как те ребята,
Которым довелось служить в Чечне.

Нас убивали, резали и мучили.
Нас брали в страшный плен боевики.
Мы не были достаточно обучены,
Владели слабо техникой борьбы.

Мы гор не знали, чаще их боялись.
Для них же горы – их родимый дом.
В горах враги надёжно укрывались,
И знали точно: в горы не пойдём.

Мы делали всё так, как нас учили.
Да видно где-то что-то не учили...
Хотя ориентировку получили,
Наткнулись на засаду под Шали.

Что было дальше? Я и сам не знаю.
Мгновенный взрыв, и фейерверк огня...
Когда очнулся, глаз не открывая,
Вдруг понял: кто-то смотрит на меня.

И на секунду, разомкнув ресницы,
Увидел я того, кто рядом был.
Такое в сне кошмарном не приснится,
А он со мною вдруг заговорил:

«Открыл глаза? А значит жив покуда.
С тобой сейчас один мы на один.
В твоих глазах я – мерзкая паскуда.
Ну что ж, солдат, давай поговорим.

Чеченец я, а ты, парнишка, русский.
Во мне, как и в тебе, живая кровь.
Но ты – мой враг. И слова не боюсь я.
Пришёл разрушить мой родимый кров.

Скажи мне, чей приказ ты выполняешь?
И что тебе плохого сделал я?

Чью Родину, солдат, ты защищаешь?
Ведь не твоя она. Она моя!

Мне дорога здесь каждая былинка,
И близок сердцу каждый ручеёк.
А то, что родила мне чеченка,
Так разве это грех, или порок?
В твоём понятии я злой и бородатый,
Привык меня бандитом называть.
Но я был тоже не плохим солдатом,
И край родной умел оберегать.

Ты молодой и многого не знаешь.
И не нужна тебе моя мораль...
Ты мучишься, ты тихо умираешь.
А мне тебя нисколько не жаль»...

Он встал и зло отбросил сигарету,
И смачно сплюнув, матерно сказал...
Прочь зашагал, не выслушав ответа.
А я лежал и кровью истекал.

И просто чудом я живой остался.
Не знаю, кто и как меня спасал...
Семь месяцев в госпиталях валялся,
За жизнь цеплялся и не умирал.

В полубреду мне виделись ромашки,
Сирень у дома, шаткое крыльцо.
И наклонялось надо мной всё чаще
Родное материнское лицо.

И мать, роняя слёзы на подушку,
Шептала тихо: «Выживи, сынок...».
Той просьбы материнской не услышать
Я права не имел. Да и не мог!

Видавший виды доктор удивился,
Когда в сознание стал я приходить.
«Ну, паренёк, в рубашке ты родился,
А значит, будешь долго – долго жить!»

Я жизнь люблю: мне дорог запах хлеба,
Цветенье белых яблонь по весне,
И журавлиный клин в высоком небе,
И снегопад, идущий в тишине...

Хоть никогда я верующим не был,
Но только часто думается мне,

Что если существует ад на небе,
То не страшнее он, чем ад в Чечне...

Вот только одного не понимаю:
Кому, да и зачем она нужна,
Кровопролитная, но всё-таки чужая,
Жестокая чеченская война!»

Смахнув слезу, он к стенке отвернулся.
И в комнате повисла тишина...
А то, что инвалидом он вернулся,
В том не его солдатская вина...

Солдату, не пришедшему с войны

*Памяти
земляка Дмитрия Ковишова,
погибшего в Чечне.*

Звенел апрель капелью бойкой звонко,
К нам в Зауралье вновь весна пришла,
Когда с войны Чеченской похоронку
В родной посёлок почта принесла.

И сжалось сердце больно и тревожно,
Немой вопрос в глазах людей застыл
И каждый нерв вдруг отозвался дрожью
У всех, кто знал парнишку, рядом жил.

Сухие строчки скорбного известия
Вмиг облетели небольшой район.
И с фотографии – газетной вести
С улыбкой в наши души смотрит он.

Какою мерой надо боль измерить?
Насквозь пронзает ясноглазый взгляд.
Сегодня очень трудно нам поверить,
Что не вернётся он домой назад.

Смертельно ранен от разрыва мины
При проведении разведки был.
Н до конца, теряя жизнь и силы,
Словам присяги верность сохранил.

Он был примером все в военном деле:
Бандитов обезвреживать умел.
Был честен, собран, действовал умело,
Да вот спастись от взрыва не успел.

Бандитские засады и теракты
Уже не в новость стали для страны.
В Чечню уходят парни по контракту,
Чтоб Родину спасти от сатаны.

Кому-то повезёт – живым вернётся,
А кто-то сделает последний шаг...
И в каждом сердце болью отзовется
Оборванная молодость ребят.

А слёзы матери горьки и безутешны,
И горе то её неизмеримо.
Ведь не вернётся вновь порою внешней
Родимый дом её сыночек Дима...

Не в радость матери его награда,
Тот Орден Мужества, что опалён войной.
Ни почестей, ни славы ей не надо.
Ей нужен сын, вернувшийся домой.

А над могилой небо голубое,
И лес оделся в новенький наряд.
Здесь в тишине, в объятиях покоя
Спит вечным сном молоденький солдат.

Часть восьмая. Разное.

Отчего мои стихи грустны?

Говорят . мои стихи грустны,
И что их нельзя читать не плача...
Только что же делать, коль они
У меня не пишутся иначе?
Что живу я будто бы во сне,
Чувств своих не выплеснув наружу.
Что весной – не радуюсь весне,
А зимой – не освежаю душу.
Верила в счастливую звезду,
Что легко вела меня по жизни.
И казалось, в гору я иду:
Хоть судьба, порою, и капризна.
Где, когда и на какой тропе
Больно и отчаянно споткнулась?
И в одно мгновение в судьбе
Как-то странно всё переменялось.
Чёрная нависла полоса.
И уж много-много лет не кончится.
Но судьбы слепое колесо
Повернуть на счастье всё же хочется.
Я стою у бездны на краю.
И хотя душа полна смятения,
Мысль святой молитве отдаю,
И у Господа прошу прощенья.
Господи! Спаси и сохрани!
Ты – моя надежда и признание.
И в молитве , голову склонив,
Приношу святое покаяние.
За чужие и свои грехи
Я молю: прости меня, помилуй!
И опять в печальные стихи
Душу я в отчаянии вылью.

Журналистские тропы мои

Много лет отдадал журналистике,
За любую тему бралась.
И она (коли верить статистике),
Есть в стране четвёртая власть.
Вдохновение во мне будили
Интервью, репортажи, статьи.
И куда только вы не водили,
Журналистские тропы мои!
На поля, где зреет пшеница,
И в луга, где звенит сенокос,
В школьный класс, в сельский клуб,
в больницу,
В шумный цех заводской и в колхоз...
И сплетались в узоры строчки....
Журналист – он универсал:
То учитель, то врач, то рабочий,
Словом тот, о ком написал.
И опять, будто нотами к песне,
Бегло строки ложатся на лист.
Нет профессии интересней:
Я- искатель, я- журналист!

В Новогоднюю ночь

В Новогоднюю ночь серебринки-снежинки кружатся:
Изумрудные звёздочки падают с синих небес.
И опять в эту ночь с нами старая сказка подружится,
И придёт в каждый дом много добрых, красивых чудес.

В Новогоднюю ночь исполняются все желания.
Зажигаются ёлки теплом разноцветных огней.
В эту ночь нет разлук, а только свидания,
Ожидание светлых, счастливых и радостных дней!

В Новогоднюю ночь оглянитесь на Год уходящий:
Он принёс нам немало свершений, успехов и дел.
Только всё-таки что-то большое и настоящее
Каждый в прошлом году завершить не сумел, не успел.

Новогодняя ночь в год бывает только однажды:
Поднимайте бокалы за счастье! За мир! За любовь!
В Новогоднюю ночь говорите о самом важном!
В Новогоднюю ночь не стесняйтесь красивых слов!

Новогоднее желание

Новогодняя ночь... Лунный свет... Звёзд сияние...
И волшебную сказку рисует мороз на окне.
В эту дивную ночь исполняются все желания,
И свершается чудо, как в самом красивом сне.

Вот и я положу под пушистую ёлочку
Дед Морозу письмо, принести мне подарок – секрет...
Его спрячу меж тонких колючих иголочек,
И никто узнает, что я жду уже много лет.

Вдруг однажды мечта моя тоже исполнится...
В ночь под Новый Год радость нежданно придёт...
Верить в чудо счастливое очень хочется,
Ждать, что сказка в усталой душе оживёт...

Наша осень

Пожилыми мы стали людьми,
Вот и праздник такой встречаем.
И бегут нашей осени дни
И всё чаще грустить начинаем.
Слишком быстро время идёт.
И на лицах всё больше морщинок.
Уж не рвётся сердце в полёт,
На висках прибывает сединок...
Уж господствует листопад,
И не слышно осень ступает.
Наша жизнь, как печальный сад,
Годы-листья с грустью роняет.
Только снится порою нам,
Что, волнуясь, спешим на работу,
Чтоб душой отогреться там,
Окунувшись в дела и заботы...
Годы... годы промчались, как вихрь,
Утекли, будто в речке вода.
И огонь уж в душе утих,
Чтоб не вспыхнуть ему никогда.
Дорогие коллеги мои,
В самый первый день октября
Я дарю вам слова любви,
Пожеланья тепла и добра.

Грусть

День за днём – как быстро время мчится.
Видно шар земной быстрее крутится.
Осень. К югу улетают птицы,
Хоровод осенних листьев кружится.
Отчего же сердце рвётся в небо,
Где, прощаясь. Плачут журавли?
И летит душа за ними следом
В дальний край неведомой земли.
Видно просто становлюсь я старше,
И с годами жизнь люблю сильнее.
Оттого становится мне страшно,
Что весной не встречу журавлей...

Ушедшие в небо...

31 октября 2015 года потерпел авиакатастрофу в Египте российский аэробус 321, рейс 9268. Погибли 224 человека – пассажиры и экипаж

Петербургская поздняя осень:
Сыплет изморосью с небес.
Девяносто два шестьдесят восемь–
Из Египта утренний рейс.
Ждут с улыбками и букетами.
Поскорей мечтают обнять.
Самых близких людей на свете,
Тех, кого предстоит встречать...

Время вышло. Часы всё чаще
Друг у друга сверить спешат...
И волнуются все встречающие,
На табло с удивленьем глядят...
Как минуты долги ожидания,
Сердце громко в груди стучит...
...Рейс убрали из расписания...
...Репродуктор странно молчит...
И ползёт по залу волнение.
Кто-то тщетно спешит узнать
Отчего нет нигде объявления?
И прилёта долго ли ждать?

О, как страшно представить даже,
Что в минуты те роковые,
Рвётся жизнью тонкая пряжа...
И уходят в небо живые...
Рассыпается в воздухе лайнер...
По частям он разбросан уже...
Над Синаем в песчаный кратер
Те обломки легли в вираже.

А ведь всё начиналось красиво:
Отдых кончился. С миром домой!
Загорелые и счастливые
Ждали встречи с родной стороной.
Фотографии на прощанье,
СМСки друзьям, родным...
И не думали, что свидание
Не обещано им, живым...

Жизнь оборвана. Слёзы и горе...
Кто ответит за эту беду?
Цветов, детских игрушек – море...
Только люди идут и несут...
Небо ясное, небо синее,
Облака плывут не спеша...
В чёрном трауре вся Россия,
И надрывно плачет душа.
Сердце болью щемящей сжимает,
В жизни чёрная полоса...
Пусть же птицами улетают
Души в синие небеса....

Посёлок Майский

Уголок поистине райский
От дорог больших за версту.
Есть посёлок с названием Майский,
Что весной утопает в цвету.
Белых яблонь, черёмух и вишни
Аромат пьянящий плывёт
И в цветении этом пышном
Замирает душа и поёт.
Что на свете может быть краше
Сей сторонки России моей!
В синеве гордо крыльями машет
Стая белых, как снег, лебедей.
Край любимый, родной, зауральский
Как чаруют просторы твои...
И посёлок с названием Майский
Открывает объятья свои....

Поэту, воспевающему Русь

Александру Михайловичу Виноградову, учителю и поэту

Снова память уносит в прошлое –
В институтские годы мои.
Замело тополиной порошею
Те далёкие, светлые дни.
Постигались язык и культура,
И давали знания свет.
Древнерусская литература –
Был у нас любимый предмет.
Тот урок по-особому радовал
Дивным слогом седой старины.
И в учителя мы, в Виноградова,
Были тайно все влюблены.
Древних сказов былинная зрелость,
Их такая глубокая грусть...
И хотелось, ах, как хотелось
Улететь мне в Древнюю Русь!
Там, где утром росистым рано
От зари небо, словно кумач,
Слушать песни седого Бояна,
Ярославны зазывный плач.
Там берёзки в льняных сарафанах
Чешут косы в прозрачный пруд,
И русалки венки в травах пряных
Из волшебных нитей плетут...
Милый край, красота раздольная,
Синих-синих небес глубина,
Русь святая, родная, привольная,
Сердцу милая сторона.
Счастья большего мне не надо,
Чем делить с ней радость и грусть.
Где живёт Александр Виноградов,
Воспевающий матушку – Русь!

Я себя поэтом не считаю.
Но бывает иногда порой –
На бумаге чувства изливаю
Чистой стихотворною строкой.
Для меня стихи, как чувств отдушина,
Как весенней свежести глоток.
Как молитву со смиреньем слушаю,
Ощущая новых сил приток.

Одиночество

Не судите, бабы, меня строго:
В этой жизни – каждому своё...
Да и ты, сомнение не трогай
Сердце непутёвое моё.

Угроздило же в юности влюбиться
И все годы терпеливо ждать...
Не меня он выбрал, чтоб жениться.
Но мечтала я его отнять...

Только были нам, двоим известны
Радость встреч и расставаний грусть...
Но осталась недопетой песня,
Хоть слова мы знали наизусть.

Видно счастья на чужом несчастье
Не построишь – люди говорят.
И в душе моей теперь ненастье,
И отводит от меня он взгляд.

На деревне суды-пересуды –
Дескать, вот любовь не сберегла.
Время лечит: сердце позабудет,
Как разлука нас подстерегла.

Не было ни слёз и ни упрёков –
Прошное не стоит ворошить.
Молча проводила до порога,
Пожелала жить, да не тужить.

Сердце на осколки разрывалось:
Вместе быть уже не суждено.
В тишине легла, не раздеваясь.
Занавесив шторою окно...

По ночам тихо плачу в подушку,
Камнем тяжесть на сердце ложится.
Так уж вышло, что нет подружки,
С кем бы болью могла поделиться...
Я для мужа давно чужая,
У детей – проблемы свои...
Никого я не утруждаю:
Эти трудности только мои...
И живу, покоя не зная,
Без остатка себя отдаю...
А ночами, душою страдая,
Молча слёзы в подушку лью...

Мои стихи

Мне стихи не приносят дохода,
Но они мне, как воздух, нужны.
И они по пятам за мной ходят:
То грустны, то печально-нежны.
Воедино я рифмы сгребаю,
И бросаю на чистый листок.
Они лягут, как надо. Я знаю.
В них останется вечный исток.
Потечёт, забурлит, разольётся
Моих мыслей живая река.
Всё уходит, стихи остаются
Для людей навсегда, на века.
Я стихи «на заказ» не пишу.
Только те, что душу тревожат.
Я стихами живу и дышу,
И они мне всего дороже.
Пусть стихи не приносят дохода,
Но они на крутых виражах
Оживают и отзвук приносят
В жизнь влюблённых открытых сердцах.

О стихах

Говорят, стихи легко писать:
Сочиняй сиди, коли охота.
Попытайся слоги рифмовать,
Стихоплётство – лёгкая работа.
Что тут думать: к слову «поздравляю»
Запросто рифмульку подобрать!
Напиши простое: «я желаю»
И не надо голову ломать.
К слову «слёзы» подойдёт «берёзы»,
К слову «дом» нет проще рифмы «сом»,
Написать к «берёзам» можно «розы»
И не надо думать ни о чём.
Только ведь стихи – не просто рифмы,
В них душа и сила высоты,
У стихов сердец живые ритмы,
Глубина и чувство красоты.
Написать стихи совсем не просто,
Это очень кропотливый труд:
Рифму подобрать такого роста,
Так, что даже годы не сотрут!
Душу вывернуть, порою, наизнанку,
Вылить чувства на бумаги лист.
Чтоб однажды утром спозаранку
Рифмы, будто песня, полились.
Стали чудодейственной мелодией,
Тронули чарующей строкой,

Сказочной, весеннею рапсодией
Разлились гад сонною рекой.
Чтоб хотелось плакать и смеяться,
Жизнь любить и дружбой дорожить,
Чтоб с подругой – лирою обняться,
И стихи красивые сложить.
Вот тогда они легко слагаются,
Запросто текут из-под пера.
А стихи хорошие рождаются
Лишь тогда, когда придёт пора.
И не верь, что их легко писать,
Стихоплётов мелочных не слушай.
Можно просто рифму подобрать,
Не вложив в стихи живую душу...

Меня признали земляки

Не каждому определён талант Всевышним.
Меня же Бог сим даром наделил.
А значит надо быть душою чище,
И не растрчивать впустую сил.
Пусть не была на высшем пьедестале,
И мир моей фамилии не знал.
Но где-то я поблизости стояла,
Когда Господь таланты раздавал.
Я счастлива, что в стороне родимой,
На берегах моей Миасс-реки,
За нежность чистых чувств неутомимых
Меня мои признали земляки.
Когда я им свои стихи читаю,
Я знаю, что они меня поймут.
Я край свой Каргапольский воспеваю,
Где и они, счастливые, живут.
Среди полей, богатых урожаем,
Лесов сосновых, заливных лугов.
Мы вместе с ними каждый день встречаем,
И отдаём сполна свою любовь:
Берёзке белой в платице из ситца,
Озёрам синим, песне соловья...
И в стороне чужой нам часто снится
Родимый дом с рябиной у плетня...
Я вас люблю, сельчане-каргапольцы,
Вы в этом мире все друзья мои.
Земле родной, покуда сердце бьётся,
Вновь буду посвящать стихи свои.

Мечты

Я всегда мечтала летать:
Видеть мир с высоты полёта,
Чтобы звёзды в небе достать,
Облака рукою потрогать.
По ночам летала во сне,
В синем небе раскинув крылья.
И Вселенная грезилась мне
Сплошь усыпанной звёздной пылью.
И сплетались в рифмы слова,
Фейерверком волшебных слов...
Под жемчужную трель соловья
Окрыляла душу любовь.
Миновали златые года.
Уж пора реалисткой стать.
Только я опять, как тогда,
Всё мечтаю птицей летать.

Прошлое

Когда мы становимся старше,
Мы чаще грустим о былом.
И кажется прошлое краше,
И в нём мы иначе живём.
Мечтаем, страдаем и любим,
Свершаем ошибки порой.
Со временем учатся люди
Ценить счастье жизни земной.
С годами всё чаще и чаще
Приходит к нам молодость в сны.
И видится прошлое наше
Мгновеньем ушедшей весны.
Там россыпи белых ромашек,
Поют на заре соловьи.
И мальчик в цветастой рубашке
В саду говорит о любви.
И падают звёзды в травы,
Блестит изумрудом роса.
А в тихой зелёной дубраве
Вновь птички слышны голоса.
В полях колосится пшеница,
И жарок в лугах сенокос...
Опять на рассвете приснится
Сторонка, родная до слёз.
Уж нет там отчего дома,
Разъехались все друзья.
Но улочки той знакомой
Забыть нам вовек нельзя.
Живёт там прошлое наше —
Та память светла и легка.

Вновь белым платочком помашет
Черёмуха издалека.
И вспомнится снова давнее,
Где от порога опять
Проводит в дорогу дальнюю
Святой материнский взгляд.
По-разному жизнь слагается:
Из радостей и огорчений.
Но прошлое не забывается,
И память – его отражение.

В городе, где сказки спят на крышах,
Где зарю целует первый луч,
Мы всю жизнь с надеждой тайной ищем
От судьбы своей волшебный ключ.
Где-то наше счастье заплуталось,
Потерялся ключик дорогой.
Только память светлая осталась
О любви, прошедшей стороной.

Никому не скажу...

Мне так хочется самую малость:
Посидеть одной в тишине.
Никому не скажу, не признаюсь,
Хорошо или плохо мне.
Может слишком я рано устала?
Только каждым минувшим днём
Никогда не жила в полнакала,
А горела ярким огнём.
Мне хотелось взлететь на вершины,
Победителем быть во всём...
Отцвела – облетела рябина,
Уже гроздья горят янтарём.
В жизни всё не так получилось,
И надежды костёр угас.
Как мечталось, так не сложилось.
Не пробил, зная, мой звёздный час.
Как же вышло, я, право, не знаю,
Почему вдруг сломалась судьба?
Одинокой звездой догораю,
И виню лишь одну себя.
Я до срока душой постарела,
Перестала себя уважать.
И уже ничего не сделать,
От себя мне не убежать...
Никому не скажу, не признаюсь,
Хорошо или плохо мне...
Мне лишь хочется самую малость:
Посидеть одной в тишине.

Думы под дождь

Небо тучами сплошь покрыто,
И траву ветер северный гнёт.
Дождик сеет, будто из сита,
Видно скорая осень грядёт.
А пока календарное лето
Разноцветьем бушует вокруг,
Ещё птички звучат сонеты,
Ещё алые зори встают.
Ещё август теплом порадует,
И наступит ещё благодать.
А пока так немного надо:
Дни ненастные переждать.
И поверить – за тучами солнце,
Южный ветер тепло принесёт.
И на душу бальзамом прольётся,
Где цветами любви расцветёт.

Ностальгия

Душа моя тоскует по деревне,
По улочке в убранстве тополей...
Вновь в тишине мелодией весенней,
Я слышу песни юности моей.
Меня здесь помнит каждая избушка,
Любовно обнесённая садком,
И кланяются вежливо старушки,
На лавочках сидящие рядком.
А утром манит свежий запах хлеба,
И сыплет соловей шальную трель,
Всё также смотрит удивлённо в небо
У старого колодца журавель.
Тропинка убегает за деревню,
Зовёт и манит на простор полей.
Чарующей мелодией весенней
Я слышу песни юности моей.
Вновь вечер сладко пахнет матиолой,
И стайками гуляет молодёжь.
Поёт на танцплощадке радиола,
Про то, как в поле колосится рожь,
Про грусть-печаль царевны Несмеяны,
Про электричку, что сбежала вновь,
Про яблоки, что зреют в Намангане,
Про счастье, про разлуку, про любовь...
Душа моя тоскует по деревне,
По улочке в убранстве тополей...
Вновь в тишине мелодией весенней
Я слышу песни юности моей.

Завалинка

Я тогда была ещё маленькой,
Но я помню в деревне у нас
Собирался народ на «завалинке».
Вечерами в свободный час.
Обсуждали незлобно, без зависти,
Что молва «на крыле принесла»:
Деревенские вести-новости,
Повседневной жизни дела.
Как в полях хлеба колосятся,
Сколь коровы дают молока,
Что дождя хорошо б дожждаться:
Вон уже обмелела река.
У кого какая обнова,
Кто недавно в городе был,
Кто с рыбалки пришёл без улова,
Кто кого полюбил, разлюбил...
Вспомнят тех, кто давно на погосте,
У кого семья прибыла...
А к кому приезжали гости
И гулянка была весела.
Обо всём от души посудачат
И посплетничают сполна.
Ничего не скроют – не спрячут,
Ведь молва, как в реке волна.
И оценивали, и рядили.
А уж спорили – горячо!
Здесь на всё ответ находили,
Знали точно «чё» и «почём».
Годы, будто весной проталинки,
Как мгновенья минувших грёз...
И мне часто снится «завалинка»,
Разговоры до первых звёзд.

В библиотеке

Не в больницу и не в аптеку,
Коль душой заболёю вдруг,
Прихожу я в библиотеку:
Книга – самый мой верный друг.
Здесь спокойно, тихо, уютно,
И мгновений прекрасных миг.
Незаметно бегут минуты
В удивительном царстве книг.
В знатоки-книголюбы не лезу,
Но приветствую книгу полезную.
Я, конечно, читаю прозу,
Только больше люблю поэзию.
Излечу я стихами душу,
И наполню её добротой.
Вновь меня очарует Пушкин
Нестареющей строкой.
Где, не ведая чувств обмана,
О любви расскажет большой,
И о милой сердцу Татьяне,
О судьбе её непростой.
А в берёзовой роще осенней
Провожу в отлёт журавлей.
Мне влюблённый Сергей Есенин
Пропоёт о печали своей.
В тишине притихшего сада,
Средь акаций и тополей,
Снова вижу в стихах Асадова
Ту «Трусиху», что нет смелей.
А чтоб вовсе душа оттаяла
И запели в ней соловьи,
Я открою Марину Цветаеву,
Томик тёплых стихов о любви.
Вот уж вечер часы отстучали:
Возвращаться пора домой.
Отступили мои печали,
А в душе благодать и покой.
Не в больницу и не в аптеку,
Коль душой заболёю на миг.
Вновь приду я в библиотеку –
В царство умных и добрых книг.

От школьного порога

Моим учителям

Снится школа, и первая парта,
И косички смешные торчат.
На стене – нашей Родины карта,
И знакомые лица ребят...
Здесь впервые мы написали:
«Мама», «Родина», «Школа», «Мир».
Здесь выросли мы и мужали,
Набирались знаний и сил.
Я немало дорог прошагала,
Повстречала верных друзей.
Только было от школы начало
Всех проложенных жизнью путей.
Жизнь – она наш экзамен вечный,
Призван каждого испытать.
Чтобы верный успех обеспечить,
Твёрдо сдать его надо на «пять»!
Было много новых открытий,
Дерзких поисков, смелых идей,
Но всегда оставался учитель –
Самым мудрым из всех людей.
И когда снова жизнь итожу,
Покоряя крутой перевал,
Знаю – нет оценки дорожке,
Что когда-то учитель дал.
Пролетели года вереницей,
Миновали немалые сроки.
И всё чаще мне школа снится:
Перемены, звонки, уроки...

8 Марта

Опять весна и солнце светит ясно,
8 Марта снова настаёт.
Я – женщина, а значит, я прекрасна,
И это для меня капель поёт.
И сыплет солнце лучики – искринки,
В высоком небе тают облака.
Себя я вижу женщиной – картинкой,
Хоть молодость моя уже не та...
То мне стихи и песни посвящают,
Слова признаний пылко говорят,
И с праздником весенним поздравляют,
И дверь открыть мужчины норовят.
Сегодня муж командует на кухне:
Готовит на сюрприз «мужской салат»,
Букет мимоз весной пьяняще пахнет
И стол накрыт, и две свечи горят.
Сегодня я властна, как королева!
Цветут улыбки, вежливость храня,
Куда ни глянь – направо и налево,
Всё лучшее сегодня для меня.

А завтра буду женщиной обычной,
Всё снова встанет на свои места...
Вот было бы 8 Марта вечно!
Жаль только – это женская мечта....

Наверно так уж повелось в веках:
Храня любовь всесильную, святую,
На малых и больших материках
Мужчины руки женщинам целуют.
За то, что детям жизнь они дают,
Что успевают сделать всё на свете.
Что никогда они не устают
Творить добро и счастье на планете.
Где женщина – там для души покой.
А в доме – чистота, уют, порядок,
Наполнен лаской день и теплотой,
А сон ребячий безмятежно – сладок.
Но коли чёрная беда придёт,
То станет женщина сильнее втрое,
Глаз утомлённых ночи не сомкнёт,
И горе отведёт своей рукою.
И не ей ничего вокруг хранимей,
Чем неба синь над детской головой,
Хлеб на столе, да рядышком любимый,
Да милый уголок земли родной.

Боль

Жизнь, бывало, наотмашь хлестала.
Только я, порой судьбу кляня,
Никогда друзей не предавала,
Тех, что нынче предали меня.
Если бы понять, как это больно –
Веру в справедливость потерять.
Это самая большая подлость:
Дружбу и доверие предать.
Я прощу. И вспоминать не буду.
Дай забыть мне, Боже, вообще,
Как прошлись безжалостно и грубо
По моей израненной душе.

Что-то в жизни моей не сложилось,
А ведь так хотелось иначе...
Под откос судьба покатилась.
И душа усталая плачет.
Я упрямо ищу причины...
От меня отвернулось небо.
Жизнь меня, то бросает в пучину,
То выносит на пенный гребень.
Я мечусь и ищу опору...
И твержу про себя уверенно.
Что ещё с судьбою поспорю,
Что не всё ещё жизни потеряно.

Остаюсь навсегда в комсомоле

Я храню комсомольский билет,
Пусть уже комсомола нет.
Но остались рядом друзья,
Без которых мне жить нельзя.

Вместе с ними жили, дерзали,
У костров искристых мечтали.
В каждом деле рядышком шёл
Самый верный друг – комсомол.

Помним юность, романтику буден,
В нас она, как праздничный бубен.
И бурлит в наших жилах кровь,
Сердце молодо бьётся вновь.

Я храню комсомольский билет,
Как вчерашней юности свет,
Что пылает светло и жарко,
Как горячее сердце Данко.

Шли по жизни смело и дерзко
С комсомольской задорной песней.
Жизнь любили, по-новому строили
В нашей славной Стране Комсомолии.

Я храню комсомольский билет,
Как святыню пламенных лет.
И горит, как судьбы маячок,
На груди комсомольский значок!

Юность комсомольская моя

Уж иные у меня заботы,
Но душой не обеднела я.
Где-то там, за дальним поворотом,
Юность комсомольская моя.
В прошлое, перевернув страницы,
Вижу в череде минувших дней
Молодые, озорные лица
Всех моих ровесников – друзей.
В памяти ещё живут рассветы,
Ещё жаркие костры горят,
Песни главные ещё не спеты,
Горны громкие ещё трубят.
Комсомол нас звал на покоренье
Самых дерзких и крутых высот!
Приходило чувство вдохновенья,
Крылья уносили нас в полёт.
В край земель, нетронутых веками,
По путёвкам нас звала страна.
И чернела вслед за тракторами
Свежевспаханная целина.
Нас манили и тайга, и горы,
Звёзды в небе покорялись нам.
И ложились рельсы на просторе
Комсомольской стройки века – БАМ!
Годы улетали, словно птицы.
Но навечно время в эти дни
Вписывало яркие страницы.
В летопись истории страны.
Комсомол остался светлой вехой
В памяти, что годы не стерут.
В сердце достижения и успехи
И поныне пламенно живут.
Пусть заботы у меня иные,
Но душой горю, как прежде я.
Остаёмся мы с тобой едины,
Юность комсомольская моя!

Плачет ивушка неплакучая
Над уснувшим прудом.
Одиночество, зная, наскучило –
Погрустим же вдвоём.
Листья – слёзы, стекая.
Утопают в воде.
Новый день открывая,
Гасит звёзды рассвет...

Мне снится сон: проваливаюсь в бездну.
Я силюсь, и пытаюсь закричать.
Ещё секунда, миг, и я исчезну...
О, Боже! Не желаю умирать.
Я жить хочу! Встречать весну и осень.
И журавлей с печалью провожать,
И слушать соловья, и видеть неба просинь,
Любить, смеяться, плакать и мечтать.

Я придумала себе девиз -
В трудную минуту, в час отчаянья,
Говорю себе: «Ты – сильная! Держись!
Выдержишь любые испытания»!

Я давно надеюсь на себя,
Только на себя! Свой разум слушаю.
И страдая, мучаясь, любя –
Никому не раскрываю душу.

Сколько унижения вокруг:
Слёз отчаянья, безвыходности, страха...
Нас, как быдло, в замкнутом кругу
С каждым днём теснят всё ближе к краху.

В этом страшно-смутном мире лжи
Кто мне мудрый даст совет как выжить?
Если б можно было боль души,
Как бельё, прополоскать и выжать...

О, моя родная сторона!
Милая, раздольная, святая.
Как спасти тебя, чтоб Сатана
Не топтал твои цветы и травы?

Я хочу, чтоб голову подняв,
Согнутые распрямив колени,
Получить законные права:
Дать отпор всей этой властной дряни.

Всем, кто ныне нас в тупик загнал,
Кто довёл страну до обнищания...
Их бы к стенке. Да вогнать запал!
Как ответ на клятвы – обещания.

И когда меня ломает жизнь,
Кажется нет выхода... В отчаянии
Говорю себе: «Ты – сильная! Держись!
Выдержи и эти испытания»!
1999 год

Смирение

Я как птица, загнанная в клетку,
Бьюсь отчаянно, ломая крылья.
Разорвать бы паутину – сетку,
Что уже покрылась слоем пыли.

Мне б взлететь в бескрайность небосвода,
Да вдохнуть бы воздух полной грудью.
И за этот миг шальной свободы
Годы жизни я жалеть не буду.

Мне не надо славы и богатства,
Я хочу лишь просто быть любимой.
Чтоб в отчаянии не метаться,
Быть свободной, гордой и счастливой...

Только я на мир смотрю из клетки.
И молчу, сложив покорно крылья.
И не разорвать мне эту сетку,
Что уже покрылась слоем пыли...

Унижение

Я никогда богато не жила:
Большие деньги делать не умела.
Но нищей, к счастью, тоже не была –
На чёрный день всегда запас имела.
А нынче не свожу концы с концами,
В отчаянии мыкаю нужду.
Зарплату мы не видим месяцами,
А цены! Цены бешено растут.
И не хватает кровных нам грошей
На самые дешёвые продукты.
А рынок полон. Здесь у торгашей
Прилавки ломятся от сладостей и фруктов.
Страна унижена, растоптана, распята.
У власти мафия и подлое жульё.
Жирует кучка властных «реформаторов»,
Народ на грани нищеты живёт.
И кто ответит за развал в стране.
За слёзы, за позор и за утраты?
За смерть ребят, растерзанных в Чечне
По воле оборотней – демократов?
(1998 г.)

Я знаю, что настанет день и час,
Когда друзья придут со мной проститься.
И будет продолжаться жизнь для вас,
И так же будет шар земной крутиться.
Я не хочу покинуть мир зимой...
Пусть будет плакать грустно дождь осенний,
И Мать – Природа золотой листвою
Устелет, как ковром, мой путь последний...
Хочу, чтоб над могилою моею
Шумела белоствольная берёзка,
И чтобы стоял под ней, среди ветвей,
Не памятник, а русский крест неброский...
И я уже не буду рваться ввысь.
Но отчаянно хочу, чтоб в день весенний,
Тот, кого любила я всю жизнь,
Положил на холм цветы сирени...

Бродячие собаки

Беззащитных легко обидеть,
Бросив камень в них просто так.
Доводилось когда-нибудь видеть
Вам глаза бродячих собак?

В них глубокая боль и грусть,
И глядят они прямо в душу.
Жизнь собачья – нелёгкий груз,
Нет той жизни собачьей хуже.

По хозяйской воле они
Вот такими бездомными стали.
А ведь были светлые дни,
Когда их любили, ласкали.

И смешные комочки – щенки,
Озорные и криволапые,
Были радостью ребятни,
И весёлые, и кудлатые.

Но кончается всё всегда:
Стал щенок вдруг ненужной «вещью»,
Был он выброшен вот сюда,
Как игрушка, дитю надоевшая.

Сколько их таких во дворах,
Став ничьими, просто бродячими,
Вызывают брезгливость и страх,
Хоть не злые они, не кусачие.

Добывают на свалках пищу,
У подъездов подачи ждут.
Где-то старую кость отыщут
И, забившись в угол, грызут.

Кто-то пнёт, кто-то бросит кусок,
Пожалев собаку бездомную.
Тем, бедняжка, она и живёт,
Вся больная и вечно голодная.

Осторожные мамы детей
От бродяжки отводят в сторонку,
И играть запрещают с ней:
Не дай, Бог – испугает ребёнка!

Я жалею бродячих собак.
И опять от соседей тайком,
Дам я нищенкам хлеба кусок,
Иногда напою молоком.

Благодарно виляя хвостом,
И доверчиво глядя в глаза,
Ждут они меня ночью и днём,
Норовят мои руки лизать...

Беззащитных легко обидеть,
Бросив камнем в них просто так.
Приходилось когда-нибудь видеть
Вам глаза бродячих собак?

Волшебные облака

Мне нравится смотреть на облака:
Они моим фантазиям покорны.
Плывут, плывут они издалека,
Меняя очертания и формы.
Мне нравится смотреть на облака.

Пушистые и лёгкие, и белые,
За ними я внимательно слежу.
Что захочу, я то из них и сделаю,
Я, будто в сказке, их заморозю –
Пушистые и лёгкие, и белые.

«Слонёнка» - облако вдруг превращаю в «кошку»,
И отправляю в сказочный полёт.
А вот у «кошки» появились «рожки» -
«Коза» по небу ясному плывёт...
«Слонёнка»-облако я превращаю в «кошку».

Смотри, какой большой «воздушный замок»,
Где вокруг его «волшебный сад» цветёт.
Живёт – грустит царевна Несмеяна,
Что своего возлюбленного ждёт.
Смотри, какой большой «воздушный замок».

Но лёгкий ветерок его рассеял,
И во «фрегат» огромный превратил.
Плывёт на нём команда Одиссея,
Что за руном злачёным поспешил.
Но лёгкий ветерок «фрегат» рассеял.

Уже огромный «крокодил зубастый»
Из облака внезапно родился.
Теперь уже в его коварной власти
Вдруг поглотить все эти чудеса.
Такой огромный «крокодил зубастый»

Мне нравится смотреть на облака:
Они моим фантазиям покорны.
Плывут, плывут они издалека,

Меняя очертания и формы.
Мне нравится смотреть на облака.

Дождь по окнам стучит всю ночь:
Не могу под него уснуть.
Мне бы мысли грустные – прочь,
Мне бы чуточку отдохнуть.
Только дождь не помощник мне,
Он не смоем в душе печаль.
И всю ночь, до утра в тишине
Будет дождь по окну стучать.

Думы о вечности

Нет в математике последнего числа –
Есть бесконечность.
Она понятия такие припасла,
Как «Множество», как «Вечность»..
Звёзд в Галактике вовек не сосчитать:
Их множество...
И не стремимся мы решать
То тождество.
Жизнь не кончается за роковой чертой –
Есть вечность.
Я верю в путь бессмертный свой –
В ту бесконечность.
Чтобы пройти тот путь смогла
И не угаснуть.
Ведь нет последнего числа:
Мне ясно.

Я давно на земле жила:
Точно знаю.
Только кем я тогда была?
Вспоминаю.
Не могу ту тайну открыть
Без причины.
Толь могла я женщиной быть,
Толь мужчиной.
Может нищею я была,
Иль богатой?
Может шпагой владеть могла,
Или златом?
Ведь не зря снятся мне
Чудо-страны.
И качаюсь я на волне
Океана.
И летят надо мной
Гордо птицы,

И туман за кормой
Клубится.
Но ведь есть у воды
Берег.
Сердце в силу судьбы
Верит.
Буду жить на Земле
Вечность.
Потому что есть
Бесконечность!

По весне возвращаются птицы
В край, где ждёт их родное гнездо,
Где пернатый их род продлится
Под счастливою яркой звездой.

В летних рощах, садах и дубравах
Встанут их птенцы на крыло.
Чтоб осеннюю грусть оставив,
В дальний путь унести тепло.

Но минуют злые морозы,
И опять наступившей весной
Соком жизни нальются берёзы,
И вернутся птицы домой.

С их прилётом покой теряем,
Видим лёгкие, добрые сны.
Будто душу свою обновляем,
Будто пьём сладкий сок весны.

Совет

Не спрашивайте женщину о возрасте,
Ей сей вопрос совсем не по душе.
И ей ещё вполне хватает бодрости,
Чтоб с возрастом всё больше хорошеть.
Она следит за каждою морщинкой,
За каждою прядкой ранней седины.
В улыбке промелькнут, порой, грустинки –
Они чужому глазу не видны.
Но в зеркало уж смотрится всё чаще:
Становится придирчивей к себе.
Советы мудрые в журналах ищет,
Чтоб молодость продлить в своей судьбе.
Воспользуйтесь сей истиною мудрости,
Запомните мой маленький совет:
Не спрашивайте женщину о возрасте.
На сколько выглядит – вот столько ей и лет.

Вальс юности

Душе приятно было удивиться –
Повсюду объявления висят:
«Сегодня вечер танцев состоится
Для тех, кому уже за 50!»

В фойе просторном очага культуры
Степенный собирается народ.
И струнами «Серебряной гитары»
Чарующе мелодия плывёт.

Как в годы нашей юности далёкой,
Толпятся кавалеры и шумят.
Высматривают любопытным оком
Ту даму, что на танец пригласят.

А женщины – кокеточки отпетые,
Вдоль стенок на скамеечках сидят.
В наряды свои лучшие одетые,
Не смотрят даже в сторону «ребят».

Вдруг баянист (откуда только взялся?!)
Тряхнув кудрями, развернул меха.
Мелодия волнующего вальса
Над залом величаво поплыла.

Та музыка, как колдовские чары,
Степенность и стеснение унесла.
По – молодому кружат в вальсе пары,
Про возраст позабыв и про дела.

Как здорово! Волнующе! Прекрасно!
Себя вдруг молодою ощущать.
Жизнь кажется такой простой и ясной,
И можно вновь о будущем мечтать.

Мужчина седовласый и почтенный
Ведёт по кругу ловко и легко.
И замирает сердце упоённо,
А на душе отрадно и тепло.

И кружат – кружат в чудо-вальсе звуки,
Как стая белокрылых лебедей.
Глаза в глаза в сплетеньи тёплом руки,
За кругом круг быстрее, быстрее, быстрее!

Улыбками разгладились морщинки,
И расходиться с танцев не спешат.
Вновь распускают время – паутинку
Все те, кому уже за 50...

Нагадала мне цыганка

Одна цыганка как-то на вокзале
Мне нагадала жизни долгий путь.
На руку посмотрела и сказала:
«Ты, дочка, мне поверь и не забудь.
Вот линия твоей судьбы прямая,
Не обойдут и счастье и беда.
Любимой будешь, пусть порой страдая,
И детки будут радовать тебя.
А эта линия – твоё здоровье.
И Бог тебе сполна его даёт.
Коль заболеешь, пусть не будет новью,
Ты мне поверь, а Бог тебя спасёт.
В душе твоей живут добро и святость,
Ты людям их почаще отдавай.
К тебе сполна вернётся жизни радость.
Живи, красавица. И цену себе знай».
И ни копейки не взяла за это.
С улыбкой лишь кивнула головой.
Запало в память и хранится где-то
Гадание цыганки той седой.
И я, порою, жизнь свою сверяю
С событиями прошедших лет и дней.
Всё, что сказала женщина седая,
Пока сбывается в судьбе моей.

Я как прежде иду на зарю

Дел немало ещё впереди,
Я не тлею ещё, я горю.
Не хочу я идти на закат,
И как прежде иду на зарю.

Пусть бушует в сердце весна,
И распахнута настежь душа.
Хоть дорога порою трудна,
Только всё же жизнь хороша.

Рядом верные есть друзья,
В трудный час поддержат меня.
Ничего растерять нельзя:
Надо помнить, что жизнь одна.

Не спешу я идти на закат,
Жизнь прожить не хочу я зря.
Значит надо вперёд шагать,
Где встаёт молодая заря!

В доме отдыха

Отдыхаю в доме отдыха:
Сплю, гуляю и лечусь.
Здесь дышу сосновым воздухом
И домой не тороплюсь.
Книжки разные читаю
(Дома некогда читать),
И о будущем мечтаю:
Отчего ж не помечтать?
Утром делаю зарядку
(Дома тоже недосуг),
Жизнь веду по распорядку.
Так денёчки и идут.
Принимаю ванны разные,
Процедуры прохожу.
И в безделье этом праздном
Упоенье нахожу.
Не спеша иду в столовую,
С аппетитом ем обед.
А потом гуляю снова я:
В царстве сосен белый снег.
И на танцы вечерами
Тоже иногда хожу.
Под баян пою с друзьями,
В вальсе весело кружу.
Отдыхаю по программе:
На здоровье и всласть!
Отчего ж домой так манит,
И спешу туда попасть?
Я тому причину знаю,
А виной характер мой:
Я «домашняя» такая,
Оттого хочу домой...

Отцвели цветы

Постарели в палисадниках цветы
И головки вниз к земле склонили.
А недавно чудом красоты
Любоваться мы с тобой любили.
Помнишь, в солнечный июльский день
Над цветами бабочки порхали,
Звонкую устраивали звень
Пчёлы, и нектар с цветов собирали.
Слушали мы, как по вечерам
Музыку кузнечики ковали.
Утром на цветах, на радость нам,
Жемчугом росиночки сверкали.
Лето отлелеяло цветы,
Первый иней красоту унёс.
Навсегда расстались я и ты.
Видно наше счастье не сбылось.

Бессонница

Ночь всё ближе к рассвету клонится,
свет тускнеющий льют фонари.
Но опять злодейка-бессонница
Будет мучить меня до зари.
В мыслях жизнь свою буду итожить,
Вспоминать врагов и друзей.
И ценить и судить буду строже
Я дела и поступки в ней.
Я ошибок немало свершила.
Их уже не исправишь. Отнюдь.
Уж зима надо мной закружила,
Всё короче оставшийся путь.
Но ведь были успехи и радости,
Улыбалась моя планида.
И жила, не зная усталости,
Деревенская девочка Лида.
Покоряла свои высоты,
Открывала маленький мир.
Крепли крылья мои в полёте,
И удачу мне Бог дарил.
Были рядом друзья хорошие,
Согревала душу любовь...
На висках – седина порошею,
В жилах уж не играет кровь.
Жизнь моя уж к закату клонится,
Подводить итоги пора...
И всё чаще приходит бессонница,
Чтобы мучить меня до утра.

3 октября 1895 года

Над рязанщиной зрела осень
Жёлтых листьев и нив золотых,
И грустила небесная просинь
Стаи птиц в отлёт проводив.
Пламенели в роще осины,
Сыпал лист золотой с берёз,
Утонул месяц в речке синей,
Как рога в неё сбросил лось.
19-й век итожил
Список славных дел на Земле,
Когда сын долгожданный, Серёжа,
Родился в крестьянской семье.
Он вобрал этой осени силы,
Унаследовать довелось
Светлость глаз васильково-синих
И тепло золотых волос.
Стал великим певцом России,
Хоть во многом растратил зря
Свою молодость, время и силы,
Но он жил душою горя.
Видел мир изумительно ярким,
Всей душою его любил.
И была жизнь щедрым подарком,
Был он полон таланта и сил.
Вновь раскрашен денёк осенний
В золотой и багряный цвет.
И живёт в каждом сердце Есенин –
Удивительный русский поэт.

Когда расстанусь с вами

Я однажды споткнусь на бегу:
Упаду в траву молодую.
В мир иной тихонько уйду,
Жизнь оставив свою земную.

Во Вселенной, где море звёзд,
Вдруг угаснет моя звезда.
Но останусь я без вздохов и слёз
В вашей памяти навсегда.

И не надо жалеть обо мне.
В жизнь идти вам своими путями.
Буду птицей кружить в вышине,
И душой оставаться с вами.

А когда станут ночи тихи,
И бессонница будет маять,
Вы откройте мои стихи,

Почитайте, меня вспоминая.

Я приду к вам, как есть сейчас,
В жизнь влюблённая, веруя в счастье.
И в полночный бессонный час
Утолю на душе ненастье.

Улыбнусь, помашу рукой,
Пожелаю спокойной ночи...
И из сердца уйдёт непокой –
Вас стихов успокоят строчки.

Я однажды споткнусь на бегу:
Упаду в траву молодую.
Но для вас я в стихах сберегу
И любовь, и красу земную.

Крик души
*Памяти погибших в торговом
развлекательном центре
«Зимняя вишня» г. Кемерово
25. 03. 2018 г.*

Кемерово. Страшная трагедия:
Дети задыхаются в дыму.
И никто не знает, и не ведаёт
Как помочь им, гибнущим в аду.
Центр торговый, комплекс развлечений,
В кинозале – лайковый мультфильм
Смотрят дети. Скоро от мучений
Уготовано судьбой погибнуть им...
Едкий дым вползает беспощадно.
Свет потух. И всё трудней дышать...
Кто-то из детей на телефоне
Номер близких пробует набрать...
Отправляя СМС-ку, дочка знала:
Жизнь её, как паутинка, обрывалась:
«Мамочка, мы здесь горим, родная!
Я люблю вас! Я, наверное, прощаюсь...»
Паника. Но заблокированы выходы.
В узких тёмных коридорах толчея...
Не работает сигнализация. А кнопка вызова
Оказалась вдруг отключена...
Дверь закрыта. В кинозале – дети.
Взаперти они, как в смертной камере.
Что же это, люди? Что же это?!
Где той боли, тому страху мера?
Снова горе над моей страной.
И безмолвно сердцем я кричу...
В трауре поникнем головою
И затеплим Памяти свечу...

Жажда жизни

Рано косу точишь ты, Косая:
Я живая, я ещё дышу.
Силы до предела напрягая,
В гости я тебя не приглашу.

Стиснув зубы, не издам и стога,
Ты в окно с ухмылкой не смотри.
Доберусь ещё до телефона –
Наберу две цифры: «ноль» и «три».

Назову фамилию и адрес,
И в нависшей гулкой тишине
С болью страшной на секунду справлюсь:
«Приезжайте. Очень плохо мне»...

И примчится «Скорая», мигая,
Отведёт беду – боль от меня.
Отступи сегодня прочь, Косая.
Не твоя ещё я. Не твоя!

Жизнь моя не может оборваться!
Надо ещё многое успеть:
Радоваться солнцу и смеяться,
И стихи слагать, и песни петь.

Слушать, как листвой шумят берёзы,
И встречать рассвет на берегу,
А весной, как отбушуют грозы,
Видеть в небе радугу – дугу.

Так что косу не точи, Косая.
Я ещё живу, люблю, дышу.
Силы до предела напрягая,
В гости я тебя не приглашу.

Я на Земле ещё не нажилась,
Ещё земных не насмотрелась снов,
И с алой зоренькой ещё не напилась
Росы прозрачной с листьев и цветов.
Ещё не все мне песни соловьи
Пропели в дальней роще за рекой,
Ещё не испытала я любви
Такой счастливой, светлой и большой.
Я на Земле ещё не нажилась,
Свою звезду в созвездье не вплела,
Житейской мудрости ещё не набралась,
Ещё не все закончила дела.

Что прошло, то уже не воротится,
Об одном лишь мечтаю давно:
Мне до счастья дотронуться хочется,
Чтоб узнать – какое оно?
Может мягкое, словно облако?
Но его, увы, не достать.
Может круглое, словно яблоко?
Да его невозможно обнять.
Может в небе звездой мигает?
Или в поле ромашкой цветёт?
Может лебедем белым летает?
Иль соловушкой в роще поёт?
Где же счастье моё долгожданное?
Загляни ненадолго в окно.
Незнакомое и желанное....
Но познать мне тебя не дано.

Еду из Кургана. Вдоль дороги
Белые берёзки, словно свечи.
Нет не те берёзки – недотроги
Косы, распустившие на плечи,
У которых шёлковые листья
Шелестят тихонько на ветру,
В платицах ажурных, как невесты,
Солнышко встречают поутру.
А стоят берёзки оголённые,
Без единой веточки стоят.
Где же, где же кроны их зелёные?
Где их летний ситцевый наряд?
Я потрясена бедою этой,
Ведь должна же быть причина веская,
Отчего берёзоньки раздеты.
Не одна, не две, а перелесками?
То ль лесной пожар тому причиной?
То ли экология виною?
Но такая страшная картина.
Даже птицы гнёзд не вьют весною.
Мёртвые берёзовые рощи,
Будто в белых саванах стоят.
Как упрёк отчаянно-зловещий,
Как укор за смертоносный яд.
Вы простите, милые берёзки,
Что ничем помочь вам не могу...
Лишь красу былую вашу, русскую,
В памяти своей я берегу.

Предназначение

Что такое жизнь? Одно мгновение,
Вспышка яркая на фоне тьмы.
Так к чему напрасные стремления,
Коль мы всё равно обречены?

Но ведь для чего-то мы приходим
В мир, который в вечности живёт?
Только не всегда, увы, находим
В нём предназначение своё.

Почему кому-то всё доступно,
Он, купаясь в роскоши, живёт?
За другим же вечно неотступно
По пятам одна нужда бредёт?

Но ведь говорят, что в этом мире
Каждый крест своей судьбы несёт.
Испытания каждому по мере
Сил его Бог на Земле даёт.

Значит надо жить, любя, страдая.
Веру светлую в душе иметь,
Чтобы телом мир сей покидая,
Никогда душой не умереть.

И пусть наша жизнь – одно мгновение,
Как кометы падающей след,
Есть у каждого своё предназначение:
Добрых дел оставить долгий свет.

Баллада о народном академике
Памяти Т.С. Мальцева

Я всю жизнь прожила в деревне,
Что глубинкой привыкли звать.
И людей именитых в жизни мне
Не привёл Господь повидать.

Но однажды в Доме культуры
Совещался партийный актив.
Активистке мне по натуре
Довелось пребывать среди них.

Обсуждался вопрос не банальный:
Как растить урожай богатый,
Метод пахоты безотвальной
И новейшие агрегаты.

Разговор был, как схватка, жарок.
(Хлеборобы – народ горячий).
Говорили о пользе пара
И о сроках сева впридачу.

И на форуме этом районном
Мне впервые пришлось увидеть
Человека, чьё имя знакомо
Было много уж лет подряд.

Не спеша на трибуну поднялся,
Речь свою держал увлечённо,
Он, Терентий Семёнович Мальцев –
Хлебороб, депутат, учёный.

О земле говорил, о поле
С восхищением и восторгом.
Очарованный русским раздольем
И его величием гордым.

Как близки были сердцу муки,
Если вдруг урожай погибал.
А ведь в жизни он был «самоуком»,
Всё на практике постигал.

И секреты узнать стремился,
Чтоб зерна вдоволь колос давал.
И учился, учился, учился:
Много умных книг прочитал.

Говорил, что земля родная,
Будто шахматная доска.
И на ней массивы без края:
В «клетках» пашня раскинулась вся.

Над доскою колдуют двое:
И природа, и человек.
И понятие здесь простое:
Кто умнее – одержит верх.

Но природа – соперник скверный,
У неё ходов хитрых не счесть.
Первы ход всегда самый верный,
В этом ходе вся её спесь.

Самый сильный то ход – засуха.
Нелегко её победить.
И держи с нею остро ухо:
Влагу в почве сумей сохранить.

А ещё земледелец должен
Твёрдо в силы свои поверить.
Быть в работе с землёй осторожен,
Чтоб резервы её соизмерить.

И умел Терентий Семёнович
Всю науку поставить на службу.
Видел, что природа пророчит,
И водил с ней негласную дружбу.

А земля отзывалась на ласку,
Ту заботу о ней уважая.
Даже в трудный год, будто в сказке,
Приносили поля урожай.

Нет, пожалуй, того направления,
Что в трудах не коснулся он:
Агротехника, сев, удобрения
И борьба с врагом – овсюгом.

Находил простые ответы
Он всегда и на все вопросы.
По сей день те его советы
Земледельцам пользу приносят.

Помните, люди!

К 20-летию аварии на ЧАЭС

Страшнее той беды на свете не было,
Когда апрельским утром – в небо смог!
На Украине, в городе Чернобыле
Взорвался на АЭС четвёртый блок.

И, вырвавшись на волю, мирный атом
Разбушевался, как свирепый зверь.
Вмиг охватил страну смертельным хватом.
Представить это страшно и теперь.

Спасти людей, остановить заразу,
Весь мир геройски заслонив собой.
Как в 41-м встали по приказу
Сыны Отечества на смертный бой.

И цену жизни наяву узнали вы,
Но от планеты отвели беду.
А радиации там уровень «зашкаливал»,
И день, и ночь работали в аду.

Того нет плодородней чернозёма,
Но с той земли нельзя ни есть, ни пить.
Из пострадавшей, заражённой зоны
Ту землю увозили хоронить.

Земля дышала смертною отравой,
Неизмеряемой величины.
И каждый шаг грозил слепой расправой.
И все вы были там облучены...

Прошли года. И поколение новое
О катастрофе знает понаслышке.
Находят факты времени сурового
В документальной хронике из книжки.

Живут средь нас событий тех герои.
Сердца их как живые индикаторы.
Они навек побратаны судьбою
Коротким ёмким словом «ликвидаторы».

Чернобыль – сил и нервов напряжение,
Мгновенный взрыв на фоне тишины.
Чернобыль – это как предупреждение,
Чтоб никогда не допустить войны!

Открытые сердца

Медработникам Каргапольской ЦРБ

Я завидую вам чуточку – не скрою.
Беспокойна пусть работа и трудна.
Но когда на помощь мчится «Скорая»,
Знать кому-то помощь та нужна.

На усталость медики не ропщут,
Труд свой любят, с гордостью несут.
Три бригады вашей «Скорой помощи»
День и ночь на боевом посту.

Дарите больным тепло, заботу,
Клятве Гиппократы вы верны.
И квалификацию высокую
Все имеете и в знаниях все равны.

Чёрствость вам чужда и равнодушие.
И совсем не «с краю ваша хата».
Для больных открыты ваши души
И сердца под белыми халатами.

Опыт, мастерство, я точно знаю,
Не отнять у каждого из вас.
И когда «03» я набираю,
Помощь «Скорая» примчится враз.

И спасёт, вернёт вновь радость жизни.
Станет мир вокруг светлей и краше.
Служите вы людям и Отечеству,
И наградой вам здоровье наше.

Детские стихи

Кошкина беда

Киска по двору ходила,
Киска лапку занозила.
Киска охала.
Лапку трогала:
- Ой, соседи, приходите,
Мою лапку поглядите,
Ой, скорее приходите:
Помогите! Помогите!
К ней подружка прибежала,
- Мяу – мяу, - ей сказала,
Посмотрела, повздыхала,
И обратно убежала.
Прибежала курица,
Очень зло нахмурилась:
- Ко-ко-ко, ко-ко-ко,
Не ходи босиком!
А собачка приходила –
Долго кисоньку бранила:
- Гав-гав-гав, гав-гав-гав,
Ходишь, голову задрав!
- Ме-е-е-, твердила коза,-
У тебя во лбу глаза.
Так что нечего реветь –
Надо под ноги смотреть!
Воробьишка прилетел,
Киске лапку осмотрел,
Ничего не сказал,
А занозку убрал!

Птичий двор

Важно ходит петушок,
Ярко-красный гребешок,
Ножками топает,
Крылышками хлопает,
Зёрна собирает,
Курочек скликает.
Он кричит: «Ку-ка-ре-ку!»
- Я хохлаток стерегу!
Вы, куриный народ,
Не ходите в огород!
Курочки – хохлатки,
Не топчите грядки.
Собирайте зёрнышки,
Грейтесь на солнышке»!

Жёлтые цыплятки –
У курицы ребятки,
Не волнуйте маму:
Не упадите в яму,
В воде не утоните,
В щель не угодите.
Не ходите далеко,
Маме с вами нелегко.
На полянке кошка
Смотрит сторожко!
С ней нельзя играть,
А не то она вас – хватать!

Ах! Какой шипучий гусь!
Очень я его боюсь.
Шею вытянет вперёд,
Прямо на меня идёт.
Да не шагом, а бегом!
Я грожу кулаком.
Злой и страшный гусь всегда,
И кричит: «га-га, га-га».

А у нашей утки
Цыплятки – малютки,
Мягкие, пушистые,
Как комочки мшистые.
Катятся в корыто,
Где вода налита.
Плещутся – купаются,
Весело играют.
И ныряют, и пищат,
Кверху хвостики торчат.
Клювиками мошек
Ловят эти крошки.

Удивительный «народ»
Во дворе у нас живёт.
Охраняет птичий двор
Верный сторож – пёс Трезор.

Карусели

Кружат-мчатся карусели:
Гуси-лебеди летят.
Мы с подружкой Полей сели –
Нам друг друга не догнать!
Выше-ниже! Ниже-выше!
Гуси-карусели мчат.
А внизу – деревья, крыши,
Водоём и водопад!
Нам завидуют ребята:
Смотрят, головы задрав!
Пусть не гуси мы – гусята,
Нам совсем не ведом страх.
Мы хохочем громко-громко,
Дует ветер нам в лицо.
И кружит нас быстро, бойко
Карусельное кольцо.

Подарки

Ярче солнышко сияет
В небе ясном голубом.
Мамин праздник наступает:
Любим мы его и ждём.
Утром рано – рано встану,
Все игрушки приберу,
С праздником поздравлю маму
И рисунок подарю.
Я его нарисовала
Вчера вечером тайком,
А чтоб мама не видала –
Спрятала за сундуком.
На картинке – дом с крылечком,
На окошке – два цветка.
А за домом – плещет речка,
А над речкой – облака.
Мы шагаем по тропинке
Рядом с мамочкой моей...
Очень хороша картинка:
Мама радуется ей.
А вот бабушке любимой
Подарю конфетку я.
А она уж непременно
Ею угостит меня.

Зимние забавы

Белый-белый пух-снежок
Всё вокруг запорошил.
Димка – мой сосед-дружок-
В парк на горку поспешил.
Вон Танюха тащит санки,
Веселится детвора.
Щёчки всем мороз румянит.
Здравствуй, зимняя пора!
Мама мне купила лыжи:
Я иду на стадион.
Не боюсь нисколько стужи,
По лыжне бегу кругом.

Одуванчики

На лугу-лужочке
Жёлтые цветочки.
До чего пригожие –
На солнышко похожие.
Утром распускаются,
На ночь закрываются.
Что же это за цветы?
Хорошо их знаешь ты.
Отцветут и превратятся
В шарики пушистые.
Ветер дунет – разлетятся
Лучики игристые.
Чудо это вам известно,
Девочки и мальчики.
Догадались? Ну конечно:
Это одуванчики!

Весёлый дождик

Летний дождик плещет
Весело, легко.
Скачет он по крыше,
Бьётся о стекло.
Радует травка
Тёплому дождю,
Опустив головки
Цветы воду пьют.
Вон смешные люди
Под дождём бегут,
Как цветы повсюду
Зонтики «цветут».
И по лужам звонко
Барабанит дождь,

На берёзках звонких
Изумруды сплошь.
Солнышко проглянет
В небе над рекой,
Чудо-мостик встанет
Радугой цветной.

Тучка

В синем небе родилась
Маленькая тучка,
И из речки напилась
Чистой водички.

Маленькая тучка,
Тучка-летучка.
Стала по небу летать,
Ищет: с кем поиграть?

Пролетела над лесочком,
На берёзках листочки
Вымыла-почистила,
Стали они чистыми.

Сбрызнула цветочки-
Ромашки, василёчки,
И весёлым птицам
Дала воды напиться.

Полетела в огород:
Грядки дождиком польёт.
Вот такая тучка,
Тучка-летучка.

Колокольчики

(детская песенка)

В летний солнечный денёк,
Ясный и погожий,
Распустился цветок,
Голубой пригожий.

Припев:

Динь-дон, динь-дон,
Звень-звон, звень-звон,
Динь-динь-дон,
Динь-динь-дон –
Вот весёлый перезвон!

Только скучно ему
Свою песенку петь,
Без друзей одному
День-деньской звенеть.

Припев:

Колокольчики все сразу
На лесной полянке,
Зазвенели дружно разом
Утром спозаранку.

Припев:

Эта трель поплыла,
Радостная, чистая,
Разбудила – подняла
Солнышко лучистое.

Припев:

Вот такая песенка
Утром раным-рано
Зазвенела весело
Над лесной поляной.

Припев:

О том, как хлеб на стол пришёл

(рассказ для детей)

Когда белый снег растает,
Солнце землю припечёт,
Это время наступает –
Посевная настаёт.
Хлопотлива постоянно
Та весенняя пора,
Когда утром раным-рано
Пашут поле трактора.
Солнышко на небосклоне
Нежит пашенку сполна,
В её тёплые ладони
Вновь ложатся семена.

А из маленького зёрнышка
Появится росток,
Он листочки тянет к солнышку,
Превращаясь в колосок...
Его солнышко ласкает,
Дождик балует сполна,
Колос силу набирает
Для хорошего зерна.
Колосок пока зелёный,
Но подходит верный срок,
Зёрнышек лучистых полный,
Пожелтеет колосок.

И тогда придут комбайны
На поля, где как всегда,
Наступает беспокойная
Урожайная страда.
Потечёт сплошным потоком
Золотистое зерно.
На большом просторном токе
Собирается оно.

Средь лугов, вдали на взгорье,
Под весёлым ветерком,
Широко, свободно, вольно
Машет мельница крылом.
И моторы там большие,
Бойко жернова крутя,
Мелют зёрна золотые –
Получается мука.
Ту муку, как сахар белую,
Во дворе машина ждёт.
Погрузив мешки умело,
Увезёт на хлебзавод.
Или может на пекарню

(там ведь тоже хлеб пекут),
У печи у раскалённой
Ту мучицу тоже ждут.

Тесто пышное замесят,
Ароматно и бело.
И состряпают все вместе
Хлеб душистый, молодой.
Булки, караваи, сдобу
Вам с любовью испекут.
Продавцы с улыбкой доброй
В магазине продадут.

За обедом вкусным самым
Дружно сядет вся семья.
Хлеб на стол поставит мама,
Или бабушка, иль я.
Вот теперь мне всё понятно,
Знаю очень хорошо
То, как вкусный, ароматный
Этот хлеб на стол пришёл.
Этот путь кусочка хлеба
Труден был он и далёк.
Никогда хлеб лёгким не был,
Береги его, дружок!
Помни, как он зародился,
Как он этот путь прошёл.
Кто, и как, и где трудился,
Чтобы хлеб на стол пришёл.
И пусть каждый в сердце носит.
Всем и всякому скажи:
Хлеб нельзя обидеть, бросить,
Каждой крошкой дорожи!

Былина

«О великом богатыре Дмитрие и чёрной змее Азорде»

Люди добрые, душой предобрые!
Вы послушайте этот мой рассказ.
О любви большой, о святой любви
Поведу честной, мой былинный сказ...
Жил да был в краю сим, на родной земле,
В Каргаполье – селе, средь раздольных лугов,
Да зелёных лесов
Славный молодец. Звался Дмитрием.
Был красив, умен.
Силой сильною был он наделён.
Кто осмелится вступить в схватку с ним,
Будет им сражён.
И по всей земле слава шла о нём.
Равных не было во Курганской ему
Да области.
И дивился народ его храбрости.

По – соседству с ним жила девица,
Рукодельница и красавица.
Очи ясные, коса русая,
Коса русая, да ниже пояса.
Речи молвила - ручейком звеня,
А улыбкою затмевала всё:
Солнце красное, зарю алую,
Красотой слыла небывалою.
И была она людям милая.
Да наречена ясной Людмилою.

Повстречал её добрый молодец,
Покорила она сердце горячее,
Богатырское сердце Дмитрия,
Потерял он свой покой вконец.
И она – красна девица,
Рукодельница и красавица
Полюбила его – ясна сокола
Душой прекрасного, ростом высокого.
И пошло у них дело к свадьбе,
К пиру званному, к гулянью знатному.
Да пришла беда на землю Курганскую,
Охватила её весть невезучая:
Появилась Змея Поганская,
Тварь ползучая, жалом жгучая.
Всех красавиц – девиц превращала враз
В страшных, злых старух.
Алчно в сей же час
Руша в прах и пух.
И никто не знал её обличия:
Облик разный был её Величия.

И была Змея этим гордая,
Звали ту Змею Азордою.
Чтобы это зло изничтожить враз,
Губернатор издал областной указ:
Землю русскую, да Курганскую
От той нечисти надобно спасти,
И гадюку ту – Змею Поганскую
Уничтожить, насмерть извести.
Ясну соколу, да Димитрию
Он даёт наказ: отыскать Змею.
Уничтожить зло, с корнем вытравить,
И вернуть покой, да в родном краю.

Утром алая заря занимается,
Птахи ранние просыпаются
И звенят их песни, изливаются,
Дмитрий в трудный путь отправляется.
Он идёт искать тварь ползучую,
Змею коварную, злостью жгучую.
Едет день, другой
Богатырь лихой,
Он не ест – не пьёт, всё надеется
Побыстрей с Змейей-ведьмой встретиться.
Вот на третий день во густом лесу
Видит терем он, терем сказочный:
Изумрудный сад окружил его,
И жемчужное озеро плещется.
А живёт в терему чудо-девица,
Чудо-девица, да красавица.
Та красавица – Людмилы копия
Станом стройная, с улыбкой робкою.
Русая коса ниже пояса.
Коса русая, шелковистая,
Речь, как реченька течёт игристая...
- Здравствуй, милый мой, богатырь родной,
По тебе моё сердечко мучилось.
Я ждала тебя. Заходи же в дом,
В светлу горницу, проходи, мой свет.
Ты отведай явств, что вкуснее нет.
На постели ты отдохни – усни
И пусть снятся тебе расчудесны сны.
Та постелюшка пахнет травами,
Ароматами лета дивного.
И мягка она, и сладка она,
Ты усни на ней, мой возлюбленный.

Удивился богатырь, да задумался,
Ведь любимая дома ждёт его.
Ждёт - пождёт его, да печалится,
Тёмной ночью не спит – мается.
Не поверил он словам льстивым тем,
Притворился, будто бы очарован всем.

Он поел-попил, захотел поспать.
Только тайно порешил хозяйку испытать.
На постель сложил подушки мягкие,
Что из пуха все лебедино,го,
Да закинул их одьялом бархатным
Одьялом бархатным цвета дивного.
Сам же спрятался он в шкафу большом.
В тишине сидит он в укрытьи том.

Отстучали полночь часы с кукушкою.
Вот к постели той, что с подушками,
Идёт красавица, что Людмилою притворяется,
И тихонько вперёд пробирается.
А в руках топор,
Тот топор остёр.
При луне блестит его лезвие.
И подкралася к постели красotka резвая.
Над кроватью она замахнулася,
Да ударила – не промахнулася.
Полетел, клубясь, лебединый пух,
А у Дмитрия захватило дух.
Злая ненависть ожгла красавицу,
Вмиг в Змею она превращается.
В Змею чёрную, в Змею шипящую –
Вот обличье её настоящее!
И черна душа, как черны глаза.
Понял молодец: дальше ждать нельзя.
Из засады своей - круто он вперёд
И Змее мечом голову сечёт.
Вот лежит она, им растерзана,
И навечно зло злое повержено...

Утром раненько в землю чёрную
Закопал богатырь тело змеиное.
Ну а голову отсечённую,
Будто диво, да диво дивное
Он в подарок взял губернатору,
Как указа того инициатору.
Инициатору, да вдохновителю,
Подарил трофей от победителя.
Вот в родимый край воротился он,
Дмитрий – богатырь, добрый молодец.
И ведёт жену под святой венец.
Свадьбу справили под колокольный звон,
С красой – Людмилою,
С его любимой и людям милою.
На том званном пиру и я была,
Да из кубков резных сладкий мёд пила.

Часть девятая. Поэмы.

Солдатский дневник

(поэма)

*По страницам дневника участника
Великой Отечественной войны,
нашего земляка Михаила Егоровича Згибнева*

*Ночь светла. Оттого ли не спится,
Что в окно смотрит лунный лик?
В тишине, листая страницы,
Я читаю солдатский дневник.
В нем, как исповедь, быстрые строки.
Будто бы кровоточат они...
Миновали немалые сроки,
Но живёт в них память войны.
И мне видятся, как в киноленте,
Словно там, за спиною стоят
Тех событий живые моменты,
О которых пишет солдат.
Будто вижу из прошлого лица
Молодых безусых ребят...
И шуршат за страницей страница
В дневнике, что ведёт солдат...*

*Сорок третий. Январь. Девятое...
Нам всего по семнадцать лет.
А война – злодейка проклятая,
Всё идёт. И конца ей нет.
Из деревни родной, Русаковой,
На лошадке в военкомат
Едем мы с Алёшей Шумковым.
И полозья по снегу скрипят.
Провожали нас в путь тот дальний
Наши мамы, соседки-старушки,
И смотрели вослед печально
Деревенские бабы-избушки.*

*Целый день на морозе толкались
Во дворе у военкомата.
Как стемнело – в дорогу отправились
Новобранцы. Пока не солдаты.
А на станции многолюдной
Пели, плакали и рыдали,
Целовались с родными жадно,
Будто их навек провожали.
В час назначенный, пар пуская,*

И на стыках гремя вагонами,
Прибыл наш товарняк, вздыхая,
Чтоб умчать нас в даль незнакомую...
А мороз минус тридцать с гаком.
Стынут ноги, руки и кровь.
В темноте в вагоны ребята
Погрузились без лишних слов.
На холодном полу, в уголочке
Я свернулся, как только смог.
И состав загремел полночный,
Увозя в неизвестность. На фронт.

Утром стало чуть-чуть теплее:
Обогрели дыханьем вагон.
А колёса стучат всё быстрее,
Сердце бьётся им в унисон.
День тянулся. А к вечеру ближе
Встал состав близ Чебаркуля.
Я ещё «на гражданке» слышал:
Здесь – военные лагеря.

Снова день на морозе проводим.
Ждём, куда нас распределят:
В батальоны, роты и взводы,
По землянкам всех расселят.
Из района ребят немало.
Пусть из разных мы сёл, деревень,
Земляками себя называем.
Рядом быть нам и ночь, и день...

Тишина. Ночь стоит у порога.
В уголке тускло лампа горит.
Я сейчас отвлекусь немного:
Опишу наш солдатский быт.
Дом наш – эта теперь землянка,
Где мы только ночами спим.
Не натоплена печка жарко:
Согреваем дыханьем своим.
Целый день – от подъёма до ночи
Занимаемся на морозе.
И, порою, понять нет мочи
Стынет пот на щеках или слёзы?
Мы одеты в шинели старые,
На ногах – ботинки с портянками,
Но мороз своё дело правит:
Готов вывернуть наизнанку.
Спим, прижавшись, друг к другу тесно,
На сплетённых берёзовых ковриках.
Что нас завтра ждёт – неизвестно,

Оттого гложет душу страх.
Но не должен он стать преградой.
Пусть судьбой дан крутой поворот,
Только выдержать трудности надо:
И быстрее попасть на фронт...

Курс окончен. Теперь мы – солдаты.
Бить врага наш пришёл черёд.
Утром путь проляжет куда-то
И умчит нас состав вперёд...

Едем в Тулу. Вблизи от города
Формируется наша честь.
Пятый танковый корпус. В бригаду
Двадцать первую нам попасть.
Дальше – путь лёг на Белоруссию.
Город Невель – в сторону Витебска.
Здесь за землю нашу за русскую
Первый бой примут наши «войска».
Всё смешалось: огонь и дым.
Запах гари и грохот взрывов.
По натянутым нервам своим
Били мы с жестокою силой.

Бой окончен. Потерь немало.
Кто-то ранен, а кто-то погиб.
Сколько мы друзей потеряли,
И земляк Тюшняков Пётр убит...
Шёл в атаку со мною рядом
Мой годок Николай Карнаух,
Видел я как осколок снаряда
Прямо в ногу вонзился ему.
Командир нашей роты Никитин
После боя не принял строй...
Он погиб. А мы, будто дети,
Ощутили себя сиротой...

Ночь холодная. Осени сырость.
Слякоть – грязь вперемешку со снегом.
С неба тёмного сыплет изморось,
Сводит дрожью руки и ноги.
Вся одежда насквозь промокла.
Спрятав голову под шинель,
Я дышу внутрь всей силой лёгких
И дыханьем себя чуть согрел.
В этот миг вспоминаю деревню:
Мать, отца, в печке дров полыханье,
Старый кот на полатах дремлет:

На меня – никакого вниманья...

Погружаюсь, как в омут, в прошлое
И становится чуточку легче...
Сыплет осень первой порошею,
Белым пледом ложится на плечи...
Я не знаю слова молитвы,
Но молюсь, чтоб остаться живым,
Чтобы выдержать трудности, выстоять.
Только так мы врага победим.

А наутро снова движение:
Лес – поляна, и снова лес.
Со стрельбою идём в направлении
К деревеньке. Что ждёт нас здесь?
Окопались. Лежим в окопах.
Тишина. Страшно клонит в сон.
Вдруг стреляет рядышком кто-то,
Вздрыгнул я и дремота – вон!
Вижу, наш капитан поднялся:
«Батальон! (и в руке пистолет)
Рядом враг! Коли он прорвался –
Нам пути к отступлению нет!»
Видим – прямо по полю чистому,
Где кончается редкий лес,
Строем, нагло идут фашисты
С автоматами наперевес.
Сердце где-то в висках забилося,
Как огнём обдала меня злость:
«Врёшь, вражина! Знай русскую «милость!»
Ты у нас, будто в горле кость!»
Метрах в трёх от меня комроты
Громко крикнул: «Ни шагу назад!
В бой за Родину встанем, ребята!
Мы не вправе теперь отступать!»
Схватка эта была кровавой:
Полегло немало друзей.
Но атаку отбили со славой –
Не отдали земли своей!

Я должно быть в рубашке родился:
Не однажды смерть рядом ходила.
Перед боем в душе молился,
Как умел, как жизнь научила.
Больше суток сидели в окопах.
Только сколько бы мы не мешкали,
Били снайперы. Мы ж без страха
Стали двигаться перебежками.
Я поднялся, и чуть пригнувшись,
К лесу быстро метнулся прямо.

Вдруг увидел на миг, сверкнувшее,
У ноги голубое пламя.
Понял – это шальная пуля.
Только поздно. И в тот же миг
Обожгла, безжалостно жала,
И навывлет прошла – напрямик.
К счастью кость ноги не задела.
Всё равно попал в медсанбат.
Ну а там уж известное дело –
Мне немного пришлось полежать.

Семь дней под крышей медсанбата.
Но рассказать хочу сейчас
О русской бане, где солдаты
Смогли помыться в первый раз.
Меж четырёх огромных сосен –
Сырые жерди в два ряда.
Да низкий потолок проброшен
И разный хлам набит туда.
Кругом неструганные лавки
Из тех же, из сырых жердей.
Для полной той «экипировки»-
Большая бочка у дверей.
В ней тает снег, костром согретый.
Мы воду черпаем ведром.
Она же даже не нагрета
И обдаёт нас холодком.
Мы моемся не «кипяточком»,
Совсем холодной водой.
И мылим голову кусочком,
Обмылком, выданным войной...
Температура в «бане» этой
Такая же, как за стеной.
А мы до ниточки раздеты:
Кряхтим, пыхтим..., но воду льём...

Минуло больше уж полвека.
И нет войны, и всё прошло.
А я всё помню «баньку» эту,
То леденящее «тепло»...

Куда идём? Никто не знает.
Но здесь недавно шли бои.
Никто убитых не собирает:
Где тут чужие, где свои?
И кружит вороньё над ними,
Клюют лицо... По телу дрожь.
Страшней, ужасней той картины
Нам в жизни видеть не пришлось.

От холода немеют кости.
Ночлег – на хвое под сосной.
Не спим, чутко дремлем просто
На той постели снеговой.
Под утро, сняв свои ботинки,
Уж ног не чувствую совсем.
И рукавицы с меховинкой
Одел на ноги, греясь тем.
Уснул. И снилась мне деревня,
Усталой матери лицо,
В саду цветущие деревья,
Тропинка в зелени, крыльцо.
И пахло в горнице блинами,
И жарко полыхала печь...
На кухне хлопотала мама,
Чтоб хлебы пышные испечь...

В землянке тесной надышали
И в ней повеяло теплом.
Подтаяв, ветки вниз упали,
Засыпав спящих «потолком».
Мы выползли на «волю» еле,
В низиночке зажгли костёр,
Варили кашу тут и ели.
Вдруг в небе загудел мотор...
Немецкий самолёт-разведчик
Наведался к нам «погостить».
«Ну, братцы, скоро ждёт нас встреча,
И скоро будут нас бомбить».
И точно, так оно и вышло:
Я кашу не успел сварить,
Как самолётов гул услышал.
И тут нас начали бомбить.
В окопы бросились ребята.
А я, увы, не добежал...
В густой тальник упал куда-то,
Подумал: «Ну, теперь пропал!»
А умирать так не хотелось!
Ведь впереди была вся жизнь.
Я пробудить старался смелость,
Твердил себе: браток, держись!
Утих мгновенно бой жестокий,
И перестали мы стрелять:
Погибли многие из роты,
И раненых не сосчитать.

В ту ночь мы шли лесами долго
И поняли – к передовой.

Спасти страну – нет выше долга:
Знал командир и рядовой.
Вот речка. Поле. Перелески.
До боли милые края.
Всё это наша, сердцу близкая,
Родная, русская земля.
Смотрю ли в небо ночью звёздной,
Из родника ли воду пью,
Я эту Родину, Отчизну
Душою чистою люблю.
И не позволю злему врагу
Топтать в моих полях хлеба,
Жечь хаты, грабить всё, что дорого...
В моих руках страны судьба.

Привал. Родным мы письма пишем.
Ведь утром в бой. И я пишу.
В час ранний, вместо передышки,
К вокзалу ближнему спешу.
Влетаю в здание мгновенно,
А в зале девушка сидит.
По форме вижу, что военная,
Должно быть, в часть свою спешит.
Я ей письмо своё вручаю:
«Отправь, как сможешь.» - И назад.
Она же адрес мой читает
И резко вскидывает взгляд.
«О, Боже! Я ж твоя землячка!
Я из Бакланки. Знаешь где?»
Вот это встреча! Всё же значит
Бывает чудо на земле!
И боль, и радость вперемешку:
Как будто дом я посетил.
А у девчонки этой в спешке,
Я даже имя не спросил...

И снова бой. Стрельба и взрывы.
Огонь и дым – смешалось всё.
Громим врага в одном порыве,
И верим: нас Господь спасёт!
А в бой идти всегда несладко.
Наверно был бы я убит,
Да вот сапёрная лопатка
Мне послужила, будто щит.
По – первости не понял даже,
Как, щёлкнув, спал с меня ремень.
Лопатка, же была пониже
И оказалась, как кремень.
В живот проклятый снайпер метил,
И пулю выпустил по мне.

Не жить бы мне на белом свете,
Коль не лопатка б на ремне.

Сколько пройдено вёрст с боями,
В холод, в снег, в нестерпимый зной,
По болотам, лесами, степями,
Чтоб однажды вернуться домой.
Мы врага ненавистного гнали
В его логово – в главный штаб.
Всю войну с надеждой мечтали
Водрузить над рейхстагом флаг.

А потом. ..Потом была Победа!
Звонкая, цветущая весна.
Только для меня, увы, на этом
Злая не закончилась война...
Разгромив врага, как мерзкий улей,
Снова мчал солдатский эшелон.
Впереди ждала ещё Манчжурия,
Где иной враг был не побеждён.

Там в песках, под нестерпимым солнцем,
Снова смерть, и кровь, и гром боёв...
Добивать нам тут пришлось японцев.
Но пришёл живым я в отчий кров...

*За окном туманный свет струится,
Меркнут звёзды, в дымке тихий сад...
Перевернута последняя страница
В дневнике, что написал солдат.*

*Знаю за рассвет под светлым небом,
За цветы, за трели соловья,
Погибали и отцы, и деды,
Чтобы жили на земле и ты, и я.*

*Так храни же память ту святую,
И героев помни имена.
Родину люби. Она такая
В жизни нашей навсегда одна!*
2012 год

Выражаю большую благодарность сыну участника Великой Отечественной войны М.Ф. Згибнева Николаю Михайловичу Згибневу за предоставленный солдатский дневник отца, по страницам которого и написана поэма. Дневник хранится в музее Журавлёвской средней общеобразовательной школы Каргапольского района Курганской области.

Полевые цветы

(Поэма)

В июньский полдень прибыл поездом
на знакомый с детских лет вокзал
солдат , что только прошлым летом
в армию мальчишкой уезжал.

Мать, своей тревоги не скрывала:
у судьбы неведомы пути.
У вагона тихо прошептала:
« Ты себя, сыночек, береги...

И пиши почаще, пусть немного...
Помни то, что я тебя люблю.
Сохранить тебя прошу я Бога,
об одном Всевышнего молю.»

И он писал: о службе, о ребятах,
как автомат свой ловко разбирал,
о марш-бросках, привычных для солдата,
и слал стихи, что по ночам слагал...

Но не было в тех письмах ни словечка
о беспределе, что творят «деды»,
как избивают слабых бессердечно,
не оставляя злых улик следы.

Игодились ему те приёмы,
которым строгий тренер обучал,
когда он после школы вечерами
в спортзал на тренировки убегал.

Мать весточки от сына получала,
их знала, как молитву, на зубок.
И с гордостью знакомым сообщала:
«Отличник подготовки мой сынок!»

Соседка ясноглазая, Настюшка,
на огонёк, бывало, забежит.
«Ах, тётя Оля! Снится мне Андрюшка.
А писем написать он не спешит...

Конечно, я ведь для него «малАя»!
(по крайней мере, так и называл).
Но не всегда же буду я такая...
Вот подрасту, чтоб даже не узнал...

Приедет, а я выйду на крылечко,

да плечиком игриво поведу...
Он золотое купит мне колечко,
и свадьба наша будет на виду...»

Они смеялись вместе над мечтами
наивной девочки. Дитё – ни дать- ни взять...
И вместе карточки перебирали,
что бережно хранит в альбоме мать.

И вот теперь, шагая вдоль перрона,
Андрей уж дома мыслями давно.
И бьётся его сердце напряжённо:
то вдруг замрёт, то застучит оно.

А на перроне бойкие старушки
в букетах ярких продают цветы.
Он ищет просто белые ромашки,
как символ нежности и доброты.

Всегда он помнил, как их мама любит,
дороже для неё подарка нет,
чем полевых цветов – «гадалок судеб» -
ромашек белый простенький букет.

- Смотри, солдат, какие розы! Чудо!
Купи девчонке радости букет.
И дорого с тебя я брать не буду,-
сказала женщина Андрею вслед.

- Вы знаете,- смущённо он ответил,-
цветы, конечно, очень хороши,
но я ищу ромашек здесь букетик,
не для восторга. Просто для души.

- Тогда шагай, дружок, чуть левее,
увидишь то, что требует душа...
И он пошёл вперёд уже смелее.
А вот и та, что он искал, спеша.

В нарядном бирюзовом полушалке
и в блузочке в горошек голубой,
стояла женщина, а рядом на каталке
ромашек белых пенился прибор.

На просьбу улыбнулась так открыто:
- А я, сынок, цветы не продаю.
Они – дары природы. Потому-то
я их бесплатно людям отдаю...

Ты сам возьми их, сколько тебе надо.
Пусть дарят радость и тепло цветы.

Они не просто для души отрада,
ромашки – это символ чистоты.

Андрей немного растерялся право,
она же продолжала говорить:
- Ты помолись, сынок, за бабу Клаву,
коль доведётся тебе в храме быть...

Букет ромашек. Белоснежно- чистый.
Пусть нет в них роскоши, обычные цветы,
в них притаилось солнышко лучистое,
частица деревенской простоты.

Как их душою чистой любит мама,
из детства помнил наизусть Андрей.
Отец ромашки ей дарил те самые,
когда его встречала у дверей.

Шутил, с улыбкой, нежно обнимая:
- Лесовичок букетик шлёт любя.
Его вручаю я тебе, родная,
ромашковая Олюшка моя!
В лесхозе вальщиком отец трудился.
Беда подстерегла его весной...
И в дом однажды он не воротился,
приваленный упавшею сосной...

Уютный домик, в зелени беседка,
в саду хозяйка ягоды берёт.
- Смотри, Сергеевна, вдруг крикнула соседка, -
никак Андрей по улице идёт!

-Да где же? Где? – враз Ольга встrepенулась.
- Да вон, у школы, - вымолвила та.
-Ах! В улицу, спеша, рванулась,
распахивая настежь ворота!

Шагал солдат уверенной походкой
вдоль улицы зелёной и родной,
и улыбался. В деревеньке кроткой
всё также тишина, уют, покой.

Вот отчий дом, знакомая калитка,
и бросилась навстречу сыну мать.
Он прячет чуть смущённую улыбку,
спешит её обнять, поцеловать.
Она не знает плакать, иль смеяться,
растерянно прижалась к груди.
От радости не может удержаться,
и шепчет ласково: « Ты погоди,

Дай на тебя, сыночек, насмотреться.
Как вырос-то! Узнать не хватит сил...
Идём же в дом! Блинков поешь, как в детстве!
Что ж о приезде ты не сообщил?»

И на него смотрела восхищённо,
слезинки робко утирая с глаз.
И об одном твердила чуть смущённо,
как счастлива, что сына дождалась.

Андрей, целуя мать в глаза и щёки,
по- детски улыбался ей в ответ.
И, высвободив от объятий руки,
ей протянул ромашковый букет.

- Возьми, родная, для тебя подарок,
в нём столько нежности и теплоты.
Пусть не богат букет, не очень ярок,
но в нём твои любимые цветы.

Не зря, должно быть, говорят в народе:
где ты родился – пригодился тут.
В деревне нет ни фабрик, ни заводов,
но люди здесь работают, живут.

Андрей душою не стремился в город.
Деревня – сердцу дорогой причал.
Когда ты полон сил, уверен, молод,
достигнешь в жизни то, о чём мечтал.

Он с детских лет уже мечту лелеет,
и в снах счастливых грезит об одном:
учить детей тому, что сам умеет.
И он пошёл работать физруком.

К нему душой тянулись ребятишки,
уроки физкультуры – тот предмет,
когда, забросив в дальний угол книжки,
в спортзал спешили, как на яркий свет.

Там время пролетало незаметно:
Уроки, игры, тренировок бег.
Здесь из мальчишек, часто неприметных,
росли спортсмены, мастера побед.

Ах, отпуск! Отпуск! Время золотое.
Как от забот приятно отдохнуть.
Погожим утром, с лёгкою душою,
Андрей сегодня в город держит путь.

Шуршат, чуть слышно, по асфальту шины,

мотор привычный разговор ведёт,
а за окном знакомые картины:
над горизонтом солнышко встаёт,

мелькают то поля, то перелески,
безоблачного неба высь чиста,
берёз – невест зелёные причёски –
родные зауральские места...

Вокзал наполнен толчеей и гамом,
куда-то едут люди, все спешат.
Среди толпы чужой и незнакомой
Андрей опять идёт в цветочный ряд.

Обрадовалась баба Клава встрече,
Андрея, обнимая горячо,
шептала: «Вспоминала каждый вечер,
и за тебя молилась при свече...

Ты стал мне дорог, ты родной мне будто.
Постой, сынок, со мною. Не спеши.
Я всем дарю сегодня незабудки,
они ведь тоже очень хороши.

У нас в России нет цветов скромнее,
хоть и совсем не ярко их наряд,
а глянешь, и становится теплее.
И не забудешь – люди говорят.

Ты их возьми голубенький букетик
и подари тому, кто так любим.
Поверь, подарка лучше нет на свете,
и на сердце светлее станет с ним».

- Я, баба Клава, к Вам не без подарка
пришёл сегодня, - вымолвил Андрей.
И полушалонок тонкий, нежный, яркий,
с улыбкою, легко накинул ей.

А полушалочка того нет краше,
что лёг на плечи женщине седой:
по яркой зелени букеты из ромашек,
как лоскуток поляны луговой...

Шептались чуть язвительно соседки:
«Глянь, Клавдия цветы не продаёт!
Такой товар пусть редко, да уж метко
она «на бартер» людям отдаёт...»

Промчался год. Опять в разгаре лето.

Дни знойные и ярче и длинней.
Июньским утром, налегке одетый,
вновь в город отправляется Андрей.

В барсетке, где ключи и документы,
везёт подарок немудрёный он:
чтоб не откладывать общения моменты,
купил он бабе Клавде телефон.

Опять перрон его встречает шумом.
Воскресный день. И дачники спешат.
Привычно, в направлении знакомом,
Андрей идёт туда – в цветочный ряд.

Но вот уж до конца его проходит,
и удивлённо останавливает взгляд.
Никак он бабу Клавду не находит,
на месте, где она должна стоять...

От неожиданности как-то растерялся.
«Случилось что?» - мысль в голову закралась.
Ведь целый год он с нею не встречался,
«А может просто где-то задержалась?»

Окинул взглядом всех цветочниц сразу.
Вот, кажется, знакомую нашёл:
она купить советовала розы
в тот день, когда из армии пришёл.

Собравшись с мыслями, спешит к старушке:
- Скажите, я тут бабушку ищу,
она носила на перрон ромашки.
Быть может, вспомните?... Я Вас прошу.

Да, знаю. И тебя припоминаю,
ты за цветами к Клавдии ходил.
Прости, что нынче вестью огорчаю:
Господь её на небе приютил...

Где похоронена? Увы, не знаю...
Да и откуда же могу я знать?
Расстроился? Тебя я понимаю.
А ты сходи, спроси в военкомат.

В знакомом здании военкомата,
где героическая слава человечества,
в фойе на стендах строгие плакаты
для завтрашних защитников Отечества.

По – прежнему тут атмосфера чести,

ответы лаконичны, как приказ:
- Пройдите прямо. Генерал на месте.
А кто Вы будете? Я доложу о Вас.

Военный комиссар, высокий, статный,
виски, что иней – в ранней седине.
- Что привело Вас? Впрочем, всё понятно.
Должно быть, дело важное ко мне.

-Простите, что я время отнимаю,
я объясню подробно всё сейчас:
ищу я бабушку. Фамилии не знаю.
Мне почему-то посоветовали Вас.

И, кратко изложив свою проблему,
Андрей умолк, надежду затая.
-Что ж знаю. Просьбу я приемлю.
О Клавдии Петровне речь твоя.

А сын её погиб в Афганистане.
Тогда я в части вместе с ним служил.
Он часто – часто вспоминал о маме.
Да не вернулся. Голову сложил.

Вот оттого-то Клавдия Петровна
все эти годы мне, как мать была.
Учительница в школе. Очень скромная.
Она совсем-совсем одна жила...

Её мы очень часто навещали,
в гостях бывали нашей всей семьёй.
Она всегда радушно нас встречала,
Пекла пирог на случай на такой.

Андрея, сына, часто вспоминала.
Он для неё, как будто, был живой...
А по весне могилку прибирала,
ту, где увенчан памятник звездой...

Когда же в ноябре случилось горе,
которого никто не ожидал,
я пережил такой удар... Не скрою.
Казалось, мать родную потерял...

Её мы в путь последний проводили.
Всё честь по чести. В день осенний сей
С Андреем рядышком похоронили...
А хочешь, съездим на могилу к ней?

И снова год движенье завершает.

Последний день его уже настал.
Снег сказочно пушистый тихо падает.
А в клубе нынче новогодний бал...

Тут стар и мал – все дружно веселятся.
В деревне испокон так повелось:
На праздники всем вместе собираться.
И в клубе - каждый долгожданный гость.

Разгорячённые, со смехом звонким,
в снежинках и с румянцем на лице,
спешили шумной стайкою девчонки,
отряхиваясь дружно на крыльце.
Ребята шли, вышагивая чинно,
здоровались за руку – по-мужски.
Шутили, улыбались без причины,
друг друга называли – «земляки».

Всё было тут по-деревенски просто:
играла музыка, и пары танцевали,
сверкала ёлка пышная игристо,
и Дед Мороза с внучкою встречали...

Среди девчат Андрей легко приметил
одну, что как Снегурочка была:
в блестящем платье, на руках браслеты,
в косе снежинка белая цвела.

Он через зал уверенно шагает.
Ту девушку, что, как заря, цветёт,
на танго медленное приглашает
и за руку Снегурочку берёт...

Играет музыка. Легко и плавно
ведёт по кругу спутницу Андрей,
и думает: «А ведь девчонка славная!
И что-то есть знакомое мне в ней...»

Рассматривает девушку украдкой:
лицо открытое и русая коса,
зачёсанная до единой прядки.
Дугою брови, синие глаза...

«Иметь жену такую – чем не счастье!
Но где ж она мне встретиться могла?»....
Вдруг осенило: «Да ведь это Настя!
Что по соседству рядышком росла».

- Ну, здравствуй, Настя,- шепчет ей на ушко,-
как выросла! Я не узнал тебя.
-А я тебя вот помню. Ты Андрюшка...
И мир вокруг качнулся не шутя...

Так целый вечер больше не расстались,
от Настеньки Андрей не отходил.
То в хороводе за руки держались,
то в вальсе плавном он её кружил.

Когда ж вступил в свои права Год новый,
и час настал всем по домам идти,
- Я провожу тебя,- Андрей промолвил.-
Нам, кажется, с тобою по пути....

Пять лет прошло. Как день один промчались.
Окончен институт. Диплом при ней.
И было всё, как Настеньке мечталось:
любовь, колечко, свадьба и Андрей...

На свадьбе Ольга, радость не скрывая,
(Теперь уже законная свекровь),
невестку, будто мама, обнимая,
вдруг вспомнила ту детскую любовь:

-Вот видишь, Настенька, всё так случилось,
как видела в те юные года.
Ты навсегда с любимым обручилась,
так будьте счастливы отныне навсегда...

В июньский день Андрей, уже привычно,
с женой и сыном в город едут вновь.
На кладбище несёт он по обычаю
букет огромный полевых цветов.
И спросит сын, когда звезду увидит:
- Скажи мне, папа, здесь погиб солдат?
И он ответит: - Тут родные люди:
вот бабушка моя и старший брат.

Солдатская вдова

*Вы, журавки, в сентябре не кричите,
Вдов солдатских на заре не будите.
Пусть они ещё поспят, дозарюют,
Хоть во сне своих солдат доцелуют...*
(из песни «Вдовы России»)

Тает день. Закат, как сполохи
На деревьях, на домах.
И цветёт кругом черёмуха,
Тихий вечер ей пропах.
Где-то звонкая, напевная
Песня девичья слышна.
- Что задумалась, Ефимовна,
У раскрытого окна?

- А вот вспомнилось... И чудится:
Мне всего 17 лет...
Голова от счастья кружится,
И сошёлся клином свет.
Цвет черёмухи – порошей...
Рядышком – Ванюша мой...
А я в платице в горошек,
Да с распущенной косой.
Той весной цветы Ванюха
Приносил мне каждый день.
Ах! Как пахла та черёмуха!
Ах! Как пахла та сирень!

А потом сыграли свадьбу,
Я вошла невесткой в дом.
Вскоре и свою усадьбу
Дал нам сельский исполком.
Дружно жили, без напастей,
Светлым счастьем жизнь полна...
Да недолгим было счастье –
Летом грянула война...

Бушевала июньская вьюга:
Тополиный кружился пух.
Жёны, матери, сёстры, подруги...
А в глазах их боль и испуг...
Той беды велика неизбежность...
И в слезах многолюдный вокзал.
О войне той на всю окрестность
Репродуктор оповещал...
Поезда уходили на Запад,
Увозили на фронт солдат.
И со страхом думали: завтра
Им не всем вернуться назад.

Я, уткнувшись в рубахе Ванюше,
Горько плакала о судьбе.
Он шептал: «Успокойся, Настюша.
Слёз не лей. Я вернусь к тебе».
Долго поезду вслед смотрела,
Отняла моё счастье война.
И тогда я ещё не знала,
Что осталась уже не одна...
Письма. Нет их дорожке на свете.
Я ночами читала их вслух.
И молилась, чтоб ангел-спаситель
Сохранил от смерти Ванюху.

Март согрел озябшую землю,
Тёмный снег превратился в ручьи,
И уже не грозит метелью,
И вернулись в наш край грачи.
Тем погожим мартовским утром,
Вся земля парила теплом.
Запрягли бабы Карьку круто –
Увезли меня в сельский роддом.
Строгий врач улыбнулся устало,
И тепло, по-отцовски, сказал:
- Поздравляю. Ты мамой стала.
Бог тебе чудо-дочку дал.

Как жила, как всё успевала?
Уставала до боли, до слёз.
До зари-рассвета вставала
И спешила на ферму в колхоз.
Дома тоже работы хватало,
Недосуг было мне отдыхать:
Мыла, стряпала, шила, стирала,
На быках научилась пахать.
Письма с фронта были нечасты.
Каждый день их ждала всё-равно.
И казалось огромным счастьем,
Когда в дом приходило письмо.

Лепетала уж наша Танечка,
И за шагом делала шаг.
В 43-ем погиб мой Ванечка
В жаркой битве за Сталинград.
Я рыдала по-бабьи громко,
Причитала, войну проклиная,
Когда мне принесла похоронку
Почтальонша, девушка Рая...
... Через месяц письмо получила:
Треугольничек фронтовой...

Ох, и долго ж оно ходило...
Знать его опалило войной.
«Здравствуй, Настенька. Обнимаю.
Бой утих, написать спешу.
Ты ведь весточку ждёшь – я знаю.
Только главное сообщу:
Жив, здоров, и тебе желаю.
Завтра утром идём в атаку.
Крепко-крепко тебя обнимаю.
Поцелуй Танюшку за папу»...

Вот и всё. Воспоминанья
Душу тронули опять.
Не война мы б жили с Ваней,
Было б некогда скучать.
Вместе б внуков поднимали,
Сад садили бы весной.
Жили, горюшка не знали,
Если б Ваня был живой...
Жизнь свою уже венчаю,
Вспоминай – не вспоминай...
А живу вот и встречаю
Восемьдесят первый май.

Синий вечер опустился,
Звёзды первые зажгёт,
Сад во мраке растворился,
Где черёмуха цветёт.
А гармонь грустит-страдает,
Где-то девушки поют.
А солдатка вспоминает
Вдовью долюшку свою.

Предзимье

(поэма)

Памяти матери моей
Коровушкиной Марии Львовны.

Уже не осень, не зима ещё. Предзимье.
Но холодов уже недолго ждать.
И белый снег идёт-кружит по-зимнему,
Чтоб всё вокруг торжественно убрать.
Белым-белы леса, поля и доли,
И санный путь ещё не проторён.
В широком поле, подвернув подолы,
Бредут берёзки-скромницы рядком.
И тишина вокруг и красота такая,
Что сердце замирает и поёт.
Зима-волшебница, как девица святая,
В одеждах белых в гости к нам идёт.

Дверь, почти не слышно, скрипнула:
Мать на цыпочках вошла,
Штору тонкую откинула:
- Ах! Как ночь хороша!
Вон луница-то какая!
От неё, как днём светло...
Чистый снег лежит, сверкая,
В доме тихо и тепло.
Дивной росписью украшено
В спальне зимнее окно.
- Что тебе не спится, Машенька?
Спать пора давным-давно.
- Да не спится вот. Не знаю.
В этой белой тишине
Мысли разные витают.
Отчего так грустно мне?
Ты присядь со мною, мама.
Поболтаем о судьбе.
Не будь скрытна и упряма:
Расскажи мне о себе.
Вспомни годы молодые –
Звон лихого бубенца,
Те денёчки удалые,
Когда встретила отца.
- Не шути, не смейся, Маша.
Было время, да прошло...
Годы молодости нашей
Снегопадом замело.
Жизнь у нас была счастливая,
Были молоды и радостны.
В жилах кровь текла игривая,

А любви мгновенья сладостны.
В праздник отдыхать умели
И трудиться в будний день.
Праздно жить мы не хотели
И не знали слова «лень».
В поле день и ночь работы,
На покосе в летний зной.
Да и дома нам заботы
Было летом и зимой...
Замуж вышла до войны я,
По любви, не по нужде.
Молодая, озорная,
Я была под стать тебе.
И в роддом однажды ночью
Увезли. А по утру
Родила малютку-дочку –
Твою старшую сестру.
Жить бы нам легко и жадно.
Жизнь любить, да тишину...
Да беда пришла внезапно:
Протрубили нам войну.
Мужа на войну призвали.
Потянулись долги дни.
Писем с фронта, ой, как ждали –
Были дороги они!
Плакали в родной сторонке,
Коль плохая весть пришла...
И однажды похоронку
Почта в дом мой принесла...
Так вдовою я осталась
С дочкой малой на руках.
Много горюшка досталось:
Боль, усталость, женский страх...

Для меня ты по-прежнему та же,
Лишь один меня мучит вопрос:
Как вплелась эта белая пряжа
В красоту твоих чёрных волос?
Юность трудную в годы двадцатые
Прошагала в косынке красной,
За топор, за пилу, за лопату ли
Комсомолка, смело бралась ты.
Коротки были мирные вёсны.
В каждый дом ворвалась война!
Проводив мужа утром росным,
С болью в сердце осталась одна...
Дочь росла озорной девчонкой,
Ты трудилась для фронта, ждала...
Замерла вдруг... Хранит похоронку
По сей день тесный ящик стола...
Время дни в годы жизни вяжет.

Я нашла ответ на вопрос –
Как вплелась эта белая пряжа
В красоту твоих чёрных волос...

- Время залечило раны.
И однажды по весне
Быков Николай Иванович
Сделал предложение мне.
Председатель сельсовета
Был у нас он на селе.
Нет, не торопил с ответом:
Время дал подумать мне.
Но его после работы
Дочь встречала каждый день...
Ей-то никакой заботы.
Мои ж мысли – набекрень.
Ту сумятицу, смятение
Враз заметила свекровь:
Не терзай себя ты, Аня.
Не вернётся Стёпа вновь.
Где-то в полюшке широком
Он погиб на той войне.
Уж прошли – минули сроки-
Тяжело тебе и мне.
Да и внучке папку надо.
Выходи, зовут пока.
Бог даёт тебе в награду
Неплохого мужика...»
Жизнь прожили мы неплохо:
Были счастье и покой.
Да здоровья были крохи:
Был изранен папа твой.
И болел, от ран страдая,
К непогоде по ночам.
Ну, а по утрам вставая,
Будто их не замечал...

Я не видела войны воочию,
Пения не слышала свинца.
Помню только к непогоде, ночью
Раны часто мучили отца.
Он вздыхал, ворочался в постели,
Он вставал, ложился, вновь вставал...
Молча комнату шагами мерил,
И под утро только засыпал.
Спал тревожно и совсем недолго.
Часто видел страшный сон о том,
Как его, солдата молодого
Ранило навывлет под Орлом...
Нет отца. Те годы пролетели.

Только не забыть мне никогда,
Как ночами у отца болели
Раны – отзвук ратного труда.

- Умер тихо и спокойно.
И полвека не прожил.
Жизнь его была достойной.
Вас теплом не обделил...
Вот судьба такая, Машенька,
Разноцветная была-
Полосами разукрашена:
То черна, а то бела.
...Время за полночь. Пора уже
Нам с тобою на покой.
На дворе, чать, будет стужа:
Вон морозец-то какой...

Сколько музыки, сколько радости,
Белых платьев лучистый свет,
На столах – угощение и сладости
И цветов огромный букет.
Смех весёлый, шутки, приколы,
Молодые песни звонки.
Ведь уходят сегодня из школы
Повзрослевшие выпускники.
Хороводят берёзки с соснами
В школьном парке при лунном свете.
Ах, какими вы стали взрослыми!
А вчера ещё были дети.
А сегодня такие все умные,
И никто ничуть не устал.
И гремит этот празднично-шумный
Выпускной. И последний бал...
Сколько слов напутствия сказано,
Не один дан совет простой,
Верный путь им найти наказано
В этой трудной жизни большой.
Мамы в путь детей провожают,
Утирая украдкой глаза.
Педагоги успехов желают.
Но и их выдаёт слеза.

В этом светлом уютном классе
Собрались вы в последний раз,
Где под звуки школьного вальса
Выпускной наступает час.
Вы из школы спешите уйти –
Окунуться во взрослую жизнь.
Перед вами дороги-пути,

Выбрать надо одну из них.
Вы шагнёте за школьный порог,
И судьбу строить будете сами.
Знайте: жизнь – очень длинный урок,
Очень трудный, сложный экзамен.
И зубрёжкой его не возьмёшь,
У соседа ответ не спишешь.
В умной книге совет не найдёшь,
И шпаргалку, увы, не напишешь...
Будет радость и будет грусть,
Будут взлёты и будут падения.
Не растратьте тепло ваших чувств,
Сохраните души горение.
Верьте в дружбу и верьте в любовь,
Не теряйте старых друзей.
И умейте ценить нежность слов,
Доброты не теряйте своей.
Ну а коль порой не до сна,
Верьте – птица удачи вернётся!
За зимою придёт весна,
А за тучами прячется солнце!
В суете проблем и тревог
Не забудьте родную школу.
Знайте: школа вас любит и ждёт,
Приходите сюда порою.
...Отзвенел последний звонок.
Школьной жизни оторван лист.
Но продолжится ваш урок,
Что длиною в целую жизнь.
В этот чуточку грустный час,
На пороге грядущей мечты,
Разрешите поздравить вас
С первым шагом на взрослом пути.

Нынче, Маша, и ты выпускница,
Получила и ты аттестат.
Пусть дорога твоя продлится
Лишь вперёд и ни шагу назад.

Вот и кончилось лето красное.
Уж сады многоцветьем горят.
И приходит доброе, ясное
Утро первое сентября.
Узнаём не по красной дате
Мы его много лет подряд,
А по хлопотам и заботе,
Тем, что в нашем доме царят.
Узнаём по счастливым лицам
Первоклассников-малышей.
Надо жизнь любить научиться,
И шагать дорогой своей.

Я его узнаю по волнению:
Как опять, будто в первый раз,
В светлом, праздничном настроении
Вновь вхожу я в притихший класс.
Поведу их в рощи Есенина,
Пусть запомнится навсегда
Им красавица Анна Снегина,
Непростая её судьба.
Чтобы утром погожим росным
Путь в Отрадное пролегал,
Где влюблённый Андрей Болконский
О любви и о счастье мечтал...
Чтобы вспомнили снова и снова,
Жизнь героев листая назад,
Первый бал Наташи Ростовой
И погибший «Вишнёвый сад»...
Чтоб они через годы когда-то,
Средь грядущего светлого дня
Вечно помнили эту дату
И, быть может, немного меня...

Ах, как страшно идти мне в класс!
Пожелай мне удачи, мама.
Я не Машенька вам сейчас.
Я – Мария теперь Николавна.
Завтра первый урок даю.
Как учитель войду в свой класс.
Мама, мамочка, вся я горю.
Ну скажи же мне: «В добрый час!»
Улыбается мать устало:
«Про тревогу, Маша, забудь.
Ты такую взрослою стала.
Будь же смелой и сильной будь.
Знаю, всё у тебя получится.
Всё пройдёт и настанет срок-
Ты с улыбкой (а это случится)
Вспомнишь этот первый урок».

Годы. Годы канули в Лету,
Тополиным пухом облетели.
Как давным – давно всё это было,
Только память всё хранит доселе...

Тишина такая, что мне кажется
Будто в целом мире я одна.
На окне узор морозный вяжется,
И его, наверно, вяжет тишина.
Даже ветер где-то заблудился,
Чуб вихрастый спрятал за сугроб.

В синий бархат вечер нарядился
И притих. Как будто что-то ждёт.
Звёзды в небе льдинками рассыпала
Из Ковша холодная Луна,
И над ними затаилась тихая,
Белая, седая тишина.
Инеем украсила деревья,
Серебро рассыпала сполна,
Обняла морозцем всю деревню
Снежная волшебница – зима.

В жизнь любовь приходит однажды:
Робкая, несмелая, красивая,
Только ведь любовь та не у каждого,
Не всегда ответная, счастливая.

Зал огромный мишурой украшен,
Ёлка, музыка и новогодний бал.
Здесь впервые повстречался Маше
Тот, кто ей всего дороже стал.
Тихий танец и глаза напротив,
Нежные, красивые слова...
Всё в сияющем круговороте.
Ах! Как закружилась голова!
Сколько было счастья и признаний,
Жарких встреч зимою и весной.
Светлых, тёплых, радостных свиданий,
Пожеланий добрых под луной...

А любовь ворвалась непрошено,
Закружила в водовороте.
Осторожно прошу, хороший мой,
На крутом судьбы повороте.
Нашу лодку несёт по течению,
Мы не видим обрыв берегов.
Прогони же мои сомнения:
Не молчи. Говори про любовь.
Чтоб поверила: любишь по-прежнему,
Нам ведь так хорошо вдвоём...
Но боюсь я, что чувства нежные
Захлестнёт набежавшей волной...

Целовал меня в глаза – к разлуке.
Говорил, что лучше меня нет.
Ты в мороз отогревал мне руки.
Заслонял собою белый свет.
Были счастливы. Я это знаю.
Счастье то делили пополам.

Что случилось? Я не понимаю.
Что такое помешало нам?
Слышишь, не целуй меня к разлуке!
И скажи, что лучше меня нет.
Отогрей своим дыханьем руки,
Заслони собой весь белый свет.

Маша, Маша крепко полюбила,
Да разлука вас подстерегла.
Сердце твоё девичье разбила,
Навсегда с любимым развела.

Я вдруг враз состарилась душой.
Жизнь моя – сплошной комок несчастий.
И хочу я обрести покой,
Мятежный мир покинув в одночасье.

Утоли мечты о счастье
Где-то в тёплых грибных дождях,
И бушует в душе ненастье:
Дождь, да ветер шумит в тополях.
Ложь посеешь – пожнёшь обман.
Счастье рядом прошло, как сон.
Я не верю твоим словам:
Все слова твои – пустозвон.

Уходите прочь, мысли грустные,
Не друзья вы мне – враги гнусные.
Что-то больно вы разохотились,
О моей судьбе позаботились.
Как могу живу. То мои дела.
Вам я повода даже не дала.
Что вы лезете, мысли чёрные,
Непутёвые и никчёмные?
Будет легче мне, позабуду всё,
Мне не раз – не два повезёт ещё.
Буду счастлива, буду сил полна,
И здоровье даст мне Бог сполна.
Поживу ещё и поздравствую,
Изопью до дна чашу счастья я,
И уйдите прочь, мысли грустные,
Не друзья вы мне, враги гнусные.

Научи меня прощать, Господи,
И обид не возвращать горестных.
Чтоб могла идти твёрдой поступью –
Выжить в этой жизни напористой.

Научи меня верить, Господи,
Если даже друзья вдруг предали.
Если дружба рассыпалась россыпью,
Знать друзьями они мне не были.
Научи меня терпеть, Господи,
Чтоб душа моя не озлобилась.
И всегда оставалась чистой,
Как Весна, Красота и Молодость.
Научи меня любить, Господи,
Этот мир Беспредельной Вечности,
Где Созвездие душ родственных
Освещает Путь в Бесконечность.
Научи меня прощать, Господи!
Научи меня верить, Господи!
Научи меня терпеть, Господи!
Научи меня любить, Господи!

Январь. Зима, холодная и злая,
Свиристует, буйнит над селом.
Метель кружит, дороги заметая,
Протяжно воев ветер за окном.
И в доме тихо, скорбно, неуютно.
Все двери настежь — в комнатах свежо.
Тяжёлый день. И помнит Маша смутно,
Кто попрощаться с матерью пришёл.
И тают свечки тонкие у гроба,
Сидят родные, дочери сидят...
Спит крепко мать: свела её хвороба.
Ей горьких слёз уже не увидеть.

Здравствуй, мама. Я к тебе пришла,
Села на скамейку, стол накрывала.
И, наверное, твоя душа
Молча, рядом крылья опустила...
В тишине с тобой поговорю,
Только ты поймёшь меня одна.
Может, скоро свечкой догорю,
Выпив чашу горькую до дна.
Ты меня по правде жить учила,
Только правда нынче не нужна...
Замотала меня жизнь. Забила.
Задавила горькая нужда.
И как жить мне мама, в этом мире,
В мире лицемерия и зла?
И скажи, кому же можно верить,
Если предадут даже друзья?
Не ответишь ты на мой вопрос...
Над могилой лишь берёзка тонкая.
Видишь, плачет, не стесняясь слёз,
Несчастливая твоя девчонка.

Помоги мне, мама, защити.
Я б тебя об этом не просила,
Да не вижу выхода-пути,
А сопротивляться нет уж силы.
Путеводная моя звезда
Где-то во Вселенной затерялась.
И из нашего семейного гнезда
Я теперь совсем одна осталась.
Над могилой шелестит берёза.
Догорает вечер голубой.
Уходя, перекрещусь три раза,
И поглажу памятник рукой...

Прошли года. Боль залечило время.
Жизнь продолжается, идёт вперёд.
Забот, хлопот, проблем, порою, бремя
В круговороте дней она несёт.

Мне часто снится кусочек детства:
Избушка – в улицу два окна...
Куда от памяти скрыться – деться,
Коль не даёт покоя она?
Наверно просто я стала старше,
И дорог прошлого отчий свет.
На то, что ясным казалось раньше,
Теперь тревожно ищу ответ.
Глаза закрою и вижу снова:
Наш чистый дворик, клён под окном.
Вот мама в ограде доит корову,
А я цыплят угощаю пшеном...
Мне часто снится кусочек детства:
Избушка – в улицу два окна.
Прости мне, мама: твоё наследство
Не сохранила. Не сберегла.

Падал снег. Зима колдовала,
Застилая даль пеленой.
Дочку я в Курган провожала,
Ну а ты уезжал домой...
На вокзале в сумрак одетом,
Как судьбы случайный привет,
Мы друг друга с тобою встретили
Через столько минувших лет...
- Здравствуй... (Слышу, как сердце бьётся,
Так, что слышен каждый удар).
- Здравствуй... (Прошное не вернётся.
Отчего же в груди пожвр?)
Мы молчим и смотрим взволнованно...
Будто в юность шагнув напрямик.

Нашей памятью околдовано
Растворилось время на миг.
...Скорым поездом годы мчались.
Как же так получилось странно:
Вместе в дальний путь отправлялись,
Да на разных сошли полустанках.
Не для нас величальной песней
Мендельсона марш прозвучал...
В этом мире большом и тесном
Не нашли мы общий причал...
Были в жизни удачи и трудности.
Только что-то забыть нельзя:
Вновь глядят на меня из юности
Моей первой любви глаза...
Снег пушистый летит – кружится,
Укрывает землю порошею...
И красивою сказкой ложится
На тебя. На меня. На прошлое.

Всё хорошо. Семья, работа, дети.
И с мужем прожит уж немалый срок.
И ничего дороже нет на свете,
Чем этот милый сердцу уголок.
Уж на виски Марии Николаевны
Легли густые пряди седины.
Она ж по-прежнему такая славная.
Ей доброта, тепло души даны.
В селе её всё также уважают,
Здороваются с вежливой улыбкой.
И добрым взглядом люди провожают,
Не видят в жизни ни одной ошибки.
Она осталась по сей день такая,
Как и когда-то в юности была:
Приветливая, добрая, открытая.
И дарит людям лучики тепла.

Я тебе стихов не посвящала:
О другом вздыхала по весне.
Рядом столько лет жила, не знала,
Что иной любви не надо мне.
Время пролетело и упало
Звездопадом запоздалых чувств,
Наша осень ранняя настала,
Будто нерастраченная грусть.
Ах, как быстро повзрослели дети...
В жизнь они идут своей тропой.
Но как здорово, что есть на свете
Наше продолжение с тобой.
Значит, жизни нить не оборвётся,
Пустоцветом мы не отцвели.

И во внуках наша жизнь вернётся,
Как весной вернутся журавли.
Пусть стихов тебе я не писала.
Ты прости. И душу не гневи.
Я тебе через года прислала
Позднее признание в любви.

Не ревнуй меня к прошлому
И упрёков не надо.
Замело – запорошило,
Всё, что было когда-то.
Безоглядно любила,
Безответно страдала.
И весна приходила,
Вновь сирень расцветала.
Осыпала черёмуха
Белый цвет на дорожки.
Я украдкой вздыхала:
Был он самым хорошим...
Память след запорошила.
Мир любовью окрашен.
ОН – останется в прошлом,
А ведь ТЫ – в настоящем.

В жизни всё познаётся в сравнении,
Всё построено лишь на том.
Не сравнится тепло весеннее
С уходящим осенним теплом.
Не придёт без причины печаль,
Вспоминается чаще прошлое.
И ушедшей юности жаль:
Замело её белой порошею.
Без причин не бывает слёз,
Без причины мы не смеёмся.
В этом мире волнующих грёз
Мы счастливыми остаёмся.
Жизнь уже на закат покатилась.
С чем сравнить нам нашу судьбу?
Я любовь свою, чтоб ни случилось,
В своём сердце навек сберегу.
Сбереги и ты те мгновения,
Чувства, что сохранили года.
В жизни всё познаётся в сравнении:
Жизнь – любовь, мы – её берега.

Я всё ещё храню игрушки ваши
И книжки детские. Рисунки и тетрадки.
И по традиции, привычкой ставшей,
С полочки покупаю шоколадки.

Я вас жалела, чувствовала тонко,
Когда вы плакали, я слёзы утирала,
Вам прижигала ссадины зелёной
И бережно занозки убирала.
Я всё тогда могла и всё умела,
Была волшебницей из доброй сказки:
Учила азбуке и песни пела,
Играла в куклы, красила раскраски.
И новогодние костюмы шила,
Торты для школьных праздников пекла,
Секреты ваши детские хранила,
Советом помогала, как могла.
Те годы-птицы с детством улетели,
И не вернутся давние рассветы.
Вы как-то незаметно повзрослели,
Но для меня по-прежнему вы – дети.
Вас люблю по-матерински нежно,
За вас молюсь бессонными ночами,
Пусть будет ваше счастье безмятежно,
Пока живёт на свете ваша мама.

Осень поздняя и сединой снежинки
Вновь ложатся на виски мои.
И сегодня я опять с грустинкой
Вспоминаю мать, былые дни.
Мама! Мама... Вечно дорогая.
Не устану это повторять.
Самая любимая, родная,
Мне сегодня вспомнилась опять.
Дом, хозяйство, вечные заботы.
Нас, детей, умела приласкать.
Не боялась никакой работы,
И во всём могла примером стать.
Светлой добротой глаза светились,
Был всегда спокоен голос твой.
Мне твои советы пригодились
В жизни так порою непростой.
Руки твои тёплые и нежные,
Помню через много-много лет.
Я люблю как в детстве их по-прежнему.
Нет их ласковей, роднее нет.
И когда из дома уезжала,
Ты меня с молитвой каждый раз
За калитку нашу провожала
И слезинки смахивала с глаз.
Писем написать я не спешила,
Лишь звонила изредка тебе.
Ты же о себе не говорила,
Спрашивала больше обо мне.
Добрый словом, делом и советом
Ты помочь спешила мне всегда.

Путеводным озаряют светом
Те советы и через года.
И какой бы трудность ни бывала,
Задаю себе вопрос сама:
«Что бы мама мне на то сказала?
И какой совет дала б она»?
Мамы нет, след замели метели,
И сама я мать уже давно.
Только память сохранить сумела
Всё, что было матерью дано.

Белым полушалком принакрылась
Под окошком скромница-сирень.
Солнышко к закату покатилося:
Угасает тихий зимний день.
Вот и я тихонько угасаю,
Дни проходят, им возврата нет.
Улетели с лебединой стаей
Много-много моих светлых лет.
И из дальнего из-под небесья
Льют на землю-матушку свой свет.
И звенит прощальной грустной песней
Лебединый вольный крик-привет.
Падают и падают снежинки,
Устилают землю всё теплей.
Чудится мне: белые пушинки
Сыплет ветер с белых лебедей.
И грустится об ушедшем лете,
и ведёт-колдует тишина.
Кажется мне, что на целом свете
Я осталась вновь совсем одна.

В нашей жизни, будто бы в природе,
Время года – веха на пути.
И недаром говорят в народе:
«Жизнь прожить – не поле перейти».
Юность раннюю весною называют.
Зелена она. А в жилах кровь,
Как весенний сок бурлит – играет,
Пробуждая первую любовь.
А потом разгар приходит лета,
Зрелость жизни, мудрость обретя,
Мы в расцвете сил, в сиянье света,
Утверждаем каждый сам себя.
Осень ранняя зовётся «бабьим летом»,
Осыпает листья тихий сад.
Жизнь прекрасна, но при всём при этом,
Нам пора итоги подбивать.
Ну а там зима не за горами,

Близок, близок белый снегопад.
И с печалью замечаем сами,
Что отцвёл наш яблоневый сад...
Путь лежит уже не ввысь, в низину.
Время наше лучшее ушло.
Пусть сегодня только лишь ПРЕДЗИМЬЕ:
Уже не осень, не зима ещё.

Ордена

Деревеньки тихая окраина,
Чуть поодаль – колки, да река.
Жили в этой деревеньке маленькой
По-соседству два фронтовика.

Вот отсюда пареньки безусые,
С близкими простясь на берегу,
Уезжали в жаркий день июньский
В сорок первом памятном году.

Вместе подготовку проходили
В танковой дивизии одной.
И распределение получили,
Оказавшись на передовой.

Был Матвей красив, высок и статен,
А Иван шутлив, находчив, смел,
Внешне аккуратен и приятен,
Правда, ростом выйти не сумел.

Это вовсе не мешало дружбе,
Экипаж их славою гремел.
На войне солдату очень нужен
Друг надёжный, чтоб понять умел.

Всю войну бок о бок воевали
И дошли до логова врага.
День Победы радостно встречали.
Как дорога та была долга!

И домой вернулись победители,
Ордена сияли на груди.
Земляков, друзей, родных увидели,
Мирный труд у них был впереди.

Много долгих лет они дружили,
Возвратившись в край родной с войны.
И навечно в сердце сохранили
Той кровопролитной бойни дни.

Об однополчанах вспоминали.

Было так у них заведено:
В День Победы молча выпивали
За погибших горькое вино...

На полях колхозных хлебородных
Хлеб растили для родной страны...
Только к непогоде ныли нудно
Раны – злая память от войны.

Как он в том бою живой остался?
До сих пор не ведаёт Матвей.
Танк на косогоре подорвался
Посреди обугленных полей.

Шёл тот жаркий бой у деревеньки,
Зрели яблоки в чужих садах...
Старики, детишки и крестьянки –
Все попрятались в своих избах.

И молили Бога, чтоб солдаты
Им освобожденье принесли,
Чтобы немца лютого, проклятого
Выгнали взашей с родной земли.

Деревенька эта показалась
Вдруг Матвею близкой и родной.
Сердце ненавистью наполнялось
На врага, пришедшего с войной.

Чтобы эту русскую деревню,
Эти избы, яблони в садах,
На окраине часовню древнюю
Превратить лишь в пепел, гарь и прах.

Он, как командир, сказал Ивану:
-Нет! Врагу деревню не сдадим!
Радует он, вражина, рано.
Разобьём его и победим!

И помчался танк вперёд, в атаку,
Всё сметая на своём пути.
- Коль ты, гад фашист, ввязался в драку,
То тебе живому не уйти!

А потом...Матвея и Ивана
Разбросало по госпиталям.
Но, как только затянулись раны,
Вновь на фронт, по боевым частям.

Говорят у жизни нашей

Две бывает стороны:
Может быть, не встретил Машу,
Если б не было войны.

Есть любовь на белом свете,
Та что в вечности живёт,
Что звездою яркой светит
И весной в душе цветёт.

Там в палате госпитальной
Раненый Матвей лежал.
И однажды он случайно
Медсестричку увидал.

Хрупкая, совсем девчонка,
Васильковые глаза,
Голос нежный, добрый, звонкий
И до пояса коса.

Мягко сделав перевязку,
Раны бережно коснулась.
И с какой-то нежной лаской
Вдруг Матвею улыбнулась.

Стала приходить всё чаще,
А Матвей их встречи ждал.
Звали девушку ту Машей –
О такой всю жизнь мечтал.

Как влюбился – не заметил,
Полюбила и она.
И счастливей их на свете
Не было. Но шла война.

Попрощались утром ранним:
Он – на фронт, она – к больным.
И легла на сердце раной.
Боль разлуки им двоим.

Письма редкие подарком
Были и ему, и ей.
Те слова в атаках жарких
Помнил наизусть Матвей.

Та, что всех милей и краше,
Знал, что любит, верно ждёт.
И что он к любимой Маше
Обязательно придёт.

Он ведь ей – судьбы отрада,
Как живёт она, скорбя,
Что в блокадном Ленинграде

Умерла её семья...

И когда после Победы,
Он вернулся в край берёз,
В отчий край под мирным небом
Свою Машеньку привёз.

Так и жили, не печалась,
Дочке, сыну дали жизнь.
Внуков, правнуков дождались,
Сохранив свой оптимизм.

Также свято верят в счастье,
В доброту и нежность слов.
Не страшны двоим ненастья,
Коль в сердцах жива любовь.

Что-то раны нынче разболелись
И воспоминаний – целый рой.
Ночь на деревеньку опустилась,
Ухнул филин в роще за рекой.

Встал Матвей, на кухню тихо вышел,
Да кваску из жбана зачерпнул.
Месяц светит над соседской крышей,
Он же вот доселе не заснул.

Где-то в городе живут и сын, и дочка,
Уж и внуки выросли давно.
И никто в деревне жить не хочет,
Знать другое в жизни им дано.

Правнуки на лето приезжают,
От души в деревне погостят.
День-деньской на речке загорают,
Полюют огород, пасут гусят.

Дети, внуки часто навещают,
В город стариков хотят сманить,
Помощь и заботу обещают.
Им же по душе в деревне жить.

Здесь такие ясные рассветы,
Птичий гомон, на траве роса,
Запах земляники, море света
И ромашек дивная краса.

Вечерами, на скамейке сидя,
Правнук Федька спросит в тишине:
- Дедушка, а Сталина ты видел?
Расскажи мне деда, о войне.

Папка говорит, ты был танкистом.
А ружьё ты, дед Матвей, держал?
Ты, пожалуйста, ответь мне честно:
Неужели ты в людей стрелял?

- чтоб земля была от мрази чистой,
Я стрелял, ведь я же был бойцом.
То не люди, внучек, то фашисты –
Звери с человеческим лицом.

Трогал Федька ордена, медали,
Распахнув глазищи, говорил:
- А за что тебе награды дали?
Что ли, дед, ты подвиг совершил?

- Мы страну родную защищали,
И при этом надобно учесть,
Что награды, Федя, нам давали
За отвагу, мужество и честь.

Очень дедушкой гордился Федька,
Знали деда все его друзья.
На любой вопрос твердил нередко,
Что решить без дедушки нельзя.

Тень метнулась у окошка,
Тихий шорох за стеклом...
Кто там? Может, просто кошка
Пробежала под окном?

У овражка в перелеске,
Прямо рядом, где забор,
Чу! Как будто очень резко
Кто-то выключил мотор.

Тишина... «Да показалось,
Видно всё с волненья мне.
Просто навели усталость
Эти мысли о войне».

Дед Матвей перевернулся
И опять закрыл глаза.
Задремал. Но вдруг проснулся.
«Что за гром? Неуж гроза?»

В этот миг удар в окно. И рама
В кухне резко рухнула на пол.
И Матвей, метнувшись к двери прямо,
Грудью уперся в холодный ствол.

Рослый перед ним стоял детина,
И с улыбкой наглою смотрел.
«Вот он – настоящая вражина!»-
Дед Матвей сообразить успел.

А другой бандит, пониже ростом,
Но такой же наглый и блатной.
Он стоял, сжав кулаки со злостью,
Чуть поодаль – у двери входной.

- Ты, старик, не пререкайся с нами,
Понапрасну рот не разевай.
Свой пиджак парадный с орденами
Поскорей, папаша, подавай.

Хохотнул, оружием играя.
В этот миг, как бы ему в ответ,
Резко, страх и сумрак разгоняя,
Вспыхнул в горнице слепящий свет.

И к порогу бросилась Мария.
Встал детина на её пути,
Оттолкнул, удар соизмеряя:
- Ты сюда, старуха, не ходи!

Но она молчком стоять не стала:
- Ты зачем в наш дом явился, вор?!
От удара наотмашь упала
Прямо у кровати на ковёр.

И Матвей, детине угрожая:
-Ты, вражина, женщину не трожь!
Что за мать тебя, бандит, рожала,
Если слабого в лицо ты бьёшь?

Нервничали, злились отморозки:
- Что, старик, не понял ты ещё?
Ордена давай! И тут же резко
В грудь уткнул холодное ружьё.

На войне, где горя терпкий запах,
Не однажды смерть была близка.
Но сейчас вот вовсе не от страха
Билось сердце где-то у виска.

- Вы войны, подонки, не видали.
В безоружного легко стрелять.
Те награды мне не вы давали,
Стало быть, не вам и отнимать!

Но бандит, рванув у шкафа дверцу,
Сдёрнул китель. Выстрелил в упор...

В сей же миг, как будто пуля в сердце,
За забором резко взвыл мотор...

Ночь светла. Прекрасная погода.
И в природе настоящий рай.
Ведь недаром говорят в народе:
Впору хоть иголки собирай.

Отчего ж Татьяне так тревожно,
Словно ждёт какую-то беду?
Тихо встала, вышла осторожно,
Чайничек поставив на плиту.

И к столу присев на табуретку,
Ждёт, пока согреется вода.
Надо выпить вот сейчас таблетку,
Ту, что от тревоги пьёт всегда.

Месяц в небе неприлично светел!
Бросив в улицу случайный взгляд,
Удивилась. В доме у соседей
Окна в горнице светло горят.

Ведь ещё рассвет не занимался,
Не было такого никогда...
- Поскорей, Иван, ты поднимайся!
Знать-то у Матвеюшки беда!

Бросился Иван вперёд, к порогу,
Брюки прямо на ходу надел.
И в Матвеев двор- через дорогу.
Дверь рванул. И замер. Обомлел...

В кухне, широко раскинув руки,
Прямо на полу Матвей лежал.
Словно в миг нежданной разлуки,
Вечность он с любовью обнимал.

Рядом на полу сидела Маша,
Молчалива, как стена бледна.
- Кончилось, Ванюша, счастье наше,-
Прошептала горестно она.

- Ворвались проклятые бандиты,
Будто вновь вернулася война...
Честь и совесть ими позабыты:
Им нужны чужие ордена.

- Ордена нужны им для наживы,-
Сделал вывод с горечью Иван.
Ничего, пока мы будем живы,

Не дадим померкнуть орденам!

В чёрном трауре вся деревенька
Собралась в Матвеевом дворе.
Горе-горюшко пришло тихонько
И упало круто на заре.

Нет героя, нет войны солдата,
Не войдёт с улыбкою он в дом.
А ведь верил и твердил когда-то,
Что от пули вражьей не умрём.

В деревеньке все его любили...
Плакал Федька, выйдя на крыльцо:
- То фашисты дедушку убили —
Звери с человеческим лицом.

И решил Иван, сказав Татьяне:
- С пиджака сними-ка ордена.
Хоронить Матвея с орденами
Будем мы. Ведь позади... война.

В путь последний проводить сумели
Земляки. И честь отдать сполна.
На подушечках атласных рдели,
Как само бессмертье, ОРДЕНА!

Часть десятая. Проза.

Рассказы

Детства тёплая рука

- Не догонишь! Не догонишь! – озорно выкрикивал Санька, летя вдоль по улице. Он мчался по пыльной дороге, сверкая босыми пятками.

-Ах, чучмек паршивый! Вот возвернёшься домой, я ты вицея приголублю! – грозила вслед бабка Авдотья, размахивая в воздухе хворостиной.

«Чучмек» было самое, что ни на есть, ругательное бабкино слово. Им она «одаряла» всех, кто наносил ей обиду.

Санька во весь дух бежал туда, за окраину деревни, на излюбленное местечко на берегу речушки Светлушки, что спокойно текла среди зелёных лугов и впадала в озеро Пастушьё, получившее своё название от того, что колхозные пастухи гоняли к нему стада коров на водопой.

Речка Светлушка была небольшая, своенравная. Тихая и спокойная на первый взгляд, она имела скрытые подводные подвохи: ровное песчаное дно местами обрывалось глубокими омутами, в которых нередко находили приют неосторожные и незнакомые с нравами Светлушки купальщики. А вообще-то вода в реке была светлая, прозрачная и тёплая. В жаркие летние дни в ней отражалось голубое небо, солнечные блики играли на поверхности и мальки-рыбёшки резвились в парной у берега воде.

Санька любил Светлушкино «бормотанье», когда она чуть ерошисто катила свои волны в ветреную погоду. Это журчащее движение реки вызывало в нём желание смотреть на волнистые гребешки, не отрываясь. Он мог часами сидеть и думать о своём. На невысоком взгорье, под развесистым старым тополем, в береге был травянистый выступ, напоминающий мягкий стульчик с удобной спинкой и такими же мягкими подлокотниками. Этот «стульчик» и считал Санька своим любимым местом. Вот и теперь он мчался к нему. А под лёгкой рубашонкой бережно прижимал он огромный оранжево-жёлтый огурец, сорванный с грядки бабки Авдотьи. Этот огурец, что она называла «семянник», бабка берегла, как самое дорогое сокровище. Он был на грядке, будто король. Казалось, бабка боялась на него дышать: холила и нежила. А он рос и набирался сил, постепенно приобретая необыкновенный цвет солнца. Плодившиеся вокруг его огурцы-зеленцы появлялись и исчезали, сорванные и съеденные, а он всё царствовал на грядке. Только Санька, с восторгом глядя на него, был давно обуреваем желанием «приголубить» богатыря... и вот теперь, воплотив мечту в реальность, ждал когда там, на своём «стульчике» с аппетитом станет поглощать сочную чуть кислую мякоть с крупными твёрдыми семечками и жёсткой хрустящей кожурой. Он не знал почему так хотел вот таких переспелых огурцов. Но они были для него вкуснее самого изысканного лакомства.

Много лет миновало с той поры. Три десятка промчались, будто одно мгновение. И отчего именно это воспоминание детства так всколыхнуло сердце? Александр сидел на своём «стульчике» и смотрел на мирное течение Светлушки. И также тихо текли его мысли, выхватывая эпизоды детства. Уже давно нет в живых бабушки Авдотьи, постарела деревенька и смотрит в безлюдную улицу пустыми глазницами окон. Молодёжь

разъехалась кто куда. Вот и он, Александр - городской житель. А в деревню выбрался на недельку, погостить к старикам-родителям.

Летний день угасал. Красным шаром скатывалось за горизонт солнце. Берёзовая рощица на взгорье казалась волшебным уголком, в котором легко и вольно дышалось пьянящим воздухом, насквозь пропитанным ароматом цветущих трав и полевых цветов. Чуть ближе, сразу за деревней, светлым стёклышком блестело маленькое озерко. Когда-то между ним и рощей было небольшое колхозное гороховое поле, на которое, как саранча, налетали ребяташки. Порой их, громко ругаясь, гонял бригадир дядя Семён. Только больше строгого начальника боялись ребяташки таинственной Огородницы. Никто, никогда её не видел, но страх испытывали неимоверный.

О ней рассказывала бабка Авдотья:

- Вот поймает вас, воришек, в чужом огороде, аль в гороховом поле Огородница, узнаете как покастить! Эта нагая баба сидит в крапиве. Выскакивает и утаскивает вашего брата гавриков. А куда – никому неведомо...,- пугала бабка.

Стоило во время «страды» на гороховом поле кому-нибудь крикнуть: «Огородница!», как всех, будто метлой, с него выметало! Мчались к деревне так, что только пятки мелькали...

Теперь старое поле заросло травой. Но, глядя на него, Александр невольно вспомнил чуть сладковатый вкус зелёного гороха, что за обе щёки уплетали они с друзьями в дни детства.

Бабушка Авдотья в Санькиной семье была главной. С ней считались отец, мать, старшие брат с сестрой. Но особенно уважал её дед Михайло. Он никогда не прекословил ей, хотя в итоге любое дело выводил так, как считал нужным.

- А что, внучок, нам Савеловна-то не накрутит хвоста, коли мы немножко по-своему сей дело справим? – озорно подмигивал он Саньке, когда управлялись они по хозяйству или что-либо во дворе мастерили.

А уж «воспитывала» его бабка Авдотья по-свойски. Если случалось деду негаданно-нечаянно перебрать спиртного с друзьями, она, прищулив глаза и поджав тонкие губы, угрожающе бросала: «Ну постой, байбулат!» Это было ещё одно ругательное слово в её лексиконе.

- Ну-ко, Санька, подай мне дедкино «лекарство»,- протянув руку, цедила сквозь зубы.

Санька знал где лежит деревянная скалка, старательно выточенная дедом, и быстро совал её в бабкину протянутую руку. С интересом наблюдал как она «обхаживала» тем «лекарственным препаратом» дедовы бока.

Когда он утром кряхтел и поглаживал их, бабушка хитро прятала улыбку.

- Что-то у меня, Савеловна, все косточки болят, - жаловался дед.

- Да кто ж тебя знает – пить меньше надо,- бросала она,- чать с Ванькой-костоломом боролся, вот и свербят бока.

Ванька-костолом был известный в деревне задира. Он мог спровоцировать любого. Стоило ему лишь немного подвыпить, как он, закатывая рукава рубашки, басил:

- А чо, тебе слабо со мной сборогаться? Давай! Одолеешь – медаль отдам! Проиграешь - бока намну!

А медаль у Ваньки была его главной гордостью. Когда-то в молодые годы получил он её за участие в районном турнире борцов-любителей. Она висела в его доме, в красном углу, на синей ленте. Не раз он ставил её на кон в «дружеских» встречах с земляками, но она неизменно оставалась на прежнем месте.

Костоломом же его окрестили, когда однажды в такой борьбе он сломал руку такому же нетрезвому, как и сам, борцу-бедолаге.

-Тук-тук,- стучат по рельсам колёса. За вагонным окном мелькают то зелёные рощи, то бескрайние луга, то поле, где уже колосится пшеница, то синяя гладь озёр. Милые сердцу края! Когда вновь доведётся побывать в родной сторонке, окунуться в воспоминания минувших лет, погостить под крышей отчего дома, почувствовать себя тем беззаботным светлоголовым мальчиком Санькой, который вырос среди этих полей, лугов, лесов, впитал в себя их аромат. Когда вновь помечтает он на тихом берегу Светлушки и с аппетитом поуплетает вкусных маминых пирожков со свежей капусткой. А ещё помолчит, сидя на скамеечке у могил родных людей – бабушки Евдокии Савельевны и деда Михаила Ефимовича. Положит у памятников букеты цветов и расскажет о своём житье-бытье.

Свидание с малой родиной счастливой полосой легло на душу. Александр уже знал, что его новый сборник стихов будет посвящён этой доброй, милой земле. В голове рождались простые строки, они рифмовались сами собою...

*...Память оставляет нам наследство,
И из светлого издалека
Вновь протягивает руку детство,
И у детства тёплая рука...*

Всю ночь Томка плакала, уткнувшись лицом в подушку. Понимала, что слёзы эти совсем ни к чему, что надо принять случившееся, как должное, что жизнь продолжается, что... А впрочем доводов не плакать была уйма. А она плакала...

Июльская ночь была до бесстыдства светлой. Про такие в народе говорят: «Хоть иголки собирай». Звёзды на высоком небе казались ярче и крупнее обычного. Млечный путь виделся настолько светлым, будто был освещён гирляндами. А луна казалась улыбающейся краснощёкой девицей. Если взглядеться, то на ней, будто на географической карте, различались непонятные «континенты», окружённые светло-жёлтыми «морями». И даже думалось, что и там непременно должна существовать определённая цивилизация. А что? Ведь живут на нашей планете люди. Почему на других планетах не может быть жизни? Возможно она другая и населяют её другие существа земные человеки, а всё-таки реально не пустуют другие планеты.

В приоткрытое окно потянуло утренней прохладой. Пахло поспевающей вишней, которой в этом году видимо-невидимо. Вот и на небольшом кусточке под Томкиным окном её столько, что листьев почти не видно. Через недельку собирать можно – налилась-вызрела. И наварит Томка ароматного джема-варенья на всю зиму, компот позакатает в банки...

Лёгкий ветерок, будто шаловливый котёнок, чуть шевелит лёгкую штору на окне. Тишина. Осторожно вползает на подоконник утренний свет, чтобы не потревожить заснувшую хозяйку.

Рассыпались по голубой подушке в белых ромашках светло-каштановые волосы, разалелись щёки, чуть сдвинуты над покрасневшими глазами брови. Высохли, не оставив следа, ночные слёзы. Спит Томка.

От железнодорожного вокзала до воинской части ехать на рейсовом автобусе минут сорок. От остановочного комплекса до расположения гарнизона вела грунтовка. Мартовское солнце уже подтопило снега по обочине и весело играло в прозрачных лужицах. Томка уверенно шагала по твёрдому дорожному покрытию в направлении кирпичных корпусов, разбросанных среди величественных сосен. Была в этой картине какая-то необычная строгость. И чем ближе подходила к корпусам, тем громче стучало сердце. «А надо ли?»- спрашивала мысленно себя Томка. «Надо!» - отвечало сердечко.

К КПП подошла уже уверенно. Молоденький солдат на вахте внимательно выслушал просьбу девушки о возможности увидеть Антона Черемисина.

- А кто он Вам? - поинтересовался.

Томка от неожиданного вопроса растерялась.

- Ну как мне доложить, кто к нему приехал, чтоб разрешили свидание,- продолжал солдатик.

Томка молчала. «А действительно, кто она? – крутились мысли. – Подруга? Сестра? Знакомая? ...Да, никто...»

- Я люблю его очень,- неожиданно для себя прошептала она,- я приехала увидеть его... И всё... Мне бы ненадолго...

Парень удивлённо посмотрел на неё.

- А ты хоть знаешь его подробный адрес? - спросил он.

- Вот.

Томка достала из сумочки бережно сложенный конверт и протянула незнакомцу. Он быстро глянул на адрес и кивнул головой.

- А он хоть знает, что ты приедешь?

- Нет...

-Ну ты даёшь. Ладно. Жди. Попробую.

Сколько минут прошло Томка не знала, и надеялась, что всё будет хорошо.

Парень провёл её в небольшую уютную комнатку, видимо предназначенную для свиданий, и уже по-дружески тепло бросил: «Жди!»

Она встала у окна, вслушиваясь в шаги за дверью. Неожиданно она распахнулась и через порог шагнул Антон. Такой знакомый и незнакомый: в шинели, шапке-ушанке, в сапогах. А на лице – удивление.

-Ты? Как ты здесь оказалась?

- Приехала. Мне так захотелось увидеть тебя...

А потом всё закрутилось, будто в колесе. Она даже толком не могла потом вспомнить о чём они говорили. Помнится, он сказал, что у него мало времени, что он «убежит в самоволку», чтобы проводить её до электрички. И они вылезли через какую-то дырку в заборе, шли через лес тропинкой, и он целовал её пылко, жадно, тепло... а она, как воск, таяла в его руках и была самой счастливой.

На вокзале он посадил её в вагон и с улыбкой помахал с перрона, когда она тронулась.

В город Томка приехала затемно и, окрылённая, быстро добралась до дома подружки – однокурсницы, к которой приехала в гости.

Первая майская гроза напоила воздух такой свежестью, что хотелось дышать глубоко-глубоко и улыбаться зелени клёнов, жемчужинкам-каплям на траве, щебетанью пичужек и просто солнышку в небе.

Антон и Томка сидят на влажных свежеструганных брёвнах и болтают ни о чём, просто так.

Неделя на дембеле промчалась быстрёхонько. Ещё не почувствовал, что дома.

- Завтра в гости уезжаю, - неожиданно произнёс Антон.

- Надолго?- встрепелась Томка.

- Да, не знаю. Как погостится.

-Ну, пока,- огорчённо произнесла она.

Дни тянулись медленно и однообразно. Каждый вечер Томка шла в конец деревенской улицы, и, остановившись неподалеку от знакомого дома, всматривалась в окна, в которых горел за тонкими задёрнутыми шторами свет. Вернувшись домой, ложилась в кровать и подолгу смотрела в звёздное за окном. Пока сон не смыкал глаза. Почти каждую ночь ей снился Антон. Она бежала ему навстречу, а он уходил не взглянув на неё...

Вчера под вечер забежала к Томке подружка, Людка Меленина – хохотушка и непоседа. А девчонка хорошая, верная дружбе уже много лет. С какой-то непонятной серьёзностью посмотрела она на Томку.

- А знаешь, Антон приехал...с женой...

Всю ночь проплакала Томка. Так и не могла она понять, почему предал её тот, кого считала лучшим на земле, кого любила ещё со школы, кому верила.

Лучик солнца скользнул по стене и шагнул на подушку. Томка открыла глаза улыбнулась ему, тёплому и весёлому. От ночных слёз не осталось и следа. Где-то внутри она ощущала обидное чувство, но уже не такое тяжёлое, как вчера. Она знала и верила, что сумеет пережить эту боль. Ведь ещё ночью Томка приняла решение, что уедет из деревни в небольшой городок, куда ещё год назад приглашала её на работу однокурсница.

Марина любила смотреть свой старый школьный альбом. Каждая фотография в нём пробуждала уйму воспоминаний, которые уводили в беззаботные годы, где всё было просто и понятно, где жили дружной семьёй мальчишки и девчонки – одноклассники.

Марина подолгу рассматривала снимки: вот в тени деревьев на лужайке расположились ребята-третьеклассники. Мальчики – в светлых рубашечках и школьных костюмчиках, девочки в форменных платьях и белых фартучках, с аккуратными косичками и бантиками. В центре – первая учительница Ирина Ивановна, что была для маленьких воспитанников второй мамой: следила за их опрятностью, заботилась о здоровье, жалела и успокаивала, хранила от детских обид; вот – они уже шестиклассники. Марина помнит «зелёный десант», когда они всем классом заготавливали берёзовые ветки для колхозного стада. С фотографии будто выплеснулся весёлый смех озорных ребят. Марина улыбнулась, вглядываясь в их смеющиеся рожицы; а вот – пионерский сбор. Они в пионерках и галстуках, вытянулись в струнку, подняв в пионерском салюте руки над головами. Крайний сбоку – Санька Амелин, гордо держит барабан; на следующей фотографии – выпускной 10 «Б»: повзрослевшие мальчишки в нарядных костюмах и похорошевшие девчонки по-прежнему в формах и белых фартучках, с огромными бантами....

Марина листала альбом, в котором с каждой новой странички смотрели лучистые глаза одноклассников. Её взгляд остановился на чёрно-белом снимке: красивый парнишка с тёмными, слегка волнистыми волосами и открытым взглядом, весело улыбается в объектив. Воротничок светлой рубашки слегка приподнят, а верхняя пуговица расстегнута, что делает снимок чуточку «взбалмошным», чувствуется необыкновенная мальчишеская раскованность. Это Володька Котов. В классе его звали коротко – Кот.

В третьем классе, в начале учебного года Марину посадили за одну парту с Котом. Они сразу подружились. Когда случалось, что Володька пропускал уроки по болезни, Маришка скучала по соседу. Он приходил в школу радостный и угощал её вкусными ирисками, рассказывал о злополучной болезни, что «вышибла» его из колеи на несколько дней. На 8 Марта она неизменно находила в своём дневнике красивую открытку, написанную Котом. А на день рождения он дарил какую-нибудь весёлую игрушку.

С тех пор ежегодно, возвращаясь в класс первого сентября, Кот и Марина усаживались за одну парту – третью у окна. Нередко он рисовал фантастические картины, изображающие жизнь подводных обитателей и людей, покоряющих морские глубины, собирающих богатства на дне – кораллы, жемчуг. Были тут и человек-амфибия, и пловцы в сказочных скафандрах, ластах. Альбомные листы и цветные карандаши неизменно лежали в Володькиной парте. На уроках по устным предметам он доставал их и увлечённо занимался своим искусством, вкладывая фантазию и старание в рисунок. Марина с интересом наблюдала за работой Володьки, порой мысленно погружаясь в его фантазийные сюжеты.

Учился Кот легко и хорошо. Казалось, не было предмета, который бы он не знал гораздо шире школьной программы. Бывало, она бессовестно списывала у него задачки на самостоятельных работах по математике, физике, химии. На контрольных он успевал выполнить свой вариант и помочь соседке.

А ещё Кот был озорным. Случалось (чаще всего на уроке географии), когда в классе наступала тишина, неожиданно раздавалось приглушённое «мя-я-я-уу...». Класс взрывался громким хохотом, только Володя и Марина продолжали внимательно «изучать» задание, данное учительницей Эвелиной Карловной. Она чуточку растерянно смотрела на ребят и с расстановкой произносила:

- Котов, встаньте! (Она всегда обращалась к ученикам на «Вы»)
- А что сразу я-то? – возмущался Кот.

Вообще, Эвелина была добрая, хороший педагог, обаятельная женщина, всегда аккуратно причёсанная, со вкусом одетая. Ребята её уважали. Знали и то, что она фронтовичка, в годы войны была зенитчицей. На праздник Победы она приходила в строгом серого цвета платье, с орденами и медалями. Откуда она приехала в посёлок – никто не знал. Только чувствовалось в ней городское происхождение, а в мягком говоре слышался «акающий» диалект. Ученики за глаза называли её «Королина» и старались добросовестно готовиться к каждому уроку по предмету.

Среди увлечений Кота была и фотография. Он любил делать снимки живой природы: яркая бабочка на цветке, кузнечик, на широкой травинке, пчела, собирающая нектар среди лепестков цветущей яблони, ящерица, пригравшаяся на пенёчке, небольшая змея среди травы.... Эти фотографии он, как и рисунки, дарил Марине. Часто фотографировал и её: то смеющуюся, то грустившую, играющую с котёнком, держащую в руках малыша-цыплёнка. Она была то среди цветущих яблонь, сирени, то с корзиной грибов в сосновом бору, то сидела на огромной поляне с одуванчиками, то прижимала к себе букет из осенних листьев... Все эти снимки Марина бережно хранила в отдельном альбоме, подаренном Володькой в десятом классе на день рождения.

Промчались школьные годы. Осенью Володька уехал учиться в военное училище. Марина поступила в педагогический. Они не переписывались. Но каждое лето на каникулах он приходил к ней в гости и они подолгу пересматривали школьный альбом, рассказывали друг другу о себе, о судьбах одноклассников. Как-то Володька пригласил её в кино. В полупустом зале после уличного зноя было прохладно. Фильм близился к концу, когда он осторожно и робко взял Маринину руку в свою.

- Кот, ты чего? – удивилась она, высвобождая ладошку. Он промолчал. После кино, проводив её домой, как бы невзначай обронил:

- Послезавтра отбываю... Завтра у меня соберутся друзья: посидим немного. Приходи...

К назначенному часу Марина была у него. До десятка парней и девчонок уже весело щебетали в комнате. Большинство из них были незнакомы девушке. Хотя одного – Саньку Истомина – Марина знала по школе. Он учился в параллельном классе и был спортивной гордостью школы – неизменным чемпионом по лыжным гонкам. В него влюблялись многие девчата. Марине он тоже нравился.

- О-о-о! Кого я вижу! – широко улыбаясь, приветствовал её Санька, - Маришка! Ты всё хорошеешь! Слышал, что мы с тобой, почти, коллеги: я ведь тоже в педу учусь – на физфаке... Весь вечер он ухаживал за Мариной. С Котом она станцевала лишь один танец. Даже почти не разговаривали с ним. Зато Сашка болтал без умолку, сыпал комплименты и шутил. Августовский вечер догорал малиновым закатом. В распахнутое окно из палисадника пьяняще пахло матиолой, на невысокой молодой яблоньке весело чирикали воробьи.

Гости потихоньку расходились. Заметив, что и Марина направилась к выходу, Володька подошёл к ней.

- Я провожу тебя, - сказал он.

- Да, нет, не беспокойся, Кот, - улыбнулась она, - меня уж Санька пообещал домой доставить. А тебе я желаю счастливого пути. Удачи! Пока!

И она похлопала его по плечу, чуть приподнявшись на носочках, чмокнула в щёку...

Это была последняя встреча с Володькой. С тех пор она больше не видела его. На следующее лето он не приехал: закончив училище, отбыл по месту службы...

Да и она, получив диплом, уехала по распределению далеко от родных мест. Так ничего и не знала о судьбе Кота.

Много воды утекло с тех пор. Листая альбом, Марина вспоминала все эти события и будто наяву видела Володькины глаза, слышала его голос. Только теперь она отчётливо понимала то, что нравилась этому сероглазому парнишке. Возможно, была его первой любовью...

Кот навсегда остался в памяти светлым периодом её школьной жизни.

Осень сыпала мелким дождём. Жёлтые листья, усеявшие асфальт, промокли насквозь. Только сосны величаво смотрели в затянутое тучами небо и шумели, покачивая вершинами.

Незаметно сгущались сумерки. На душе, как и на улице, было неуютно. Щёлкнув выключателем, Ольга включила свет в просторной комнате и, взяв с тумбочки книгу, устроилась в уголке кровати. Почти неделю живёт она в санатории, но к ней так никого и не подселили, хотя в комнате оставались свободными ещё два места. После ужина, сделав небольшую прогулку по широкой тропе, называемой тропой здоровья, она возвращалась в пустую комнату и весь вечер проводила в одиночестве. И если в первые дни пребывания это было для неё удовольствием, то сейчас она уже скучала по общению.

Тихий стук в дверь раздался неожиданно, и в тот же момент на пороге возникла соседка Надежда Петровна.

- Скучаешь? – улыбнулась она.

- Да, вот читаю. Телевизор с помехами работает, поэтому иного развлечения, как, с книгой посидеть, не нашла.

- Вот и я не знаю чем заняться. Решила в гости наведаться. Не против?

- Нет, разумеется. Даже рада буду поболтать, - оживилась Ольга.

- А я вот думаю – не пойти ли нам на танцы...,- несмело предложила Надежда Петровна. И, помолчав, добавила:

- Пошли.

Ольга даже растерялась. Уж пойти на танцульки в их возрасте было, по её понятиям, вроде бы нескромно. Но соседка так уверяла, будто там все такие, что Ольга уступила.

В просторном фойе второго этажа звучала лёгкая, негромкая музыка. Зал освещали неяркие лампы, оттого растекался мягкий полумрак. Желающих потанцевать было немного. Несколько пар медленно двигались в танце в ритме музыки. На скамейках вдоль стен устроились дамы и кавалеры. Оглядевшись, Ольга и Надежда выбрали два свободных места с краю.

Танец кончился. На смену ему вдруг ворвалась быстрая, громкая музыка, и зал словно вздрогнул. Несмотря на степенный возраст, отдыхающие вмиг образовали весёлый круг и стали «являть» такие телодвижения, что трудно было представить их большими, приехавшими в санаторий поправить свои «возрастные болячки».

- Может, и мы встряхнёмся? – предложила Надежда Петровна.

- А давай! – весело отозвалась Ольга.

И они влились в общий круг.

А потом был вальс. Он наплывал мягкими волнами и будто качал в колыбели каждое словечко. Приятный голос солиста выводил знакомую мелодию: «Ночь коротка. Спят облака. И лежит у меня на ладони незнакомая Ваша рука...» Ольга любила этот старый вальс. Он напомнил ей о беспечной юности, о деревенской танцплощадке среди раскидистых тополей и о парнишке, что кружил её лёгкую, счастливую в этом вальсе...

Она видела, как с противоположного конца зала к ним направился высокий статный мужчина в светлосером костюме.

- Разрешите...

И он протянул Ольге руку. Она подала свою, и партнёр легко повёл её по кругу.

К концу вечера они познакомились. Николай Сергеевич оказался интересным собеседником. К тому же он, как и Ольга, любил стихи Пушкина, Есенина. Многие из них знал наизусть и умел выразительно читать.

На другой день после ужина, дождавшись Ольгу у выхода, предложил прогуляться по тропе здоровья.

Они шли не спеша, непринуждённо беседуя. Со стороны могло показаться, что встретились давние знакомые, у которых много общих воспоминаний о прошлом.

- Вам никогда не говорили, что Вы очень похожи на актёра кино Владимира Гусева? – вдруг спросила Ольга.

- Ну как же, в молодости говорили, - улыбнулся он. – Теперь не говорят.

И, помолчав, добавил:

- Старый, должно быть, стал и уже не похож.

- Но ведь и Гусев не молод. Ему за 70. И в этом возрасте Вы тоже с ним чем-то похожи, - ответила она. – Кстати, люди с возрастом очень меняются внешне. К примеру, кто из нас узнает в сегодняшнем Владимире Кореневе того красавца Ихтиандра из «Человека-амфибии», в которого были влюблены девчонки всего Советского Союза?

- Да уж..., - засмеялся он.

Дни бежали незаметно. Вечерами Ольга уже не сидела в одиночестве в пустой комнате. Вместе с Надеждой Петровной и Николаем Сергеевичем они гуляли по тропинке в сосновом бору, ходили на танцы или проводили время у традиционного костра, где под аккомпанемент баяниста - культмассовика с удовольствием пели старые песни.

О своём новом знакомом Ольга знала уже всё. Оказалось, что на его долю выпало немало испытаний: год назад от рака умерла жена, с которой прожили без малого полвека. А несколько месяцев назад трагически погибла младшая дочь, работавшая крановщицей на заводе. Остался внук – шестиклассник, забота о котором легла на плечи деда. Старший сын живёт в том же небольшом городке под Тюменью, что и Николай Сергеевич, но отца навещает редко: семья, работа.

- Нелегко одному приходится, - смущённо признался он, - только не могу забыть мою Соню. Она была необыкновенная женщина: спокойная, доброжелательная, весёлая... Очень любила жизнь... Вы, Оля, напоминаете мне её... Оттого, должно быть, и потянуло меня к Вам...

- Ну что Вы, Николай Сергеевич, - растерянно ответила Ольга, - я не та женщина, на которую надо делать «ставку». У меня семья: муж, дети, внуки...

Вторая половина октября выдалась на удивление доброй. По утрам лужицы покрывались хрупким ледком. Днём же светило солнышко. А вечерами вновь становилось по-осеннему зябко. Ядрёный хвойный воздух был настолько свеж и приятен, что не

хотелось возвращаться в корпуса. Отдыхающие небольшими группками, парами прогуливались среди величественных сосен, белоствольных, уже облетевших, берёз. Те, что постарше сидели на скамеечках, подстелив под себя шарфы, платки или же просто газеты. Жизнь в санатории текла своим чередом: размеренно, непринуждённо.

- Вот и закончилось моё лечение. Завтра утром уезжаю, - как-то грустно произнёс Николай Сергеевич. – К 10 часам за нами, тюменскими, приедет специальный автобус. Вы, Оля, проводите меня?

- Да нет... У меня в 9-30 процедуры, - ответила Ольга.

- Жаль...

Он помолчал. Вдруг резко остановившись, повернул её к себе лицом и неожиданно выпалил:

- Послушай, Оля! Поехали со мной! А? Я ведь по глазам вижу, что ты несчастлива. Хотя ничего мне о себе не рассказывала. Я постараюсь сделать для тебя всё, чтобы изменить твою жизнь... Поехали!

От неожиданности Ольга растерялась.

- Что Вы, Николай Сергеевич! У нас с Вами разные пути. Сколько в жизни бывает подобных случайных встреч. Вы ведь даже не знаете меня толком...

- Я вижу, Оля. Ты хороший человек. Мне легко и просто с тобой. Я был бы счастлив быть рядом... Поехали...

- Нет, - уже твёрдо сказала Ольга. - Доброго Вам пути. Удачи!

- Что даже и телефон не оставите? – вполголоса спросил Николай.

- Зачем? Мы просто познакомились и расстались... Продолжения не нужно ни Вам, ни мне...

Оставшиеся до отъезда три дня Ольга вновь провела за книгами. Надежда Петровна уже уехала и не заглядывала по вечерам. Накануне отъезда она зашла попрощаться и, как бы невзначай, сообщила:

- Знаешь, Оля, у Николая Сергеевича, действительно, умерла жена. Мне рассказала об этом знакомая, с которой мы вместе посещали процедуры. Она из того же городка, что и он. Есть женщина, что живёт по-соседству, приходит к нему – убирает комнаты, готовит, стирает. Не против бы и переехать к нему, да он не приглашает...

- Прости, Надя, но мне это не интересно, - отрезала Ольга.

С тех пор прошло три года. Сама не зная почему, но Ольга часто вспоминает те дни, проведённые в санатории, осенние прогулки в хвойном лесу и мужчину, похожего на актёра Владимира Гусева, который с грустью в голосе читал ей есенинские стихи.

Мартовский денёк к полудню разгулялся. Хотя зима не спешила уходить: вчера целый день метелило. Снега выпало столько, что не бывало за всю минувшую зиму.

Но весна уже чувствовалась во всём: в ярком солнышке, в осевшем снеге, в радостном чириканье воробьёв. И в запахе ветерка тоже ощущался неуловимый особенный аромат. Где-то там под снегом дышала Весна...

Вера неспешно шла вдоль улицы. Ноги сами довели её до перекрёстка. Она повернула в узкую улочку, на которой не было ни машин, ни пешеходов. Старенькие дома смотрели ей вслед, будто припоминая нежданную посетительницу. И она смотрела на них, как на давних знакомых, но не узнавала: у некоторых появились новые современные большие и светлые окна, у других – крашенные палисадники, высокие ворота...

Как давно не была Вера здесь, на этой дальней улочке. В памяти рисовались картины прошлого: вот здесь жили Кондратовы, в палисаднике которых цвели всё лето огромные солнечные ромашки; а наискосок от них в белёном домике жила молодая семья Трофимовых, тех, что всегда в канун Октябрьских праздников приколачивали высоко над воротами красный флаг с серпом и молотом, да пятиконечной звездой. Чуть подалее в старенькой избушке жила бабушка Маша. Из-под подворотни у неё всегда выбегала маленькая шустрая собачка с висячими ушами и почему-то безхвостая. Она визгливо лаяла на прохожих, но стоило ей почувствовать опасность, как собачка со смешной кличкой Шабалька скрывалась в подворотне. Когда Вера шла из школы мимо этой избушки, баба Маша частенько стояла у ворот, будто поджидая кого-то. Завидев Веру, доставала из кармана плюшевой жакетки карамельку в бумажке и угощала девочку. При этом её верная «охранница» Шабалька сидела рядышком молча.

Так незаметно, размышляя, Вера дошла до старого одноэтажного кирпичного здания с маленькими оконцами и покосившейся от времени оградой. Здесь раньше был детский сад. Тогда он казался большим и уютным. Обнесённый низеньким заборчиком из штакетника, он напоминал сказочный городок. Каждая дощечка в ограждении покрашена в разный цвет, а во дворе среди зелени полянки под нарядными зонтиками цветных грибков располагались две песочницы, в которых с крохотными ведёрками и лопатками, с игрушечными грузовичками дружно копошились малыши. Ближе к дальнему заборчику стояла на курьих ножках избушка с решетчатым окошечком и широким дверным проёмчиком. По-соседству с ней – лёгкие качельки, зелёный деревянный «танчик»... Во дворе всегда было шумно и весело.

За зданием детского сада стоял крайний, самый большой на улице дом многодетной семьи Завьяловых. С их старшей дочерью Лизой училась Вера в параллельном классе. Лиза была добрая, трудолюбивая девочка. На школьных субботниках она работала с таким желанием, что учителя ставили её в пример другим детям.. Вера тайно завидовала Лизе, её скромности и жизнерадостности. Ей хотелось быть похожей на эту невысокую, аккуратную, с длинной русой косой девочку. Училась Лиза старательно и её фотография постоянно красовалась на школьной доске почёта отличников.

Сразу за домом Завьяловых улочка заканчивалась, уходила вниз под горку, к маленькому озерку, за которым начинался бесконечный луг, летом ярко-зелёный, осенью – жёлтовато-рыжий, а зимой укрытый белым снежным покрывалом. Отчего-то называли этот луг поскотиной. Может оттого, что в летние дни паслось на нём стадо бурёнок из личных хозяйств сельских жителей.

Наискосок от детского сада начиналась улица Береговая, что тянулась вдоль окраины почти до самого берега реки. Тут стоял угловой домик Вериной тёти Кати – маминой старшей сестры, у которой студёными зимами, когда ходить в школу из-за речки было далеко и холодно, девочка жила. Она любила этот уютный пятистеноч. В нём всегда

было тепло и чисто. Тётя Катя плела очень красивые коврики из старых разноцветных тряпочек, которые предварительно стригла на узкие ленточки, сшивала их меж собою и сматывала в объёмные клубки. Ковриками были устелены комната, кухня, сени и даже невысокое широкое крылечко.

А ещё в домике тёти Кати всегда витал необыкновенный сладковато-пряный аромат, присущий только ему: запах напоминал свежесть летнего леса и луговых трав, и никогда не исчезал. Уже подходя к крылечку его можно было почувствовать. Казалось, он жил в доме полноправным хозяином. Вера любила этот аромат тёти Катиного дома и скучала по нему. Вот и теперь, спустя много лет, она остановилась у него и будто наяву ощутила знакомый запах...

Как давно не была она здесь! А вот сегодня почему-то ноги сами привели её на тихую улочку, к домику, что жил в памяти. Теперь на этом месте стоял высокий, большой дом под черепичной крышей, отделанный желтоватым сайдингом. И ворота были под стать ему: крепкие, с кирпичными колоннами. И только номер на крупной табличке остался прежним - 18...

Вера стояла поодаль от дома и смотрела, как на добрую память прошлого. И виделся ей такой родной и милый тёти Катин пятистенник...

Воображение рисовало свои картинки. Вот она девчушка лет восьми вместе с любимой тётей ищет на огородной грядке первый зелёный огурчик, пупырчатый и ароматный. Ей – самый первый урожай с огуречной грядки!

Ласковый весенний вечер... Верочка, совсем маленькая, бежит на кухню. Тётя Катя, сидя в комнате у окошка, плетёт свои коврики. Девочка хорошо знает, что в узорном деревянном шкафчике, в круглой баночке стоят разноцветные конфетки - горошек. Они ужасно вкусные и такие ароматные! Верочка пододвигает табуретку и, взобравшись на неё, открывает шкафчик, достаёт баночку. И вдруг...крышечка соскальзывает и цветные горошинки летят на пол! Они разбегаются по кухне. Тётя Катя, услышав этот «грохот», бежит на кухню и, увидев картину, со смехом всплескивает руками: «Ах, ты, баловница!» Вместе они собирают горошек. Но теперь его место не в баночке, а в мусорном ведре. «С пола ничего кушать нельзя!»- наставительно приговаривает тётя Катя.

Тётя Катя работала «билетёршей» в местном кинотеатре. Она сидела в небольшой кабинке и продавала билеты. Нередко брала с собой Верочку. Когда начинался фильм, она заводила её в прохладный тёмный зал, усаживала на свободное местечко. А дома у неё всегда аккуратной стопочкой лежали продолговатые, похожие на книжечки буклеты с аннотациями к разным кинофильмам. Их она раздавала зрителям вместе с покупаемыми билетами. Вера любила просматривать эти книжечки, ведь в каждой из них имелись маленькие фото-кадры из предлагаемого фильма.

Не только в кино посчастливилось побывать Вере в детстве. Однажды тётя Катя провела её на оперетту «Вольный ветер». На всю жизнь запомнила девочка, как пели и танцевали на сцене приезжие актёры. В другой раз Верочка побывала на встрече, когда в село приезжал настоящий артист кино, по фамилии Иванов – исполнитель роли Олега Кошевого в фильме «Молодая гвардия».

У тёти Кати не было своих детей. Так уж сложилась судьба, что незадолго до войны вышла она замуж за красавца Костю Литвинова. Любовь у них была со школьных лет, и были чувства такими чистыми и верными, что завидовали им друзья – подружки. Весёлая хохотушка Катя и не по годам серьёзный Костя будто бы дополняли друг друга. Куда бы ни шли они, что бы ни делали – всегда вместе, рядом. Невозможно было

представить их по отдельности. Их так и звали в шутку – «Котя-Катя». На фронт его призывали в самом начале войны. А осенью получила Катя похоронку... Так и не изменила она своему любимому. Единственному. Бережно хранила в чистенькой салфеточке несколько фронтовых писем – треугольничков, полученных молодой женой. Однажды Верочка случайно увидела, как тётя Катя, развернув ту тряпичную салфеточку, достала треугольнички и читала их. А по щекам бежали слёзы... Потом она что-то шептала, положив исписанные листочки на колени. Наверное, разговаривала с Костей. Так решила Вера. И потихоньку уселась на кухне, чтобы не помешать минуте откровения души тёти Кати.

Во дворе, между воротами и крылечком росла яблонька, что по весне цвела душистыми бело-розовыми цветами, а в конце лета покрывалась некрупными бордовыми яблочками, которые были сочными, сладкими, с приятной кислинкой на вкус. Вера знала, что яблоньку эту посадили молодожёны Костя и Катя в предвоенную весну.

- Вот, - пошутил тогда Костя, - дом построил, дерево посадил. Осталось родить сына...

Только оборвала проклятая война мечты и планы. И до седины прожила его Катенька в этом домике на окраине, где встречала каждую весну в компании цветущей подружки – яблоньки. С ней она тоже нередко вела тихие беседы, рассказывала о жите – бытие. А дерево шелестело листвою, будто шептало ей о любви и верности.

Откуда-то издали накатило воспоминание, как ходили Вера с тётей Катей в лес по ягоды: брали душистую землянику, да клубнику, «маручую» чернику, от которой руки и язык становились синими, «костлявую» костянику и другие ягоды, которых в лесах было множество, и которые быстро и с шутками брала в ведёрко тётя Катя, а Верочка в стаканчик, да в рот. Но особенно запомнилось, как ездили они за смородиной в родную тётю Катину деревню Липнягову. Там она знала смородинные места в детских лет. В деревне ещё жили дальние родственники, которые помнили сестрёнок Катюшу и Маняшу – Верочкину маму. Приветливо встречали ягодниц, когда приезжали те в летние деньки на малую родину. Смородины было так много, что Верочка брала её в маленькую плетёную корзиночку. Однажды насобирала её до самых краёв и тётя Катя похвалила её, радостно воскликнув:

- Какая молодец! Варенья наварим вдоволь!

А уж этого добра на всю долгую зиму в арсенале тёти Кати и мамы было столько, что хватало и себе, и гостям. Разное – земляничное, клубничное, черничное, малиновое, вишнёвое, смородинное – оно всегда дополняло стол, являясь главным явством чаепитий. Да и вкусная стряпня нередко украшала стол. Из сахаренных брусники и костяники готовили замечательный морс. Сушёные ягоды черёмухи шли на вкусные лепёхи, да пирожки. Из боярки готовили удивительное блюдо, называлось которое кулагой...

Мартовский день незаметно клонился к вечеру. А Вера всё стояла вблизи дома на окраине посёлка и вспоминала яркие моменты минувшего. Память неожиданно воскресила тёплый ласковый май, когда в домик тёти Кати пришла беда...

Вера, уже совсем взрослая, собиралась уезжать на работу в небольшой городок, где начинался её трудовой путь в начальной школе, куда её направили по распределению после окончания института. В родительский дом девушка приезжала на Первомай. Телефонный звонок настойчиво позвал к аппарату. Взяв трубку, Вера услышала незнакомый голос: звонила тётя Катина соседка:

- У Катерины инсульт, - тревожно сказала она. Помолчав, добавила: - Парализовало её. Приходите скорее. Она ведь совсем одна...

Вера растерянно засуетилась. Дома не было ни мамы, ни старшей сестры. А медлить нельзя: надо быстрее добираться до тётки Кати, туда за реку. Ведь она в беде. Совсем одна.

Вера, наскоро одевшись, выбежала во двор, куда входили мама и сестра Люба с годовалым сынишкой на руках. Весть они восприняли с таким же беспокойством, как и Вера. Пospешили к переправе, где какой-то предприимчивый мужик наладил перевоз через реку нуждающихся.

В знакомом домике никого, кроме старушки – соседки, не оказалось. Тётя Катя лежала на кровати и смотрела на пришедших с каким-то несвойственным ей страхом. Она понимала весь ужас случившегося с ней, но ничего не могла поделать: ни пошевелиться, ни сказать...

- Она в сенях упала. Хорошо, что засов успела открыть. Я попроведать её пришла. Как будто чувствовала. Открываю, а она лежит... Это мы с моим Иваном её до кровати доволокли, да положили, - рассказывала соседка.

Вера наклонилась над тётей Катей и отчаянно хотела понять, как помочь ей, милой, родной.

- Я люблю тебя. Ты поправишься,- шептала она.

Но тётя Катя вдруг опустила ресницы, прикрыв глаза, будто хотела что-то сказать...

Вера выбежала на крыльцо. Она плакала горько и безудержно. Никогда ей не приходилось видеть умирающих людей. Она не представляла, как это больно терять родного человека.

У крылечка вся в цвету стояла яблоня. Вера подбежала к ней, обняла за ствол и, подняв глаза к белой кроне, вдруг громко и отчаянно закричала:

- Кост-я- я! К-о-о-стя! Катя, Катенька твоя умирает!

Ей на миг показалось, что ствол яблони вздрогнул под её руками... Вера ещё отчаяннее, навзрыд заплакала... Да, она знала, что он, Костя, услышал её и ему тоже больно...

Приехала «Скорая» и увезла тётю Катю в больницу. Через несколько дней её не стало. Это была последняя весна в её светлой, доброй жизни.

Вера вдруг почувствовала, что по её щекам катятся слёзы.

К дому напротив подошла молодая женщина и, удивлённо посмотрев в сторону пожилой незнакомки, стоящей в слезах наискосок от их дома, открыла ворота. Она скрылась за ними, так и не узнав, что делала здесь чужая немолодая женщина в белом вязаном полушалке и сером пальто. Почему она плакала, стоя у их дома.

Вера, словно стряхнув с себя оцепенение, тихонько зашагала обратно – вдоль улицы, мимо бывшего детского сада, знакомых и незнакомых домов. Она будто побывала в гостях у тётки Кати, в милом домике – пятистеночке на окраине, в котором живёт пряный запах каких-то трав, воспоминания прошлого.

Зарницы

(повесть)

- А вот те, на! Баста!

Тёмно-зелёный мяч с красно-жёлтыми полосками, ударив по Танюхиным ногам и весело отскочив, покатился по траве. Девчушка, звонко смеясь, выбежала за черту поля, обрамлённого копаниной. Вышиб так её меткий удар мяча, брошенного Котькой. На игровом поле ребяташки увёртывались от мячика. Игра продолжалась. Тут на лугу было просторно и безопасно играть в «Вышибалу»: никому не мешали деревенские сорванцы и не волновались родители, что укатится мяч под проходящую машину. С утра до вечера резвились они на лугу, играя то в «Вышибалу», то в «Штандер». Ещё по весне обкопал лопатой Котькин дед Семён эту площадку, что стала теперь излюбленным местом игр ребятни.

Котька, а вообще-то его звали Костей, был, пожалуй, самым метким и быстрым игроком. Редко ставили его в круг, чаще был он вышибающим. Прицелится, сощуришь глаз, в одного игрока, а неожиданно бросит мячом в другого и вышибет из игры. Хитрый!

Худой и длинновязый, был он востёр на язык. Но никогда не обижались на него ребяташки. Знали: не злой он, просто весёлый, занозистый. Вот и в этот раз Танюха, попавшая под «обстрел», не расстроилась, не огорчилась, что выбил её Котька из круга.

Июльское солнце уже довольно высоко стояло в безоблачном небе. Скоро полдень. Вон и деревенское стадо движется к безымянному озерку на водопой. А потом разлягутся на зелёном лугу бурёнки и, прикрыв глаза, будут смачно жевать свою жвачку. Отдыхать. А ребятня разбежится по домам, пообедать. Вечером же снова выпорхнут на лужайку, и зазвенит вокруг смех, понесутся в луговой простор их весёлые крики.

- Смотри, Танька, эвон мамка твоя идёт. Не одна. Чать с новым папкой! – вытянув указательный палец вперёд, выкрикнул Котька. И тут же выдал разухабистое:

Это кто там лугом чешет?

Что за парочка идёт?

Это Танькина мамаша

Папку нового ведёт!

Все оглянулись по направлению Котькиного пальца, дружно засмеялись неожиданно пропетой частушке. Танька как-то не по-детски вспыхнула ярким румянцем и сорвалась с места. Побежала в сторону деревни. Развевался её синий с белыми горохами сарафанчик, мелькали серые сандалики. Кудряшки светлых густых волос откинулись назад, поддавшись лёгкому ветерку.

Катерина, Танькина мать, шла легко и красиво рядом с высоким русоволосым мужчиной в голубоватой рубашке с короткими рукавами и расстегнутым воротом. Собранные на макушке в тугий узел боковые пряди волосы одновременно струились по её плечам волнистыми локонами. Лёгкое бирюзового цвета платьице, с замысловатым «ковряным» узором по подолу, облегал её стройную фигуру. Перекинутая через плечо маленькая сумочка на узком длинном ремешке была под цвет платья, а лёгкие туфельки на ногах заканчивались тонким изящным каблучком.

Красива была Катерина. Не по-деревенски нарядная и привлекательная. Вот уже пять лет жила в городе. Изредка навещалась к матери и старшей сестре Ольге, под приглядом которых жила её шестилетняя дочка Танюшка. Об отце ребёнка ничего в деревне не ведали, хотя поговаривали, что был это Мишка Сапожников, Котькин отец, худрук местного клуба, деревенский весельчак и гармонист. Но ни он, ни родившая в

девках Катька ничего по этому поводу не говорили. Подальше от сплетен уехала Катерина в областной центр, оставив малышку-дочь на попечение матери и сестры.

Только не везло ей на мужиков. Всякий раз приезжала она с новым ухажёром, который к следующему приезду куда-то бесследно исчезал. Оттого острые языки деревенских баб мыли-перемывали косточки красавице Катьке.

Запахавшаяся Танька стремглав пробежала мимо окон и, приминая ногами сочную конотопку, влетела в дровяник, крытый чёрным рубероидом. Ровными рядками лежали возле стен прошлогодние дрова, с отслоившейся корой. На натянутых под самой крышей верёвках висели свежесвязанные берёзовые веники и пучки разных трав. Оттого пахло вокруг пряно, и этот аромат был неповторим, напоён свежестью леса и луговым простором, зноем солнца и одновременно прохладой утренней росы. Он успокаивал и расслаблял. Танюшка легла на душистую и мягкую охапку чуть подвяленной зелёной травы, принесённой из рощи тётей Олей и бабушкой для лакомства пушистым кроликам, за которыми так любила ухаживать девочка.

Что-то ласково-нежное вплывало в сознание Танюшки и растворялось приятным теплом в маленькой детской душе. Куда-то отступили обида и тревога, и сладкие объятия сна приняли её...

И снилась ей церковь, высокая, белая с золочёнными куполами и крестами, в которых играли солнечные лучи. В летний день, на Троицу, ездили они с тётей Олей и бабушкой Таней в соседнее село в эту самую церковь. Было там много народу, и взрослых, и детей. Пол был устелен зелёной травой, у стен стояли берёзки. В руках у всех людей тоже были берёзовые веточки. Дали их и тёте Оле, и бабушке, и ей, Танюшке. Повсюду висели разные иконы. Особенно запомнилась одна: очень красивая женщина, голова которой покрыта узорным покрывалом, а рядом маленький мальчик – её сын. Тетя Оля долго стояла у этой иконы и шептала не совсем понятные Танюшке слова: «О Пресвятая Госпоже Владичице Богородице! Со страхом верою и любовью припадающее молим Тя не отврати лица Твоего от прибегающих к Тебе...», а потом целовала икону и почему-то плакала..

Все люди в церкви стояли на ногах, держали зажжённые свечи и крестились, а высокий мужчина с бородкой в очень красивой одежде и головном уборе, которого все почему-то называли «Батюшка», пел перед иконами и людьми, а они вторили ему... Танюшке тоже, почему-то было радостно и легко...

- Танечка...Таня...Проснись..., - откуда-то, будто издалека, услышала девочка незнакомый мужской голос. Открыв глаза, она совсем близко увидела лицо мужчины, с которым шла по лугу мама. Он смотрел на неё серыми глазами и тихонько трогал за плечико.

- Вставай, попрыгунья! Давай знакомиться: дядя Толя, - и протянул ей руку. Танюшка неуверенно и диковато смотрела на «чужого», и руки не подавала. Никогда мамыны кавалеры не знакомились с ней. Они появлялись и исчезали из её маленькой жизни, так и не успев ей хотя бы чем-то понравиться. А мать нарочно твердила Танюшке, чтоб называла она очередного ухажёра «папой».

А тут, на тебе: дядя Толя... и сам знакомиться пришёл, и руку протянул. И улыбка у него добрая, ласковая...

— Ну что ты, Таня? Не бойся меня. Я хочу быть тебе другом, - продолжал незнакомец. — А ещё я познакомлю тебя с моим сыном, Никитой. Он немного постарше тебя, но мальчик общительный. Уверен: тебе с ним будет интересно играть...

Танюха удивлённо смотрела на «дядю Толю» и внимательно слушала. В её душе появилась непонятная симпатия к этому человеку. И вдруг она протянула ему свою маленькую пухлую ладошку.

- Ну вот и ладненько, - сказал он, беря ручонку Танюшки, - идём в дом. Там тётя Оля и мама окрошку приготовили.

Тёплый июльский вечер окутал деревню. Солнце село за горизонт, окрашенный багряным румянцем и спасительная прохлада обняла окружающий мир: уставшие от жары деревья, яркие цветы в палисадниках, деревенскую улицу с глазастыми окнами домишек, околицу с зеленью луга. На высоком небе уже зажглись далёкие звёздочки. Время от времени там, у самого горизонта, вспыхивали ясные полосы света, будто кто-то неведомый взмахивал зажжёнными факелами волшебного огня. Танюшка стояла рядом с дядей Толей у раскрытого на веранде окна и смотрела на дальние всполохи.

- А знаешь, Таня, что сверкает там, на небе, - вдруг спросил он.

- Нет, - полушёпотом ответила девочка.

- Послушай. Я расскажу тебе секрет, - продолжал дядя Толя. – Далеко – далеко, у самого горизонта есть огромные поля с золотой пшеницей. За них уходит спать солнышко. А когда наступает ночь, прилетают на те поля гордые и красивые жар-птицы. Крылья их горят ярким светом. Опускаются птицы на вольные поля и клюют золотую пшеницу. Насытившись, взмахивают огненными крыльями и поднимаются в небо. И озаряется оно ясным светом. Улетают птицы, и каждый взмах крыльев освещает небо яркой вспышкой – зарницей. Покуда в пути жар-птицы, полыхают те зарницы...

- А какие они жары-птицы? – удивлённо прошептала Танюшка.

- Огромные и красоты дивной, - задумчиво ответил дядя Толя, - никто их близко не видывал. Только сказочные птицы дарят нам моменты спокойствия и тепла. Человек испытывает невероятно большое удовольствие любоваться зарницами.

Город, куда приехала Танюха вместе с мамой и дядей Толей, встретил шумом и многолюдием. Разноцветные машины, длинные автобусы куда-то бесконечно ехали по твёрдым серым дорогам. Зелёные деревья в скверах и вдоль улиц казались великанами, хранящими город от жары. Повсюду цвели удивительно красивые цветы, а у скамеек, похозяйски расположившихся в небольших сквериках, без страха разгуливали сизые и белые голуби. Прямо на улице улыбочивые бабульки продавали зелёный лук, бордовый редис, молодую морковку, зеленобокие огурчики и пузатые помидоры. У некоторых даже были жёлтые округлые дыни и продолговатые золотистые, да глянцево-зелёные кабачки.

Таня никогда не была в городе. Оттого картины жизни его удивляли и восхищали. Теперь ей предстояло жить здесь. Эта мысль никак не умещалась в маленькой кудрявой головке. Она никак не могла понять, почему нельзя быстренько перебежать дорогу, когда машины ещё сравнительно далеко. Что надо смотреть на длинноногий столб с тремя фонариками и ждать, когда погаснет красный, подмигнёт жёлтый и вспыхнет зелёный. Тогда все люди, что стоят на обочине, кучей быстро идут вперёд по перечерченной белыми полосками дорожке на противоположную обочину. Все машины при этом, как вкопанные, останавливаются и ждут, когда толпа благополучно пройдёт перед самым их носом.

Не понимала она и того, почему фантик от вкусной конфеты нельзя просто бросить, а надо подойти к пузатому металлическому ящичку на ножке и бросить именно туда; отчего, если захотелось пить, не следует зачерпнуть пригоршнями воду из большой белой «чашки» в сквере, над которой столбиками высоко бьют прозрачные струи и падают в неё с весёлым бульканьем; почему нельзя сорвать красивый цветок на клумбе и подарить его маме... Ей было непонятно даже то, почему собачек ведут на ремешке, а у

тех, что побольше, на «носу» напаялена какая-то штука. Чем дальше шла Танюшка за руку с мамой, тем больше возникало непонятных вопросов.

Вот и большой дом, к которому они повернули и вошли в широкую дверь, в какой-то прохладный коридор. Вверх уходят ступеньки, по которым следует подниматься. Выше. Выше.

- Третий этаж, - произносит мама. Что такое «этаж» Таня не понимает, но шагает с мамой за дядей Толей. А позади остаются какие-то закрытые двери, на которых «прилеплены» цифры...

Наконец у одной из них дядя Толя останавливается и прикладывает палец к чёрной кнопке сбоку от неё. Где-то там внутри, за дверью, раздаётся звонок и она открывается. По ту сторону её оказывается невысокая седоволосая бабушка в синем платье и цветастом переднике, а рядом с ней светловолосый черноглазый мальчишка.

- Ну, мама, встречай гостей, - улыбается дядя Толя. Весело ерошит волосы на голове мальчишки, - здорово, Нититос!

- Здравствуйте, Евдокия Павловна, привет, Никита, - произносит мама.

- Ну, знакомьтесь, - продолжает дядя Толя, - это баба Дуся, это- Никита. А наша маленькая леди – Танюша. Теперь мы будем жить все вместе.

Незаметно подкрался конец августа. Через неделю Танюхе предстояло пойти в первый класс. На городском рынке ей уже купили школьное платье, туфельки, красивый ранец. В магазине приобрели тетради, ручку, карандаши, альбом, краски, пластилин и много ещё чего нужного для школы.

Никита собирался учиться во втором классе. Он уже умел читать, писать, без запинки считал и решал примеры и задачи.

Дети подружились. Вечерами, усевшись на мягком диване, Никита читал Танюшке интересные книжки про животных или добрые сказки о феях, волшебниках. Иногда они играли в нехитрые настольные игры или в шашки. Мама и дядя Толя по утрам уходили на работу, а баба Дуся готовила на кухне что-нибудь вкусненькое. Закончив свои дела, накормив детей, она отправлялась с ними во двор, в парк отдыха или в сквер. А иногда, устроившись в кресле, брала в руки клубочки пряжи, спицы и вязала нехитрые вещички для семьи: носки, варежки, шарфики, шапочки...

Школьная жизнь захватила Танюху. В школе ей безумно нравилось. Каждый день она с интересом узнавала что-то новое. Никите учёба давалась легко. После школы он старательно выполнял задания, а вечером показывал тетради отцу. Тот, проверив уроки у сына, начинал заниматься с Таней. Она с нетерпением ждала этих интересных вечеров, когда дядя Толя начнёт урок с ней. Каждая буква и цифра обретали свою историю.

- Смотри, Таня, - говорил дядя Толя, - вот это две палочки наклонились друг к другу и держатся за руки. Это буква «А», а вот они побежали: одна вперёд, другая за ней. А за руки всё-равно держатся: это буква «М» - мамина буква. А вот пузатенькая: у палочки большой животик, сверху – шляпка: буква «Б»...

- А какая твоя буква? – интересовалась девочка.

- У нас с тобой одна буква, одинаковая, - смеялся дядя Толя. – Смотри. Стоит палочка одна-одинёшенька. Положим на неё другую, получится, как табуреточка. Это буква «Т». Это наша буква: Толя, Таня...

В арифметике было чуть иначе.

- Видишь: идёт палочка. Гордая, зазнайка, нос вперёд вытянула и под ноги не смотрит. Такова цифра один – «1», а за ней бежит другая: голову пригнула, хвост вытянула, такая неумеха, смешная, ей ничего делать не хочется. Это двойка, или цифра два – «2»...

Так буквы и цифры приобретали каждая свою историю, были живые, легко запоминались.

Лето пришло незаметно. В школе начались каникулы, когда не надо было вставать рано утром, выполнять уроки. Целый день проходил в играх. Во дворе было шумно и весело. Танюшка на целых две недели успела съездить в деревню, погостить у бабушки и тёти Оли. Там всё было по-прежнему: игры на лугу, тёплая речка, лес, богатый грибами и ягодами. А главное – старые друзья.

Скоро у дяди Толи и мамы начался отпуск. Что такое «отпуск» Таня не понимала, только в это время взрослые были дома. Можно было погулять по городу, побывать в парке, покататься на каруселях, на большом колесе, которое почему-то называли «чёртовым». Наверное, на нём по ночам, когда пустеет парк, крутится маленький смешной чертёнок. «Вот бы посмотреть на это его веселье!» - думала Танюшка.

А ещё дети часто ходили в большой дом, что назывался «Кинотеатр», где смотрели забавные мультики. Потом всей семьёй шли в детское кафе, в котором с аппетитом уплетали вкусные блинчики с разным вареньем, мороженое с ягодами и фруктами, пили сок. Хорошее это время каникулы – отпуск!

А ещё дети любили ездить на дачу. Там было настоящее раздолье! Дядя Толя наводил порядок в саду, а мама с бабой Дусей колдовали над грядками. Никита с Танюшкой весело поливали из шланга ягоды, овощи, кусты малины, с визгом окатывали и себя...

Июль выдался жарким. Солнце палило нещадно. От раскалённого асфальта поднимался горячий воздух. Поливочные машины старались увлажнить воздух, однако вода мгновенно высыхала на горячем асфальте. Цветы поникли, жадно поглощали падающие на клумбы струи. Деревья, казалось, изнывали от жары и оживали лишь по вечерам, когда становилось чуть прохладнее. Июльские вечера опускались над уставшей от зноя землёй. И снова в небе высыпали яркие звёзды. Их было невозможно сосчитать. Никита и Таня стояли на балконе и смотрели на дальний горизонт. Где-то там далеко вспыхивали яркие всполохи.

- Смотри, Танюша, зарницы, - чуть слышно произнёс Никита.
- Жары-птицы прилетели, - прошептала она.
- Папа рассказывал, что жар-птицы большие и красивые. Вот бы хоть раз посмотреть, - мечтательно произнёс мальчик.

Танюхе очень хотелось поделиться с Никитой тем, что и она слышала уже об этих удивительных птицах, что дядя Толя и ей рассказывал о них. Но она продолжала слушать рассказ от Никиты об удивительных жар-птицах. А ещё в этот момент ей хотелось легко и просто, как это делал Никита, назвать дядю Толю папой...

Она помолчала и неожиданно сказала:

- Мама и папа – наши зарницы. Они рядом. С ними нам тепло, светло и радостно.
- Ага, - отозвался Никита...

Уже засыпая, Танюшка, казалось, снова где-то там, вдали у горизонта видела вспышки зарниц. А сквозь их проглядывали родные лица мамы и дяди Толи. Они улыбались. Сквозь сон девочка тоже счастливо улыбнулась им и прошептала: «Папа»...

Миниатюры

Кленовый листочек

Стоял конец августа. И хотя календарная осень ещё не наступила, был он по-осеннему промозглым и неудобным: несколько дней небо укрыто тяжёлыми тучами, временами моросит нудный мелкий дождь, столбик термометра даже днём не поднимается выше 16 градусов. Одним словом: август напоминает октябрь...

После рабочего дня возвращаюсь домой. Иду по безлюдному парку. На качелях вверх – вниз качается девочка лет 5-6 в розовой курточке и белой вязаной шапочке. «Странно, - подумала я, - и хочется ей в такую погоду на мокрых качелях качаться? И почему она одна?»

Увидев меня, девчушка легко спрыгнула с качелей и побежала навстречу.

- Здравствуйте! – широко улыбаясь, поприветствовала меня.

- Здравствуй, - ответила я, в свою очередь.

- Вот! Я Вам дарю! – она протянула мне тронутый желтизной, с зеленоватыми прожилками, кленовый листочек.

Чуть растерявшись, я недоумённо бросила взгляд вокруг – все деревья ещё стояли в зелёном наряде, осень пока не коснулась их своей кистью.

- Я его там нашла, - словно угадав мои мысли, промолвила девочка и кивнула в сторону сквера Победы, примыкающего к парку, - он там один был, больше нет. Он золотой!

- Спасибо.

Я взяла «золотой» и продолжила путь, а девочка подбежала к качелям и снова вверх – вниз весело скрипнули они...

Не знаю отчего, но вдруг светло и солнечно стало на душе. Мне был совершенно не нужен этот жёлтый кленовый листочек, но бросить его, было жаль, он, словно, согревал невидимым теплом мою ладонь, и я бережно, как драгоценное сокровище, несла его.

Дома положила «золотой» в старую книгу, где он со временем высохнет, но сохранит светлое воспоминание о незнакомой девочке, которая с радостью, от всего сердца подарила его однажды...

Отчего мы, взрослые люди, не понимаем, порой, как легко можно дарить окружающим тепло своей души? А ведь стоит лишь посмотреть на мир детскими глазами, и на миг превратить его в волшебную драгоценность, которую щедро подарить первому встречному.

Леночка отмечала свой шестой день рождения. Её детсадовские друзья пришли весёлые и нарядные. Мама накрыла праздничный стол с разными «вкусностями». В центре красовался большой красивый торт с шестью разноцветными свечечками. Шумная компания расселась за столом, именинница принимала подарки и с восторгом рассматривала их: смешной гномик в красном колпачке, две куколки – малютки в ярких ажурных платьицах, забавный котёнок с огромным бантом на шее, мышонок, который весело поёт: «Я мышонок хоть куда, не скучаю никогда, я играю целый день, только мне работать лень...» и другие забавные игрушки. А Оля как-то неуверенно протянула завернутого в целлофан розового поросёнка, у которого вместо пяточка красовалась аккуратно пришитая большая малиновая пуговица, а вместо глаз - две маленькие перламутровые синие. Ушки и хвостик оформлены из кусочков розовой кожи. «Я сама его сшила», - скромно сказала Оля. Равнодушно повертев в руках хрюшку, Леночка бросила его к подаркам. Среди них он выглядел как-то нелепо, будто гадкий утёнок.

Вечером мама тихо вошла в детскую и увидела, что Лена увлечённо играет новыми игрушками. Поросёнок – самоделка отброшен в сторону.

- А что ты этой игрушкой не играешь? – тихонько спросила мама, - он ведь скучает, и тоже хочет играть.

- Он некрасивый, - ответила дочка, не отвлекаясь от игры.

- А посмотри, какие у него синие глаза, почти как у тебя, - продолжала мама.- И вообще он очень добрый. И ни у кого в мире больше нет такого. Олечка сшила его сама. Он хочет быть твоим самым верным другом.

Мать не стала объяснять, что у Оли большая семья и живут они трудно, что магазинные игрушки в их доме - редкость. Вместе с мамой и бабушкой они фантазируют, делая своих кукол, зверушек и другие поделки.

Только когда дочка уснула, она увидела, что рядом с подушкой прикорнул розовый поросёнок.

Яшенька (так назвала его Лена) стал её любимой игрушкой.

Эту историю рассказала моя знакомая. А мне подумалось, сколько мудрости следует вкладывать в беседу с ребёнком, чтобы дать ему понять истинную ценность окружающих нас вещей и нравственных поступков.

Чем пахнет снег...

Лёгкий пушистый снег медленно падал на землю. Снежинки были настолько крупными, что напоминали рисунок из волшебной новогодней сказки, они словно были искусно вырезаны из ажурного бархата умелыми руками небесного художника.

По аллее вечернего парка не спеша идут двое: парень и девушка. Они о чём-то весело беседуют. Порой она останавливается и поднимает руки ладонями вверх, на которые падают узорные снежинки. Они не сразу тают на варежках, позволяя рассмотреть себя. Поравнявшись с молодой парой, слышу отрывки их разговора:

- Чувствуешь, как пахнет снег? - чуть загадочно произносит она.

- Да-а-а, - отвечает с улыбкой он.

- Он пахнет свежестью, морозом, зимой,- размышляет она.

- А ещё нашим счастьем,- дополняет он.

- Знаешь,- вдруг останавливается она, - если у нас будет девочка, - назовём её Снежаной.

Ну и пусть не зимой родится, но ведь именно под этот снег мы нашли ей имя. Когда она вырастет, мы расскажем как оно «родилось», - и на её лице появляется счастливая улыбка...

Я догадываюсь, что эти двое ждут ребёнка. Они ещё не знают, кто у них будет, но уже любят малыша, дарят ему положительные эмоции. А значит быть ему счастливым.

Продолжаю свой путь. Уже не доносятся до меня слова, что говорят молодые люди, но я улыбаюсь, и на душе легко и радостно...

Невольно ловлю себя на мысли: «А чем пахнет снег?»

Я не заметила, как появилось в уголке балкона уютное гнездо. В солнечное апрельское утро, выглянув в окно, увидела сидящую на нём голубку. Приютившись в уголочке, с аккуратно сложенными крыльями, она казалась маленькой и беззащитной. Всякий раз, когда кто-нибудь из нас выглядывал в окно, она чуть склоняла головку и скашивала глаз в нашу сторону. Как-то, осторожно открыв балконную дверь, я тихонько вышла, поставила перед нею баночку с водой и положила хлебные крошки. Не знаю, испугалась ли она, но с гнезда не тронулась.

Наблюдая за птицей, увидела, что часто навещается к подруге гордый, с красивым оперением голубь-сизарь. Усевшись на краешек балкона, он осмотрится вокруг, а затем, опустившись рядышком с гнездом, заботливо «гладит» голубку клювом по голове, шее. Они целуются, ласково касаясь друг друга. Смотреть удивительную картину голубиной любви хочется не отрываясь. И думается о том, как много можем взять для себя мы, подражая этим обыкновенным, ничем неприметным на первый взгляд, птицам: нежность, заботу, любовь.

Пройдёт немного времени, и появятся у голубиной пары маленькие птенцы. Интересно, будут ли они считать это гнёздышко на балконе своим родным уголком?

Дефицит вежливости

Конец рабочего дня. И прежде чем направиться домой, мы спешим попутно «заскочить» в магазин - запастись необходимым провиантом. В эти часы пик здесь бывает особенно многолюдно и продавцам приходится работать с особым напряжением.

Постояв у витрины с мясными изделиями, к прилавку подходит старушка и чуть стеснительно обращается к девушке-продавцу: «Скажите, сколько стоит вот эта колбаса?». Еле сдерживая раздражительность, та отвечает: «Там всё написано!».

В растерянности, чуть слышно, старушка произносит: «Да, кабы видели мои глазоньки, не спросила бы...».

Рассчитавшись за покупку, подхожу к ней и говорю, сколько стоит та самая колбаса.

- Спасибо, доченька,- шепчет она в ответ.

Где-то в душе накатывается комочек тепла: давно в моём возрасте никто не называл меня доченькой, чаще по имени-отчеству. Невольно вспомнилась мама.

К сожалению, подобную ситуацию нередко приходится наблюдать не только в торговых точках, но и в других местах сферы обслуживания. Вежливость становится всё в большем дефиците. А ведь бывает так приятно получить в ответ добрую улыбку, частичку душевного тепла. Это совсем нетрудно, а как светло становится вокруг.

Добрые узелки

Тёплый летний вечер. Молодые мамы гуляют в парке с детьми. Малыши играют в песочнице, качаются на качелях, катаются с горок. Многие из них совсем недавно научились делать первые неуверенные шаги. Мамы заботливо следят за ними и учат первым правилам поведения.

Вот маленькая голубоглазая девчушка, отбросив свою зелёную лопатку, берёт такую же, но красную у соседки и начинает старательно ковырять песочек. «Хозяйка» хмурит брови и пытается отнять своё. «Пусть девочка поиграет твоей лопаткой,- вмешивается в «конфликт» мама,- ты ведь не жадная и разрешишь ей. Правда?» Ребенок соглашается. И тут же мальчик в зелёных шортиках протягивает свою машинку с кузовом, чтобы грузили в неё песок. Он тоже не хочет быть жадным. Вот он –первый узелок: умение делиться с друзьями.

Девочка в нарядной шляпке допивает сок, и вертит в руках маленькую упаковку с трубочкой: куда бы её бросить? « Отнеси коробочку в мусорку»,- советует мама. И малышка направляется к урне, осторожно опускает в неё ненужное. Она получает урок аккуратности, соблюдения чистоты в общественном месте. Это тоже добрый узелок.

Малышка бежит к горке, неожиданно спотыкается о небольшую травяную кочку. Падает и громко плачет. Мама поднимает её, начинает ласково успокаивать. Стоящая поблизости другая девочка с интересом смотрит. А её мама подсказывает: « Пожалей девочку. Ей больно. Подойди к ней». И она семенит к обиженной, гладит её по ручке. Завязан узелок сопереживания ближнему.

Вот так с лёгкой руки взрослых закладываются в сознании малышей добрые узелки. И было бы здорово, если бы сохранили они их на всю жизнь.

Вот и весна! Долгожданная, радостная. Асфальт усыпан клейкими тополиными почками, на смену которым распустилась нежная зелень душистых листочков. Берёзки уже поразвесили нарядные весенние серёжки. Солнечно и тепло. Спешу на работу. Чуть впереди весело бежит через дорогу красный жучок с черными крапинками на спинке. В детстве мы отчего-то называли их «пожарниками», может за красный цвет или за быстрый бег. Навстречу ещё совсем не старая бабушка ведёт за ручку маленькую внучку. Увидев бегущего жучка, девочка неожиданно вырывается и со всех ног несётся вперёд. Она резко поднимает ножку в голубом ботиночке и опускает её на букашку. «Вот тебе!» - радостно произносит девочка. «Молодец!» - улыбается восторженно бабушка. Бедный жучок беспомощно распластан по асфальту...

Её похвалили. А значит, она сделала правильно, поступила хорошо. И в следующий раз можно убить кого-то более крупного...

Не отсюда ли берёт начало жестокость? Не мы ли, взрослые, повинны в том, что дети, порой, не умеют видеть, жалеть и любить окружающую природу, живность, что рядом?

Вспомните поучительные стихи детской поэтессы Агнии Барто:

*Мы не заметили жука
И рамы зимние закрыли.,
А он живой, он жив пока,
Жужжит в окне,
Расправив крылья...
И я зову на помощь маму:
- Там жук живой!
Раскроем раму!*

Всё закладывается в детстве. Ведь о добром, жалостливом человеке говорят: «мухи не обидит». Вдумайтесь: слова любить и жалеть – такие разные, но как они близки друг другу! Мы должны научить наших детей любить и жалеть. А значит быть милосердными, добрыми. Это наш святой долг. Никто не сделает этого за нас.

Когда я была маленькой...
(Картинки из детства в миниатюрах)

Я часто думаю над одним и тем же вопросом: с какого времени малыш начинает помнить? Возвращаясь в период своих детских воспоминаний, утверждаюсь во мнении, что помню события, окружающих людей, мир, который познавала, примерно лет с трёх.

С этого времени хранятся в памяти мои самые ранние воспоминания о детстве. Итак, когда я была маленькой...

Деревенька моя деревянная

Наша деревня казалась мне очень большой. А сколько народу жило в ней! Эти люди составляли моё детское представление об окружающем мире, ведь он ограничивался для меня этой деревней. Но ещё больше, по-моему убеждению, было коров, телят. Когда их выгоняли на улицу, провожая стадо на выгон, они заполняли её всю, поднимали пыль и радостно мычали, будто приветствовали солнце и свободу, на которой оказывались после проведённой в загоне ночи. Стадо чинно следовало на луг, где ждали зелёная трава и водопой. Вечером сытые коровы устало, с полным выменем, возвращались домой в деревню. И опять она наполнялась мычанием. За сланкой их встречали хозяева, среди встречающих было немало ребятишек. Встретить свою кормилицу из стада было святой обязанностью. Ведь, не приведи Бог «проворонить» корову, и уйдёт она в колхозные поля на окраине, откуда попадёт «в траву», и накажут нерадивого хозяина штрафом.

А ещё было в деревне бесчисленное количество гусей. По весне из каждого двора направлялись они с выводками жёлтых пушистых цыплят к озерам на лугу, а чаще всего к водоёму за маслозаводом, где находилась большая лужайка, поросшая густой травой. Тут было настоящее раздолье. Ребятишки пасли гусят, охраняя их от хищных коршунов, круживших высоко в небе. Стоило только зазеваться «пастуху», как коршун-хищник камнем падал вниз и, «выхватив» цыплёнка, уносил его ввысь. На полянке поднимался громкий гогот пострадавшего гусяного стада, а ребятишки начинали махать в воздухе хворостинами, отпугивая коршунёв.

Из водоплавающей птицы было немало и уток, с такими же жёлтыми комочками – утятами, которых также приходилось охранять от коварных коршунов.

Как я познавала мир

Когда я была маленькой... Мне казалось, что наши Тамакульские горы такие высокие, что на них лежат облака. А где-то далеко есть самые высокие горы. И я думала, что если взобраться на самую. Вершину наших гор и шагать по ней, то обязательно придёшь к тем высоким, которые далеко-далеко. Они виделись мне каменными и обязательно с пещерами, в которых полным-полно изумрудов и дорогих камней, что хранит Хозяйка Медной Горы, похитившая Данилу- мастера, о которой читала мне в книжке мама.

Когда я была маленькой... Я думала, что на географической карте, что показывал мне папа, цветные частички означают другие деревни, где живут люди. И там они одеваются в одежды такого цвета, какой нарисован на карте: голубые, зелёные, жёлтые, красные... А окружают эти островки синие «частички». Папка говорил, что это моря. Другого цвета они не бывают. Ведь в моей любимой сказке о золотой рыбке так и написано: «Жил старик со своею старухой у самого синего моря...». Однажды папка принёс домой круглый шар на подставке и сказал, что это глобус, что такая круглая наша Земля, планета, на которой мы живём, что она крутится. На шарике были такие же цветные островки, окружённые морями, как и на карте. Папка поставил глобус на стол и включил электрическую лампочку под потолком. «Это как Солнце», - пояснил он. Вращая глобус-шарик на столе он говорил, что вот так он подставляет солнышку то один бок, то другой. А оно греет и освещает нашу Землю. Что на той стороне, которая под Солнцем, день, а на другой, что в тени – ночь. И там светит Луна. Она тоже круглая, как Земля и Солнце. И в эту удивительную игру мы с ним подолгу играли.

Немало и других мыслей «гнездились» в моей голове, когда я была маленькой.

«Грязные» глаза

У меня были светлые пушистые волосы, которые родители называли «ленок». А вот глаза, как у мамы – чёрные, будто две смородинки.

Однажды к отцу пришёл в гости товарищ по работе. Они что-то обсуждали в комнате, а я играла в уголке. Уходя, мужчина наклонился ко мне, погладил рукой по головке и с улыбкой произнёс:

- Вот ведь какая беленькая. А глаза-то грязные – чёрные, как угольки. Мыть надо их с мылом...

Отец вышел проводить гостя. Мама хлопотала во дворе. А старшая сестра Фая ещё не вернулась из школы. Оставшись одна, я, недолго думая, подбежала к рукомойнику, висевшему в уголке в маленьком коридорчике, соединяющем кухню с комнатой. Под умывальником стоял эмалированный тазик с водой, сбегавшей из него, когда нажимали на торчащий из умывальника «гвоздик», чтобы вымыть лицо или руки. Рядышком на «приступочке» лежало розовое, ароматно пахнущее, земляничное мыло. С трудом придвинув стоящую поблизости массивную деревянную табуретку, я взгромоздилась на неё и, дотянувшись до мыла, помочила его в тазике. Потом старательно потёрла им «грязные» глаза. В тот же миг их будто огнём загло! От боли я заорала во всё горло. Распахнув дверь, влетели родители. Отец схватил меня с табуретки и, увидев намыленные глаза, принялся смывать жгучие пузыри под струёй воды из рукомойника. Всё это время я неистово кричала. Наконец, вытерев мои глаза мягким полотенцем, отец усадил меня на колени и ласково сказал: «Чудо ты моё черноглазое. У тебя не грязные глазки, а такие чудные и красивые, будто ягодки. И не надо их больше мылить!»

Где же сало у медведя?

Игрушек в нашем детстве было немного. Чаще всего их заменяли разные черепки из разбитой посуды, бутылочки из-под одеколона, обрезки деревянных брусочков, сшитые куклы, разноцветные тряпочки из остатков ткани и т.д.

А однажды мне подарили небольшого пластмассового медведя. Он состоял из двух равных половинок, соединённых между собой. У него были чёрные бусинки-глаза, округлые ушки и букристые выступы такой же пластмассовой шерсти. Медведь твёрдо стоял на четырёх лапках, будто шагал вперёд. Я любила эту необыкновенную игрушку. Поставив её в траву во дворе, представляла, что пробирается медведь по густому лесу. Он был для меня будто живой. С ним я вела беседы, им пугала любопытных кур и котёнка, который всё норовил обнюхать «зверя».

Как-то играла я во дворе. Мама с пришедшей соседкой, устроившись на крылечке, о чём-то беседовали. До моего слуха долетали обрывки фраз. И вот одна из них показалась очень интересной: Надо бы медвежьим салом помазать... Только где его взять?» я подняла из травы моего медведя. Внимательно осмотрела. Действительно, где ж у него сало? Что такое «сало» я знала: когда осенью забивали во дворе свинью, то находилось оно под шкурой: белое и гладкое. Его срезали, солили, топили, а потом жарили на сковороде вкусную хрустящую картошку. А где же сало у медведя? Ну конечно под шкурой! Там внутри... А значит, надо его «зарубить» и «содрать» шкуру! Но как?! Мне, разумеется, было очень жаль «зверя», но посмотреть на медвежье сало тоже хотелось. Тем более, если оно поможет тётке Вале от её болезни: помажет она им нездоровую ногу и боль уйдёт. Осмотрев подворье, я увидела обломок кирпича с заострённым краем. Взяв медведя, начала старательно бить его по спине. Уж сколько времени на это потребовалось не знаю, но он треснул по шву и развалился на две равные половинки. Но были они...пустые. И никакого сала там не оказалось. Помню как горько и безутешно плакала «над шкурой» загубленного медведя. Вечером папа соединил половинки между собой и крепко связал старым шнурком от ботинка. Так и жил мой друг – бурый медведь «перебинтованным», покуда где-то не потерялся.

Старшая сестра

Наша семья состояла из пяти человек: папа, мама, баба Катя (мамина мама), старшая сестра Фая и я. Сестра была старше меня на семь лет и, конечно, являлась для меня большим авторитетом. Я слушалась её беспрекословно. Её подруги нередко играли со мной, мастерили мне куклы из тряпочек, а сестра шила им нарядные, красивые платья из лоскутков. Часто вечерами Фая читала мне сказки, а порой рассказывала сама, дополняя игрой в куклы. Нередко придумывала свои сказки. Это от неё я впервые узнала про маленькую девочку Дюймовочку, которая спасла птичку-ласточку, а та отблагодарила её и унесла от злой мыши; про деревянного мальчика Буратино и про золотую рыбку, творящую чудеса.

Когда я болела, сестра поила меня вкусным чаем с малиновым вареньем, старалась развеселить меня, делала разные поделки из бумаги и отдавала мне. Помнится как-то она подарила смешного чёртика с огромными глазищами и чёрными рожками, который, если дёрнуть за длинную бумажку снизу, показывал красный язык. Я от души радовалась и смеялась над проделками бумажного чертёнка.

В жаркие летние дни девчонки бегали купаться на речку у сланки. Моя сестра всегда брала меня с собой и, усадив на деревянный плоток у берега, разрешала поболтать ногами в тёплой прозрачной воде, в которой у берега резвились мальки-рыбёшки. Побросав на песке платица, они шумной гурьбой вбегали в воду, поднимая теплые, искрящиеся на солнце, брызги. Потом выбегали из воды и падали на горячий песок. Тогда и я устраивалась рядом с ними и копала в песке ямки. В конце купания сестра и меня заносила в речку и окунала в тёплую водичку. Мы возвращались домой радостные, счастливые.

Летом мы помогали маме полоть огород. Сестра выдёргивала из грядки тоненькие первые морковки и, вымыв их в большой кадке с водой, подавала мне. С каким удовольствием я лакомила нежной мякотью молодых морковок и зелёным горошком, висящим стручками на гороховой грядке! Я и сегодня ощущаю неповторимость этого чудного лакомства детства! Никогда и ничего не пробовала я вкуснее его.

А ещё у меня был старший брат Слава (сын отца от его первого брака), который тоже часто и подолгу жил у нас. Оттого считали мы его своим, родным, близким человеком. Мы любили его. Был он старшим из нас, детей, поэтому его слушались и уважали. Он был спокойный, рассудительный мальчик, мог помочь найти ответ на интересующие нас вопросы, смастерить интересную игрушку. Вместе с братом и сестрой мы часто собирали щепы и разные колбышки у строящихся в деревне домов. Приносили их в корзине для бани, которую мама летом протапливала каждый вечер, чтобы «сполоснуться» после жаркого дня, работы и вечерней управы. Мы весело бежали по двору, поросшему зелёной травой-колотопкой, в баньку, накинув на плечи полотенца. На тёплом полу мама поливала меня водичкой и шутливо приговаривала: «Чистая вода, как омывала- полоскала крутые берега, так смой-сполощи с младенца Лидочки все хвори и болезни...» струйки весело текли и щекотали моё тельце, а я смеялась и подставляла под них ручонки.

А потом, усевшись за столом в избе, мы уплетали наваристый суп и свежие ватрушки с парным молоком. Кстати, молоко я любила очень сильно. Каждый вечер ждала у крылечка, когда мама с полным подойником тёплого парного молочка с мягкой пенной шапкой сверху, улыбаясь, подходила к крыльцу. Поставив ведро, она сдувала эту пену и мы с маленькими бокальчиками бросались к подойнику, зачерпывали молоко и жадно пили его тёплое, пахнущее луговыми травами, солнцем. Над нашими губами оставались белые разводы - «усики» и мы весело смеялись друг над другом, над нашими «белопенными усами».

Зима в наших краях наступала уже в конце октября. Белая выюжная она засыпала снегом деревню, небольшой сад у дома, улицы и деревья. Прилетали снегири и как красные яблоки качались на ветках, осыпая с них снег. Мы с отцом развешивали кормушки для птиц на клёнах под окном, и с интересом наблюдали, как бойко слетались к ним серые воробьи, красногрудые снегири, синички в жёлтых сарафанчиках.

К ноябрьским праздникам во дворах кололи свиней и телят. В каждом доме наступали «мясные времена»: солили сало, стряпали и морозили пельмени, коптили грудинку, а мясные туши убирали на хранение в кладовки. Потом их рубили и складывали в лари. Супы, жаркое, мясные каши входили в меню каждой семьи.

Холодные и снежные зимы были закономерностью, тридцати и сорокаградусные морозы считались в порядке вещей. Утром и вечером топились печи, и дым из труб поднимался вверх над каждой избой. По субботам топили и бани.

Зимними вечерами у нас отец устраивал семейные чтения книг. Усевшись за столом, мы слушали его. Страница за страницей погружались в мир литературных героев. Именно в детстве я познакомилась с такими «недетскими» книгами, как Э.Войнич «Овод», В.Лацис «Сын рыбака», С. Бабаевский «Кавалер Золотой Звезды», с героями рассказов Джека Лондона, со стихами Некрасова, Пушкина, Тютчева. Конечно, читали и детские книжки, только отчего-то именно взрослые нравились мне слушать больше.

А ещё я любила вместе с отцом убирать снег во дворе и за оградой – огребаться, как он называл эту работу. Папа легко и просто орудовал большой деревянной лопатой, которую называли «пехлом». А мне для этих целей он сделал такую же маленькую лопату. Я с удовольствием гребла ею снег к большому сугробу. Было отрадно ощущать себя помощницей.

Мама в зимние вечера вязала тёплые рукавички, носки из шерсти, а из ниток – кружева, которыми украшались занавески, покрывала, скатерти.

Мы с сестрой что-нибудь лепили из глины или рисовали цветными карандашами. Рисовать я очень любила. Нередко «срисовывала» что-нибудь с натуры – кочан капусты, длиннохвостую свёклу или брюкву.

Поистине праздником в такие в зимние дни были те, когда родители «лазили в яму» - в погреб, находящийся в сарае. На зиму его тщательно укрывали соломой, старыми одеялами, половиками. А там хранилось настоящее «богатство»! Картошка, свёкла и морковь, капуста и кадушки с солёными огурцами, помидорами, грибами, банки с вареньем ...Самым любимым нашим лакомством была брюква – крупная, белая, сочная. Когда, выбрав день потеплее, отец «распаковывал» яму, то приносил оттуда много- много разной вкуснятины.

Вот тут-то настоящей барыней и была брюква. Папа сочил её прямо в самой середине ножом, и ничего не было вкуснее этого «сочива»! А потом он брал целую брюкву, нож и, усевшись за стол, вырезал из неё разные маленькие фигурки: зайчика, волка, котёнка, человечков, домики, горки, саночки и много чего другого. Эти «игрушки» выстраивались на столе. Мы играли ими, а потом съедали.

Ещё в зимние вечера папа нередко устраивал нам, детям, такое развлечение: в небольшой тазик наливал воды и подкрашивал её в голубой цвет. Это был наш синий пруд. Из цветной бумаги он вырезал листочки, цветочки, которые потом перемещались «жить» в воду. А в пруду появлялись такие же рыбки- самоделки и маленькая лодочка, на которой усаживался смешной бумажный рыбак. Он ловил в пруду рыбок. Иногда «сюжет» этой игры менялся: в пруду на самом дне «лежала» оранжевая Луна и маленькие звёздочки, будто отражалось небо. А на лодочке плыла маленькая девочка- Дюймовочка, которую пыталась похитить для своего слизкого и мокрого Сынка противная Жаба... Но прилетал Майский Жук и спасал девочку. Так оживала добрая сказка. Папа был очень

талантливым человеком, он поистине умел творить вот такие чудеса, радовать детишек своей фантазией. Должно быть, такие игры и ему доставляли удовольствие.

Пропавшая денежка

Эта история по сей день остаётся для меня «нераскрытой тайной» дело было вечером, когда папка уже пришёл с работы. Замечу, что всякий раз, когда он получал зарплату, нам с сестрой полагалась «премия» за то, что мы хорошо вели себя, помогали по дому маме. Этот «неписанный закон» установил отец. В день получки он выделял нам заслуженную награду: Фae красную денежку- десятку, а мне поменьше, синенькую – пятёрку. Это были для нас большие деньги, их хватало, чтобы купить в сельмаге цветные карандаши, игрушки, сладости, смотреть кинофильмы в клубе. Каждая из нас прятала свою денежку в потайном местечке и тратила по своему усмотрению. Наверное, по тем временам такое считалось «непедагогичным» моментом семейного воспитания, но нас это очень стимулировало, мы старались заработать свои «премиальные».

Как обычно, в этот тёплый летний вечер папа, усевшись на ступеньку крыльца, выдал нам по денежке. Я тут же побежала в огород, за баню, которая своим единственным маленьким оконцем смотрела на ухоженные грядки и яркий цветник, украшением владения нашей мамочки. Вытянув щепотку мха из паза над окошком, я свернула денежку, засунула её в образовавшееся отверстие, и поверх вложила вытянутый мох, закрыв мой тайник. Со спокойной душой отправилась играть.

Через некоторое время решила проверить, как там моя «зачатка»? Прибежала в огород и, выдернув клочок мха в знакомом месте, увидела, что «тайничок» мой пуст!. Не верила глазам! Шарила маленькими пальчиками, заглядывала в отверстие. Но, увы... Так и не найдя денежку, тихонько заплакала, усевшись под окошком бани. Вокруг не было никого, кто мог бы посочувствовать моему горю.

О пропаже никому не сказала. Молча пережила «горюшко». Только с тех пор стала осторожнее с финансами. Если уж не тратила их сразу, то хранила в укромном уголке дома.

Теперь через годы, вспоминая этот случай, прихожу к выводу, что подсмотрев, куда я прячу свои «премиальные», моя любимая сестричка «конфисковала» их. Больше никому было...

Литературный клуб Исеть

<http://literklubisety.ucoz.com/>

2018